

A person wearing a dark, hooded jacket is shown from the chest up, with their hands raised in the air. They are standing on a railway track at night. The scene is dimly lit, with a blueish-grey color palette. The person's face is partially obscured by the hood, and their hands are spread out. The railway tracks lead into the distance, creating a sense of depth.

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧЕВ

SAVE MAN

Еще вчера жизнь Данилы напоминала ад. Боль и нескрываемая злоба тянут его ко дну. Его дар — его проклятье. Он ненавидит людей, ненавидит свою жизнь, но на его плечах лежит огромный груз ответственности. Груз, который он больше не может нести. Каждый раз, спускаясь в подземный лабиринт огромного мегаполиса, он рискует собой, своей свободой, своим разумом. Рискует, чтобы жить дальше. Рискует, чтобы жили другие.

Евгений Ильичев

Save Man

Глава 1

Холодный поток воздуха, вырывавшийся из трубы подземки, возвещал о скором прибытии поезда. Данила еще сильнее вжал голову в плечи, стараясь унять нарастающую дрожь. Холод пронизывал его до костей. В эту ночь находиться дома было равноценно пытке, поэтому Даниле пришлось отправиться к метро задолго до его открытия. Капюшон балахона, небрежно торчавший из-под джинсовой куртки, был не самой хорошей защитой от проливного дождя, но всё же мокнуть на улице было лучше, чем сидеть дома одному, наедине с этим чувством. По крайней мере, не так страшно. Минут сорок Данила, примостившись возле спящей аптеки, наблюдал за редкими прохожими. Со стороны – ни дать ни взять наркоман за дозой вышел. Черные круги под глазами, длинные спутанные волосы, прикрывающие часть лица, неестественная худоба — всё свидетельствовало о сомнительном благополучии молодого человека.

Данила дождался дежурного обхода полиции, пропустил патруль вперед себя, прячась в тени аптечной лестницы, и спустился в подземку. Расчет оказался верным, и уже через десять минут он стоял на практически пустой платформе в ожидании первого состава. Красные от бессонной ночи глаза полоснул яркий луч от фар приближающегося поезда. Данила не успел зажмуриться и в ту же секунду ощутил нестерпимую боль. Все его чувства были обострены настолько, что, казалось, он ослеп навсегда. Данила шарахнулся назад от приближающегося с диким грохотом состава и наткнулся на какую-то бабку. Еле устояв на ногах, она тут же окатила его трехэтажным матом. Сквозь грохот тормозящего состава Данила различил что-то про «...уже с утра нализался» и, скромно буркнув какие-то извинения, поспешил от бабки подальше. Глаза горели и сильно слезились, но зрение постепенно возвращалось. Ввалившись в вагон, Данила рухнул на первое попавшееся сиденье. Поезд издал неестественно громкое шипение, больше подошедшее бы какому-нибудь мифическому дракону, и равнодушный мужской голос оповестил: «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция...» Для Данилы не было никакой разницы, какая там станция следующая. Его задачей было добраться до кольца как можно раньше. Только при этом раскладе у него был шанс. Бывали случаи, когда он просто не успевал или приезжал на место на каких-нибудь тридцать секунд позже, и тогда случалось непоправимое. Нет. Больше он не сможет себе такого простить. И так слишком сильно отпечатывались в его голове эти страшные картины. После таких провальных вылазок Даниле приходилось неделями восстанавливать здоровье и психику. Начальник на работе начинал поглядывать на него косо, а справок, естественно, никто по такому случаю не выдавал, и придумывать внятные объяснения своим внезапным болезням и прогулам становилось все труднее. Коллеги по цеху шептались за спиной Данилы об алкоголизме и наркомании, но молодому человеку было плевать на их мнение. В такие дни его волновало только одно: успеет он до точки или нет.

Поезд двигался медленно, подолгу стоял на станциях. Машинист выдерживал заданное время, а Данилу всё больше трясло от подобной нерасторопности. Было очень сложно усидеть на месте, когда гнетущая тишина очередной безлюдной станции становилась звенящей. Тогда парень вставал и начинал расхаживать по вагону. Казалось, бегом по темному тоннелю было бы куда быстрее добраться до нужного места, но Данила знал, что это обманчивое впечатление. Куда там пешком? Поезд едет шестьдесят километров в час,

только вот торчит на каждой станции целую вечность. В любом случае никакой альтернативы не было, и предугадать тот самый день он тоже не мог. Молодой человек постарался успокоиться, сел в конец вагона и закрыл глаза. Вдох-выдох. Вдох-выдох...

Все началось на пятом курсе университета. Это чувство врывалось в его повседневную жизнь так же резко, как и покидало ее. Далеко за полночь Данила вскакивал с кровати как ошпаренный и понимал – сегодня. Когда и во сколько, он не знал. Но зато точно знал, что именно сегодня это произойдет снова, и только от него зависит, насколько удачно сложится этот день для некоторых жителей мегаполиса. Первое время Данила не мог разобраться в этом чувстве и, если быть откровенным, боялся даже представить, как много человек пострадало из-за его тугодумства. Прежде чем он обнаружил эту очевидную связь, произошло не менее тридцати эпизодов панических атак. Он пытался запивать их спиртным, заедать антидепрессантами и даже чуть было не подсел на кокс, любезно предложенный ему давним приятелем по общаге. Конечно, частично эти методы облегчали состояние Данилы, но лишь на время, и как только он возвращался к реальности, гнетущее чувство с новой силой захлестывало все его сознание.

В один из таких дней Данила крепко переборщил с алкоголем и таблетками. Сколько времени он провел без сознания, он не знал. Очнулся посреди парка, в одной рубашке и джинсах. Выпивки больше не было, а в голову вновь начинали просачиваться ядовитые струйки паники. Насилу сориентировавшись, он поплелся к метро. У турникетов долго рылся в карманах, изображая поиск проездной карты, которой, естественно, и в помине там не было. Улучив удобный момент, быстро прошмыгнул через турникет за каким-то нерасторопным мужчиной. Раствориться в пассажиропотоке не составило особого труда. Парень смешался с толпой и направился в сторону дома.

К тому времени, как он добрался до центра, голова окончательно избавилась от алкогольной дымки, и сильнейшая паническая атака буквально впечатала его в стену одного из переходов между станциями. Весь его ничтожный мирок сжался до размеров одного квадратного метра. Парень скукожился и присел на корточки. Вжавшись в угол, он обхватил колени руками и в таком положении, казалось, провел вечность. Мимо спешили люди, каждый по своим делам. Редкие прохожие останавливались поинтересоваться, что с ним, но, уловив тошнотворный запах перегара, спешили ретироваться: мол, сам виноват. Как долго длилась эта пытка, Данила не помнил. Единственное, чего ему хотелось в тот страшный момент, это исчезнуть. Раствориться в воздухе и никогда больше не испытывать этого чувства. Но время шло, а смерть не приходила. В какой-то момент Данила понял, что его пинают. Он поднял взгляд и увидел двух полицейских, один из них нехотя попинывал Данилу в бок носком ботинка. На его лице была отчетливо видна брезгливость. Выгонять бомжей и алкашей со станции явно не входило в круг его интересов, равно как и прикасаться голыми руками к вонючему Даниле. Страж порядка всем своим видом показывал, что был бы не против, если бы Данила сам побрел на выход. Но куда уж там, у парня сил не было даже на то, чтобы расслышать и понять обращенную к нему речь.

В конце концов терпение полицейских лопнуло, и они таки решились испачкать руки о замызганного наркомана. Данилу подхватили под мышки и буквально поволокли по переходу. Последние силы парень решил истратить на созерцание перехода, а затем и платформы. Люди, сумки, тележки, лампы дневного света – все смешалось в один безумный танец подземной жизни. Данилу волокли через всю платформу в направлении обезьянника. Народу было немного, но перед взглядом парня все мелькало так быстро, будто он только

что сошел с самого головокружительного аттракциона.

Именно тогда Данила впервые увидел это явление. Вдруг посреди станции во всей этой круговерти Данила различил странный свет. Прозрачная розовая полоса тянулась вдоль платформы, зависнув прямо в воздухе. Люди, спешащие по своим делам, то и дело разрывали этот шлейф своими телами, но он будто состоял из разумной субстанции. Рассеиваясь, словно туман, он вновь обретал форму розовой невесомо-воздушной вуали и продолжал тянуться вдоль платформы. К огромному удивлению Данилы, это странное явление придало ему сил и несколько ослабило его паническое состояние. След завораживал и одновременно пугал. Не сводя взгляда с этой красивой картинки, Данила начал сам перебирать ногами по мраморному полу, чем, безусловно, сильно обрадовал уже порядком вспотевших полицейских. Убедившись, что их клиент способен передвигаться сам, они ослабили хватку. К тому моменту они уже подходили к концу платформы и Данила, наконец, увидел источник этого странного розового сияния, повисшего в воздухе. У самого края платформы, чуть отступив от желтой заградительной линии, стояла молоденькая девушка. Из одежды на ней было только белое тоненькое платье из ситца и летние шлепанцы – не лучший выбор для середины ноября. Девушка стояла в самом начале платформы, глядя себе под ноги и равномерно раскачиваясь вперед-назад. Люди вокруг не замечали ни ее, ни ярко-розового света, густым туманом обволакивавшего ее юное тело. Все просто обходили ее стороной, стремясь занять более удобное место на платформе. По станции громогласно пронесся предупреждающий сигнал: тын-дын-дын... Это означало, что через считанные секунды на станцию с грохотом и свистом прибудет очередной состав. Девушка едва заметно вздрогнула от этого звука, и в этот самый момент время для Данилы будто остановилось. Он с ужасом осознал, что на всей станции, на всем белом свете только он один знает, что именно сейчас произойдет. Весь мир вокруг замер: полицейские с искаженными от крика лицами, прохожие, шарахающиеся в стороны от обезумевшего Данилы... Всё вокруг словно застыло, перестало существовать в реальном времени. Единственное, что имело для Данилы значение в тот миг, – это девушка, которая уже начала движение в сторону вылетающего из трубы поезда.

Адреналин захлестнул Данилу с головой! Неимоверным усилием он вырвался из рук полицейских и бросился к розовому облаку. Поезд, только начавший сбрасывать ход, казалось, не вылетал, а медленно выплывал из темного тоннеля. Данилу от девушки отделяли каких-то три метра, ей же надо было преодолеть не больше одного, и она уже начала движение. Тело Данилы работало на пределе своей энергии, но этого было ничтожно мало для того, чтобы преодолеть нужное расстояние вовремя. Ощущение было подобным тому, как будто продвигаешься под водой, но все же это было лучше, чем безропотно наблюдать за страшным суицидом. Врезаясь в пустоту, с неистовым криком, больше походящим на животный рык, Данила преодолевал сантиметр за сантиметром. Он не знал, на что, собственно, можно рассчитывать. Даже если он и успел бы к девушке, сила инерции не позволила бы остановиться вовремя. Скорее всего, они оба рухнули бы под поезд. К тому же, все происходило так быстро, что окружающим могло бы показаться, будто обезумевший Данила сам бросился под поезд, увлекая за собой девушку. Но бездействовать Данила не мог. Что-то подсказывало ему, что без этого поступка нормальной жизни для него больше не будет. Девушка уже преодолела половину пути и пересекла запретную линию. Яркий свет головных фар поезда уже вырывался из тоннеля, озаряя розовый шлейф вдоль платформы. Данила рвался вперед изо всех сил, и, когда до решающего шага девушки оставался лишь

миг, он вдруг четко осознал, что нужно делать. Уже потом, оглядываясь назад, он понял, что это мгновенное озарение спасло не только девушку, но и его самого. Мозг сам просчитал оптимальную траекторию. Не нужно было терять время на торможение и попытку выдернуть девушку из лап смерти. Наоборот, нужно было использовать инерцию собственного тела и лишь немного изменить траекторию ее движения. Данила напряг остатки сил и со всего размаха врезался в девушку, уже начавшую свой смертельный прыжок. Данила влетел в нее под небольшим к плоскости путей углом таким образом, что вылетающий им навстречу поезд на долю секунды опередил их. Данила исхитрился вывернуться в падении так, что вся сила удара о вагон пришлась ему в плечо. Поезд задел их лишь по касательной, но все же удар был таким страшным, что обоих буквально отшвырнуло обратно на платформу под ноги ахающих прохожих.

Потом была больница, поломанное плечо и ключица, сотрясение мозга и спасительный морфий. Так, выпадая из реальности и снова возвращаясь в нее, Данила провел следующие три дня. Девушка при столкновении почти не пострадала – так сказал следователь, ведущий расследование. Ее признали душевнобольной, поскольку попытка суицида была на ее счету уже не первой. Материалы видеонаблюдения метрополитена полностью оправдывали Данилу. Как он и ожидал, большинству показалось, что он пытался сбросить девушку с путей, но следователь оказался прозорлив и дотошен.

После того случая панических атак у Данилы не было больше месяца. А потом началось. «...переход на кольцевую линию и выход к вокзалам: Ленинградскому, Ярославскому и Казанскому». Голоса дикторов проходили строжайший отбор. Информация должна была доноситься до пассажиров четко, лаконично и в спокойной форме. Люди, проводящие в метро большую часть дня, настолько привыкают к этим голосам из воздуха, что попросту не замечают их. Некоторых эти голоса убаюкивают, других вводят в сумеречное состояние, пограничное между бодрствованием и сном. Данила слишком поздно понял, что уснул. В вагон уже начали заходить люди, а невидимый диктор продолжал объявлять: «Осторожно, двери закрываются! Следующая ста...» Данилу словно током ударило – кольцевая! Он рванулся к выходу и, расталкивая входящих пассажиров, в самый последний момент вылетел из вагона. Машинист «передернул» дверьми – таких заспавшихся пассажиров в смену набирается не один десяток. Створки с шипением захлопнулись, и поезд медленно уполз в черную дыру тоннеля, оставляя Данилу на платформе.

Несмотря на раннее утро, на станции было довольно много пассажиров, сказывалось соседство трех вокзалов. Поиски Данила всегда начинал с кольцевой линии, так проще было наткнуться на след. Он переходил на кольцо и просто передвигался по кругу. Как правило, все его «клиенты» раз или два за день пересекали эту воображаемую окружность. Тогда Данила мог разглядеть едва различимый след и проследить весь маршрут, постепенно нагоняя их. Даже если самоубийство должно было произойти где-нибудь на радиальной линии, Данила мог почувствовать едва уловимый, различимый только для него сигнал. Иногда он сам не понимал, что именно чувствует, и действовал, исходя из интуиции. Повинуясь ей, он выходил на подозрительной станции, делал переход на радиальную линию и проезжал несколько станций в направлении конечной. Если чувство не усиливалось, ему приходилось возвращаться и начинать все заново. Чаще Даниле везло, и след появлялся еще на кольце. Данила никогда не вел статистики, но ему казалось, что большинство суицидов происходят именно утром. Его сильно раздражало затягивание погони, поскольку каждый потерянный им час сулил скорую и чаще всего кровавую развязку.

Хуже всего Даниле давались неудачи. Последняя «охота» выдалась именно такой. Истратив весь день на поиски, Данила совсем уже было отчаялся, как вдруг на очередной станции заметил след голубоватого оттенка, который тянулся в направлении Калужско-Рижской линии. На часах было около половины двенадцатого. При самом плохом раскладе «клиент» мог оказаться на конечной, куда Данила уже никак не успел бы вовремя. Переход на радиальную ветку занял не больше двух минут, Данила буквально летел по лестницам и эскалаторам. Ему даже повезло заскочить в самый последний вагон – это, как правило, давало небольшое преимущество, если поезд-убийца уже следовал по маршруту. На этот раз Данила сам оказался в том самом поезде. Подъезжая к станции «Коньково», состав резко остановился при помощи экстренного торможения, но это не уберегло бедолагу от смерти. Хвост поезда простоял в тоннеле несколько минут — тех самых минут, которые необходимы для извлечения из-под поезда того, что можно было бы назвать останками. Всё это время Данила заходился истеричным криком, лёжа на полу вагона и заливаясь слезами. Поздние пассажиры приняли его за душевнобольного, так и не осмелившись хоть как-то помочь.

Данилу передернуло. Он не любил вспоминать подобные моменты, но памяти приказывать довольно сложно, тем более что забыть такое не под силу ни одному смертному. Молодой человек огляделся по сторонам и, не увидев искомого следа, быстрым шагом направился к балкону, ведущему на кольцевую линию. Переход занял не больше трех минут. Внутренний хронометр Данилы всегда отсчитывал время правильно. Парень внимательно осмотрел «Комсомольскую кольцевую». На этой станции также не было ни намека на след. Данила скрипнул зубами и, натянув на голову капюшон, нырнул в подошедший поезд. Охота обещала затянуться.

— Сдался тебе этот «спаситель»! — вредничал Сергей, вставляя флешку в компьютер. — Ни примет, ни зацепок, ни даже свидетелей. Как ты вообще собираешься его искать?

— С твоей и с Божьей помощью, Сереж, — ласково ответила Света. Девушка нежно потрепала бородатого мужчину по седеющим волосам. — И вообще, ты чего прибудняешься-то? Вон и диск добыл, и сведений накопил за неделю больше, чем я за месяц.

— Ага, а чего мне это стоило... — явно напрашиваясь на комплимент, ответил Сергей, кликая по самому первому файлу в папке «Коньково». На экране ноутбука спустя пару секунд появился медиаплеер, пошла запись. Света, пропустив мимо ушей уже привычное нытье дядьки, прильнула к экрану, но тщетно, лучше видно не стало. Запись была отвратительного качества. Можно было различить вагон поезда, в нем несколько пассажиров. Аудиодорожки не было совсем, но, тем не менее, в голове у Светы ясно всплывали звуки метрополитена. Вот диктор объявляет следующую станцию, двери закрываются, и поезд отправляется. В вагоне восемь пассажиров. Молодая пара в середине вагона — сидят, целуются. Напротив мужчина в черной куртке и джинсах, на голове кепка. Лиц не видно, качество записи просто ужасное. В дальнем конце вагона друг напротив друга сидят еще трое молодых парней, явно подвыпившая кампания. Размахивают руками, смеются. В самом дальнем конце вагона стоит парень, читает, но не видно, что именно — то ли книгу, то ли планшет. Рядом сидит мужчина в капюшоне, уронив на руки голову, словно спит.

— Ну и какой из них наш? — спросила Света.

— Смотри, сейчас, на третьей минуте.

Сергей промотал поездку на нужный кадр, и спустя несколько секунд люди в мерно покачивающемся вагоне начали заваливаться по ходу движения. Тот, что стоял с книгой, аж пролетел полвагона, еле на ногах устоял.

— Машинист применил экстренное торможение, — пояснил мужчина. Поезд замер, пассажиры удивленно переглядывались. Парень в капюшоне, спавший в самом конце вагона, вскочил на ноги, подбежал к окну, стал вглядываться в темноту. Через минуту вагон погрузился в полумрак. — Обесточили линию, — продолжил Сергей.

Парень на видео вдруг пришел в неистовство. Он метался по вагону, словно загнанный зверь, хватался руками за голову, приседал на корточки. Какое-то время сидел, раскачиваясь, затем вновь вставал и начинал бегать. Наконец силы словно покинули бедолагу. Он упал навзничь и, судя по высоко вздымающейся груди, начал вопить. Звуча не было, но в этот момент Света была рада этому. Кадры были настолько удручающими, что при наличии озвучки стали бы просто невыносимыми. Люди в вагоне уже не обращали внимания на незапланированную остановку — все смотрели на мучения парня, но подойти к нему рискнул лишь мужчина с планшетом. Он попытался было привести в чувство лежащего на полу, но потом и он отошел подальше. Кто-то пытался позвонить по телефону, но, судя по жестам, им это не удавалось. Через несколько минут поезд качнулся, тронулся и медленно выехал на станцию. Все вышли из вагона, а парня на полу вывел под руки наряд полиции. На этом запись обрывалась.

Сергей первым нарушил тишину.

— Мне сказали, тот состав сбил на станции мужчину, насмерть. Именно поэтому часть

поезда оставалась некоторое время в тоннеле. Машинистам запрещено продолжать движение прежде, чем достанут тело.

— Он просто не успел, — тихо прошептала Света.

— Прости?

— Он не успел на станцию. Не зря он ехал в последнем вагоне. Он пытался предотвратить это самоубийство, но не успел, — Света взглянула на Сергея так, словно он не хотел понимать очевидных вещей. Но мужчина поспешно ретировался, вовремя оценив настроение своей племянницы.

— Хорошо, хорошо! Как скажешь. На совпадение, во всяком случае, не похоже. Есть еще несколько записей.

Он поспешно свернул предыдущее видео (знал бы — не показывал бедной девочке) и открыл следующую запись. Впрочем, Света быстро пришла в себя и вновь стала внимательно вглядываться в экран. Другая запись была с камеры наружного наблюдения за станцией. Ракурс был таким, что видно было самое начало станции. Поезда вылетали прямо из-под камеры. Скорость воспроизведения была высокой, и на экране один за другим появлялись составы. Выглядело все, как в немых фильмах с Чарли Чаплином: поезда прибывали, из дверей быстрыми потокам высыпались пассажиры, пока другие стояли кучками возле дверей, затем так же быстро проходила посадка, и поезд удалялся. Таких поездов было несколько штук. Света начала терять терпение и выразительно посмотрела на Сергея. Тот внимательно вглядывался в экран.

— А где экшн? — уже не скрывая нервозности, спросила девушка.

— А ты ничего не замечаешь? — ответил Сергей вопросом на вопрос.

— Нет, — растерялась Света и вновь уставилась в экран, — ничего ведь не происходит.

— Смотри внимательнее.

Сергей вновь перемотал запись на начало и пустил ее вновь. Та же картина. Поезда поочередно прибывают. Люди выходят и заходят. И так несколько раз.

— Не понимаю! — вновь выразила нетерпение Света. Ее всегда бесила привычка дяди доказывать свою правоту методом мытья и катанья. Она знала, что, пока сама не увидит то, что видит он, помощи не будет. Поэтому решила не допытываться и сама перемотала запись на начало. И вновь ничего сверхъестественного не происходило. Поезда прибывали, все, кому надо было, выходили, их место занимали другие. Но все ли? А вот и не все. Света пригляделась. Точно!

— У левого края экрана!

— Точно, — довольным тоном протянул Сергей. — Смотри дальше.

На экране продолжали курсировать поезда, люди продолжали бегать как заведённые. И только одна маленькая фигурка у левого края экрана продолжала стоять на месте. На записи вновь не было видно лиц, но было ясно, что между двумя колоннами, венчавшими проход на станцию, стояла женщина. На фоне мелькающих взад-вперед людей её оцепенение выглядело, по меньшей мере, странно, если не пугающе. Казалось, женщина вообще не жива. Лишь сильное колыхание подола платья перед прибытием каждого поезда выдавало ее присутствие. Запись резко замедлилась. Видимо, именно сейчас будет происходить главное действие. Учитывая высокую скорость воспроизведения, просмотр занял всего пару минут. Но, если перевести всю запись в нормальный вариант, то выходило, что женщина простояла там не меньше двадцати минут. Двадцать минут ее никто на станции не замечал! Двадцать минут вокруг неё проходили люди, спешили на работу или на учебу, каждый по своим делам.

И ни одной живой душе не было дела до одиноко стоявшей женщины. Ни один не подошел и не предложил своей помощи. Света не могла поверить своим глазам, но еще больше она не могла поверить в то, что, на самом деле, как и сотни других людей она, скорее всего, тоже просто пробежала бы мимо этой женщины, даже не заметив ее состояния.

Света постаралась прогнать удручающую мысль и сосредоточиться на записи. На экране появился очередной поезд, после посадки пассажиров станция на несколько секунд осталась пустой. В этот самый момент женщина сделала ровно три шага по направлению к линии безопасности и замерла в одном шаге от пропасти. Света напрягла всю свою волю, чтобы не показать, как сильно она волнуется, но Сергей всё же заметил побелевшие костяшки ее пальцев, сжатых в кулаки. Платье на женщине вновь стремительно заколыхалось. Приближающийся поезд, словно гигантский поршень, выдувал из трубы воздух, превращая его в страшного предвестника гибели несчастной женщины. Света сосредоточила всё свое внимание на следующих кадрах. Женщина, до этого момента смотревшая прямо перед собой, вдруг резко повернула голову в сторону приближающейся машины. Её лицо залил яркий свет, и в этот самый момент она начала своё движение навстречу гибели. Запись словно нарочно замедлилась до скорости раскадровки, или же Свете так показалось. В любом случае, всё, что происходило дальше, девушка смогла разглядеть в мельчайших подробностях. Одновременно с началом движения женщины сзади от толпы отделилась тень. Это был тот самый парень в капюшоне, с прошлой записи. Он стоял в полуметре от самоубийцы среди других пассажиров и не отводил от неё взгляда. Все произошло так быстро, что никто ничего толком не понял. Из-под камеры вылетел состав, женщина уже наклонилась над краем платформы, как вдруг сильным рывком за развевающиеся волосы тот самый парень выдернул ее с траектории движения поезда буквально за долю секунды до трагедии. Женщина, уже наверняка распрощавшаяся с жизнью, даже не успела вскрикнуть от боли. Вместе они повалились на платформу под ноги остальных пассажиров, которых эта ситуация даже не озадачила, поскольку никто ничего не успел сообразить.

Дальше запись пошла в нормальном ритме. Парень в капюшоне и женщина в платье сидели в обнимку на краю платформы. Женщина вздрагивала всем телом и прижималась к груди своего нежданного спасителя, парень обнимал её за плечи и тихонько гладил по спине руками. Оба покачивались из стороны в сторону. Пару обступали выходящие и входящие потоки пассажиров, но никто так и не предложил своей помощи. Через минуту все свидетели происшествия уехали на чуть не ставшем злополучным поезде, а к парочке, что так неестественно уселась у края платформы, наконец подошла дежурная по станции и без особых церемоний явно попросила удалиться. Парень попытался встать сам и поднять женщину, но ей уже ничего не было нужно, она билась в истерике. Камера плохо фиксировала её лицо, но было понятно, что она рыдает. По телу прокатывались крупные волны дрожи, она хваталась за голову и буквально рвала на себе волосы. Неизвестный в капюшоне что-то сказал на ухо дежурной по станции, та выразительно посмотрела на него, затем на женщину, и они вдвоем оттащили её от края платформы. Дальше запись обрывалась, но в ней уже не было никакой дополнительной информации, поскольку она не фиксировала происходящего на станции далее.

После увиденного Света ещё с минуту не могла прийти в себя. Сергей догадывался, какое впечатление на племянницу произведет запись, и потому не торопился нарушать ход её мыслей своей болтовней. Девушка явно пребывала в смятении, но совсем впасть в ступор в ее планы не входило. Едва заметно встряхнув головой, будто отбрасывая дурные мысли,

она подняла взгляд на дядю и спросила:

— Еще записи есть? Нам нужно найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы его разыскать.

Мужчина слишком хорошо знал свою племянницу, чтобы не догадаться: сейчас ее решимости ничто не сможет воспрепятствовать, а потому просто молча свернул предыдущую запись и включил следующую.

Время близилось к полудню, но, несмотря на все ухищрения, Даниле по-прежнему не удавалось найти след. Несколько раз он менял направление движения, переходил на подозрительные ветки, вновь возвращался на кольцо, но следа все не было. Голова начала наливаться свинцом, глаза горели, а по телу все чаще пробежал ледяной холодок от одной лишь мысли о том, что сегодня он может не успеть. Но сдаться было равносильно согласию на собственное погребение. Данила прекрасно понимал, что ни за что не отступит. И дело было не в тщеславии или каком-то немислимом человеколюбии – просто в случае неудачи он в очередной раз испытает невыносимую, крайне реальную боль, сопоставимую разве что с героиновой ломкой. Это понятие, к несчастью, Даниле было знакомо. Один из его друзей детства в какой-то период жизни свернул не туда и оказался в западне наркотической зависимости. Даниле довелось несколько раз видеть мучения высохшего, изуродованного худобой до неузнаваемости тела друга. Именно тела, поскольку самого друга в этом теле уже не было. Человек, которого раньше знал Данила, просто пропал в собственном сознании и скончался от передозировки, так и не показавшись на свет Божий.

Данила взглянул на часы. Без четверти два. Обычно к этому времени он уже возвращался домой, полностью вымотанный, но все же в очередной раз победивший смерть. А сегодня ему никак не удавалось набрести на этот чёртов след. Парень начинал злиться, и эта злость подстегивала его к более решительным действиям. Но что можно предпринять в подобной ситуации? Никто и никогда не писал инструкций по такому поводу. Значит, надо придумать эти инструкции, решил Данила и заставил себя успокоиться. Он вышел на ближайшей станции, сел на край скамейки, обхватил голову руками. Думай! Думай, Даня! Мысли путались и не хотели собираться в единое целое. Надо было нащупать нужную ниточку и по ней добраться до сути проблемы. Так же, как он сам добирается до нужной точки по ярким следам суицидников.

Что мы знаем? Мы знаем, что сегодня тот самый день. Так, уже неплохо. Мы знаем, что каждый раз след появляется. И что? Но на часах уже два, а его все нет. Вывод? Значит, объект... Значит, этот бедолага... Ааааа... Думай! Думай! Думай! Голова шла кругом, мысли напоминали скрежещущий несмазанный механизм часов, который то и дело заедало. Но все же что-то нащупать получилось. То, что след до сих пор не обнаружен, могло означать только одно — в метро объект еще не спустился! Значит, еще спустится! Так, но где? Метро – невообразимо большой организм, как же вычислить, где именно ждать гостя? На станцию выполз очередной состав. Не в силах сидеть на месте, Данила бросился в вагон. Что угодно, только не бездействие! Через пару станций Данила вновь услышал объявление про три вокзала... Стоп. Площадь трех вокзалов — один из самых оживленных транспортных узлов мегаполиса. Конечно, любая станция метро, соседствующая с вокзалом, являлась магистральной артерией города, но тут таких вокзалов три! А значит, и шансов на удачу больше. Ну конечно! Если нет следа, значит, нет и человека в метро! А раз нет человека в метро, это может означать только одно — он до этого метро еще попросту не доехал. Данила выбежал из вагона на «Комсомольской» и бросился в центр зала. Выбрав место в самой середине станции, таким образом, чтобы одновременно просматривались поезда кольцевой линии и эскалаторы перехода на радиальную ветку, Данила решил выждать.

Догадка, конечно, так себе, как и затея просто выжидать, но других идей в его голову пока не приходило. Расчет оказался до безобразия простым. Если объект действительно гастролер, то прибыть в столицу ему, скорее всего, будет удобно, следуя через один из вокзалов. Даже если Данила и ошибся с выбором места дислокации, то шансы на то, что далее объект направится именно по кольцевой, всё же сохранялись. Таким образом, убивались два зайца, а точнее, несколько вокзалов, расположенных по всей кольцевой линии. К тому же, напрямую перекрывались сразу три из них. Конечно, существовали и другие способы прибыть в город: автобусные станции, частные и коммерческие такси, аэроэкспрессы, электрички. Но при любом из этих вариантов дальнейшее передвижение объекта должно было происходить именно посредством метрополитена. А в нём уже дежурит Данила. Так что не проскочит, решил парень, и постарался сосредоточиться на циркуляции пассажиропотока вокруг себя.

Внутренние часы Данилы отсчитали еще полчаса. Натянутые струны нервов звенели в голове так, словно вот-вот лопнут с диким звоном. Поезда кольцевой линии продолжали курсировать с заданным интервалом, перевозя огромные массы людей. Данила уже начал было сомневаться в правильности выбранной тактики, но других вариантов в голову пока не приходило, и парень решил довериться инстинкту. Так долго на одной станции за все время своей охоты он никогда еще не задерживался. Постепенно начали улавливаться первые нотки паники, она медленно обволакивала сознание Данилы, погружая его в оцепенение. Чтобы хоть как-то отвлечься, парень начал изучать перемещения людской массы. Прошло еще минут пятнадцать, и в хаотичном передвижении людей по платформе Данила начал улавливать некую закономерность. И обычно-то людная, «Комсомольская» в определенные моменты времени набивалась людьми так сильно, что большинство из них даже не могли с первой попытки сесть в вагоны. Многие были с чемоданами и большими сумками. Это навело Данилу на мысль о том, что станция наводняется людьми особенно сильно сразу после прибытия поездов дальнего следования. Эту мысль парень решил приберечь, как потенциально полезную. Возможно, информацию о времени прибытия поездов получится каким-либо образом использовать. Но сейчас она не представляла никакой пользы, поскольку расписания движения поездов у Данилы не было. Размышления позволили скоротать еще десять минут драгоценного времени. Станция в очередной раз наполнилась пассажирами с большими сумками – видимо, недавно прибыл очередной междугородний поезд. И в этот самый момент удача улыбнулась Даниле. Мимо него, буквально в двух метрах, медленно прошел пожилой мужчина в костюме. Движения этого пассажира сильно отличались от привычного ритма подземки. Но не только своим медленным и уставшим шагом пожилой человек отличался от вечно спешащих приезжих граждан. Только взору Данилы было доступно то, чего никто вокруг не замечал. От странного мужчины, бесцельно бредущего по центру платформы, тянулся густой, грязно-серого цвета, невесомый шлейф тумана. Данила чуть было не вскрикнул от неожиданности. Не может быть! Неужели всё будет настолько просто? Вот так, среди бела дня, наткнуться не просто на след, а именно на самого клиента. Данила не мог поверить в такую удачу. Не пытаясь стереть с уставшего лица довольную ухмылку, он медленно пошел за мужчиной в костюме. Дед шел тихо, слегка покачиваясь из стороны в сторону. То и дело его задевали сумками и плечами спешащие пассажиры, но он шёл словно замороженный, ведомый ему одному известным маршрутом. Данила не сводил взгляда со своего подопечного, держась метрах в трех позади него. По опыту он знал, что, чем гуще от человека невесомый туман, тем скорее развязка.

Кульминацией метаморфозы шлейфа была практически непроницаемая взгляду дымка, которая полностью окутывала человека прямо перед самым последним шагом в его жизни. Навскидку, у сегодняшнего пассажира времени оставалось минут десять, не больше. Мужчина на секунду остановился в самом центре станции, словно задумавшись, повернулся лицом к путям и не спеша подошел к краю платформы. Вот оно, подумал Данила и приготовился к решительным действиям. Но мужчина спокойно дождался очередного поезда, пропустил поток выходящих пассажиров, и волна входящих в состав людей буквально внесла его в вагон. В самый последний момент Данила тоже успел втиснуться в переполненный поезд. Двери с трудом закрылись, и состав двинулся к следующей станции.

В вагоне было не протолкнуться. С трудом развернувшись лицом к объекту слезки, Данила принялся его разглядывать. Перед ним стоял мужчина лет семидесяти. Недельная щетина на уставшем лице, сильно изрезанном морщинами, не придавала солидности пожилому человеку и совсем не вязалась пусть и с измятым, но все же явно дорогим костюмом. Создавалось впечатление, что человек несколько дней кряду закладывал за воротник в обществе таких же интеллигентов и наконец, оправившись от тяжелого запоя, направляется домой. Но ни запаха спиртного, ни каких-либо других признаков грандиозного запоя в старике не угадывалось. Это несколько смутило Данилу, но, в принципе, копаться в социальных статусах своих протеже, а тем паче в их пристрастиях к алкоголю или другим соблазнам ему было ни к чему. Его основной насущной потребностью было предотвратить страшный финал их жизни. Даниле это было необходимо, как воздух, как вода, без которых он, совершенно точно, не сможет дальше нормально жить. Один такой спасённый объект давал ему шанс на нормальное существование, по меньшей мере, на полмесяца, а иногда и дольше.

Состав заложил очередной вираж и со свистом вылетел из трубы на станцию. Добрая половина вагона вышла, обратно зашло гораздо меньше людей, и находиться в душном пространстве стало намного легче. Старик так и остался стоять посреди вагона, окутанный густыми клубами дыма. Данила вспомнил, как однажды отдыхал с отцом на даче у друзей семьи. Дело было зимой, и мужики, растопив жаркую баньку, то и дело выбегали в чем мать родила на скованный морозом участок. С довольным кряхтением и громкими охами они с наслаждением падали в белые пушистые сугробы, и их разгоряченные тела на морозе окутывались точно таким же густым паром. Только тогда Даниле не было страшно наблюдать за ними, а сейчас по его спине то и дело пробегала холодная дрожь. Кровь стыла в жилах от одного только осознания того, в каком состоянии должен находиться человек, твердо решивший уйти из жизни таким чудовищным способом. Поезд уже успел набрать ход. Данила подумал, что так пристально пялиться на незнакомого человека в движущемся составе совсем ни к чему, и так никуда он не денется. Парень отвел взгляд в сторону окна, за которым черными удавами извивались километры кабеля. Вдруг тоннель расширился, и за окном замелькали окна встречного состава, с диким грохотом проносящегося мимо. Взгляд Данилы не мог уловить во встречном поезде ничего конкретного, но, как только состав пролетел мимо, его словно током ударило. За последним вагоном встречного поезда тянулся тонкий, но очень четкий розовый след.

— Не может быть! — чуть ли не в голос крикнул Данила. — Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Мелкая дрожь, которую молодой человек уже успел было унять, сразу же превратилась в дикую трясучку. Два суицидника за один день — это просто издевательство. Данила вновь взглянул на пожилого мужчину, но тот стоял словно замороженный, явно не собираясь

никуда выходить. Но такой расклад никак не мог устроить Данилу. Теперь ему придется принимать какие-то новые и, скорее всего, кардинальные меры. Ведь если он не остановит старика в ближайшие пять-семь минут, вероятность нагнать новую жертву становится практически нулевой. Парень вновь перевел взгляд на окно, за которым уже проплывала очередная станция. Краем глаза он увидел, что розовый след на путях напротив еще не испарился, хотя и был уже довольно слабым. А мужик, окутанный серым туманом, все еще не предпринимал никаких действий. Данила лихорадочно перебирал варианты. Оставлять мужика и бросаться в новую погоню не было никакого смысла. Судя по следу, у того оставалось совсем мало времени. Но, если не начать действовать немедленно, можно было не успеть спасти второго бедолагу. Данила был уже готов буквально умолять старика выйти и броситься под следующий поезд, тем более что состав в очередной раз начал сбавлять скорость перед станцией. Данила был в отчаянии. По опыту он знал, что трогать потенциальную жертву суицида раньше времени не имеет никакого смысла. Скорее всего, это только отложит задуманное, что еще больше усугубит и без того паршивую ситуацию. Но что еще можно было предпринять в подобной ситуации, парень тоже не знал.

Поезд почти остановился на станции, и тут случилось маленькое чудо. В самый последний момент машинист слишком резко затормозил состав, и всех пассажиров сильно потрянуло. На буквально исходящего серым туманом старика со всего размаха навалилась какая-то женщина с сумками. Мужчина словно очнулся ото сна, виновато оглянулся, зачем-то извинился перед налетевшей на него женщиной и вышел из поезда. Данила бросился следом. Краем глаза он успел различить уже почти погасший розовый след на противоположном пути. Отлично, значит, время еще есть. Бесспорно, до рокового шага старику оставались считанные секунды. Поезд, на котором они приехали, с шипением закрыл двери и быстро освободил пути. Возможно, следующий состав и будет тем самым. Данила напряг все свои чувства и встал в полуметре от мужчины. Тот стоял прямо перед заградительной линией, слегка покачиваясь. Данила бросил взгляд в сторону черного тоннеля, из которого с минуты на минуту должен был вылететь несущий смерть состав. Как всегда в подобных ситуациях, время вокруг Данилы стало стремительно замедляться. Мысль, промелькнувшая в голове парня, кольнула его не сразу. Данила даже не понял, что именно ему не понравилось в подобном раскладе, но время уже ползло так медленно, а мысли бежали так стремительно, что осознание подвоха всё же успело всплыть в его голове. Его смутило положение старика на платформе. Обычно самоубийцы располагаются в самом начале платформы таким образом, чтобы их задумка была реализована с вероятностью в сто процентов, ведь поезда, как правило, вылетали из тоннеля на бешеной скорости. Даже если машинист и увидит момент прыжка, остановить многотонную машину вовремя у него не будет никакой возможности. А сегодняшний клиент расположился чуть ли не в самом конце тормозного пути поезда. Все эти мысли промелькнули в голове Данилы буквально за одно мгновение, но именно это мгновение выбрал старик для решающего прыжка. Поезда еще не было слышно. Когда Данила вновь перевел взгляд на своего клиента, тот уже стремительно летел вниз головой прямо на рельсы, под истошный крик кого-то особо впечатлительного на платформе. Упав на пути, мужчина сильно ударился головой о рельс и на некоторое время потерял ориентацию. Кровь брызнула на лицо из разбитой брови и крупными каплями закапала в водоотвод. Данила чертыхнулся про себя, не понимая истинного положения вещей. В подобных случаях принято вызывать дежурного по станции. Спускаться на пути, для того чтобы помочь попавшему в беду, категорически запрещено. Никто из стоявших на

платформе и не сделал такой попытки. Кто-то начал звать на помощь, кто-то стал размахивать руками, чтобы предупредить об опасности машиниста уже приближающегося поезда. Один умник даже начал снимать происходящее на камеру мобильного телефона. А старик тем временем пришел в себя. Поднял взгляд на платформу и, как показалось Даниле, на секунду зафиксировал на нём внимание. Этой секунды хватило парню, чтобы понять весь ужас его замысла. Мужчина медленно перевел взгляд с Данилы на контактный рельс, протянутый под платформой, вытянул руки вперед и кинулся к нему.

Данила сам не понял, как все произошло. Обнаружил он себя лежащим посередине платформы, с сильной болью в правой лодыжке. Вокруг суетились какие-то люди в форме. Толпа зевак направляла на них камеры телефонов. Время от времени люди выходили из толпы и хлопали Данилу по плечу. Парень ничего не могу понять и начал нервно озираться по сторонам. Вокруг доносились обрывки фраз: «Какой молодец...», «Вот парень дал!», «Мужик...». Сквозь толпу недалеко от себя Данила увидел работников метрополитена, оказывающих помощь тому самому старику. Ему перевязывали голову, брызгали водой лицо и удерживали в лежачем положении буквально силой. Старик то и дело порывался встать, но два крепких парня придерживали его за плечи и не давали ему двигаться. «Живой!» — промелькнуло в голове Данилы. — «Ей Богу, живой!!! И дымок испарился...»

Такого облегчения он не испытывал давно. Но чувство это длилось не так долго, как хотелось бы. Парень резко вскочил на ноги, но толпа обступила его и не давала пройти. Данила начал лихорадочно озираться вокруг, надеясь увидеть на соседнем пути хоть тень розового следа. Но все было тщетно — ни намека на розовую дымку. Страх вновь мобилизовал все силы Данилы. Он понимал, что после произошедшего со стариком просто так уйти не удастся. Придется пройти с нарядом полиции и дать показания, или как у них там это называется. И неважно, спасал ты кого или угробить хотел — порядок есть порядок. Новоиспеченный герой завертел головой, как заправский пилот-истребитель во время боя. Пытаясь сориентироваться, он отметил для себя много мелочей, которые могли бы помочь ему в данной ситуации. Наряд полиции двигался с другого конца станции, до места происшествия им оставалось не больше тридцати метров. Поезда все еще стояли на платформе с открытыми дверями в ожидании команды диспетчера, значит, без сознания Данила пробыл всего ничего. Никто не пострадал, а следовательно, поезда через мгновение пустят вновь. Данила накидал в голове план действий и приготовился к его реализации.

Фунт и Стерлинг буравили друг друга взглядами, расположившись в удобных гостевых креслах начальника. В ожидании его самого близнецы, не сговариваясь, решили выяснить отношения своим излюбленным методом. Банальная детская забава, игра в гляделки, незаметно перекочевала из далекого саратовского детства во взрослую жизнь. Только вот делали они это весьма оригинальным способом. У каждого из них в кармане была зажигалка. Когда возникали спорные моменты, они синхронно доставали эти маленькие игрушки, поджигали их и, усевшись поудобнее друг напротив друга, вытягивали руку ладонью вверх сантиметрах в двадцати над пламенем. Одновременно с этим они начинали играть в гляделки. Кто моргнет, тот опускает руку на сантиметр. Кто первый сдастся, тот и не прав. На этот раз причиной спора явилось проваленное задание. Им обоим поручили слежку за товаром, а в случае форс-мажора необходимо было задержать того самого придурка, который вот уже больше года не дает конторе нормально зарабатывать. Оба с заданием не справились. Один упустил свой шанс на кольцевой. Правда, в оправдание себе он ставил то, что хотя бы успел заснять пацана на камеру и передать эту запись брату, охранявшему второго объекта. Но тот тоже умудрился прошляпить момент. В итоге, обе сделки сорвались, а контора вновь осталась внакладе.

Обоим парням было по тридцать лет, но вели они себя порой столь импульсивно, что и семнадцати не дашь. Великолепная физическая форма выдавала в обоих бывших спортсменов. В зависимости от стиля одежды и манеры поведения, они могли сойти и за тинейджеров, и за респектабельных мажоров. Страсть к театральному искусству давала им огромную фору в работе. Оба мастерски перевоплощались при помощи бутафории, костюмов и грима как в бомжей привокзальных, так и в милых бабушек, раздающих в добрые руки слепых котят в переходах метро. Причем пользовались они своими, Бог знает, откуда появившимися способностями практически всегда. Устраивать короткие, но ёмкие, наполненные действием и скрытым мотивом сценки было их любимым развлечением. Чувство опасности и возможность разоблачения пробуждали в них такие скрытые резервы, что в подобном состоянии они могли натворить что угодно. Буквально горы свернуть могли. Любимым и технически не самым сложным спектаклем до сегодняшнего дня у них был развод капитана Таркуна. Когда оба брата служили срочную в армии, их сильно невзлюбил этот самый капитан. То ли их дерзость ему не понравилась, то ли самоутвердиться за счет унижения солдат пытался, да только жизни он молодым весёлым бойцам не давал. Причём, скотина, действовал исключительно по уставу. А любой отслуживший в армии в качестве простого солдата или матроса скажет вам, что уставом задолбать можно похлеще, чем умеренной дедовщиной. Одним словом, классическим шакалом был этот Таркун. Вот братья и придумали план мести. Накопив грязного компромата на злополучного капитана, они разработали хитроумный план. Во время первого же увольнения в разных военторгах небольшого городка купили все, что было необходимо для создания точной копии формы подполковника юстиции. Дождались очередного дежурства капитана Таркуна по роте и подстроили всё так, чтобы в его дежурство один из них оказался дневальным. Поздно ночью, уже после отбоя Фунт встал на баночку дневалить, а Стерлинг отправился в туалет переодеваться и гримировать себя под проверяющего подполковника. Изначально

нарядиться хотели генералом, для пушшего эффекта, но, ввиду отсутствия подходящих атрибутов для грима и точного воссоздания формы, решили не усердствовать. Дальше была картина маслом. Стерлинг переоделся в форму и загримировался так, что мама родная не узнала бы. Выбрался через окно на улицу и пошел прямехонько в казарму. Два часа ночи, в роте все, включая капитана Таркуна, седьмой сон уже видели. Раздается протяжный дверной звонок, а для убедительности переодетый Стерлинг еще и в дверь ногой колотить стал. Фунт, строго по уставу, открывает дверь и, увидев офицера, истошно вопит:

— Дежурный по роте, на выход!

Выползает заспанный капитан и от неожиданности чуть дар речи не теряет. Кого угодно можно встретить в части ночью, но только не майора юстиции с проверкой. Кое-как взяв себя в руки, капитан оправляется и докладывает по форме – мало ли, что за шишка пожаловала, да еще и внезапно. Лжемайор тыкает Таркуну заранее подготовленное липовое удостоверение каких-то надзорных органов. Спросонья Таркун так и не понял, кто перед ним, чем, собственно, мастерски и воспользовался Стерлинг. Оба уединились в кабинете Таркуна и минут двадцать оттуда не выходили. Никто так и не узнал, о чём беседовал майор юстиции с ненавистным всем капитаном, но только Таркун, провожая ночного гостя, был белее снега. Фунт остаток ночи любовался тем, как пойманный на горячем капитан Таркун уничтожал какие-то документы и вызванивал каких-то людей. Розыгрыш удался на славу. Озадаченный своим подвешенным состоянием, Таркун напрочь забыл о существовании в своей роте ненавистных ему братьев. А со временем и вовсе стал тише воды, ниже травы – лишь бы со службы не выперли. А братья спокойно дослужили отведенный им срок и тихо демобилизовались.

Фунт моргнул в очередной раз и покорно опустил руку еще на сантиметр. Пламя уже вовсю жгло кожу, но ни один мускул не дернулся на лице парня, лишь легкая испарина на лбу выдавала его мучения. Оба сверлили друг друга взглядами, и, казалось, развязка дуэли была близка. Но тут в кабинет стремительно ворвался шеф и уселся напротив них. Зажигалки быстро погасили. Повисла минутная пауза, которую нарушил голос грузного, все еще пыхтящего от быстрой ходьбы мужчины:

— Ну, вещайте.

Фунт протянул начальнику мобильный телефон с уже открытым видеофайлом. Начальник включил запись. На видео была развязка долгого проекта, сулившего конторе не меньше пятнадцати миллионов. Пожилой мужчина, весь в крови, пошатываясь, стоял посредине путей в метро. Медленно перевел взгляд на платформу, затем, зафиксировавшись на контактном рельсе, стремительно направился к нему. Но тут из толпы ему навстречу бросился совсем еще молоденький парнишка в капюшоне. В самый последний момент он повалил старика на рельсы и заломил ему руки за спину. Подходящий поезд остановился метрах в пяти от них. На платформе тут же воцарилось что-то невообразимое, люди начали орать и толкаться, стараясь занять более удобное место, как для просмотра шоу. Камеру затрясло так, что уже ничего нельзя было разобрать. Оператору удалось лишь зафиксировать момент вызволения пострадавших с путей. Затем подошел полицейский и буквально отпихнул снимающего, на этом видео оборвалось.

— Что было дальше? Почему его не приняли менты? – раздраженно спросил шеф.

— Мужика куда-то унесли на носилках, а парень остался лежать на станции, окруженный толпой. Как только к нему подошли полицейские, в соседнем составе объявили о закрытии дверей. Тут этот пацан и рванул прямо в вагон! Дверь захлопнулась прямо перед

моим носом. Я и представить не мог, что он так ломанётся, шеф!

Фунт закончил рассказ и виновато потупил взор. От Стерлинга не ускользнула мимолетная ехидная улыбка, промелькнувшая в этот момент на лице брата. Мол, я отмазался, теперь твоя очередь. Шеф медленно перевел тяжелый взгляд и вопросительно уставился на Стерлинга.

— Ну, а мою тетку этот перец просто дернул за волосы в самый последний момент, — коротко отрапортовал Стерлинг.

— Ты сам это видел? — сквозь зубы процедил босс.

Стерлинг замялся.

— Ну как сам? Мне сказали потом на перроне...

— Кто сказал?

— Ну, свидетели... — совсем потухшим голосом ответил Стерлинг, матеря про себя брата.

— А где ты сам был? — продолжал допрос начальник.

— Босс, ну он по всем раскладам до «Алтуфьево» с кольца не мог так быстро добраться...

— Какого хрена ты не делаешь то, что тебе велят? — взорвался грузный мужчина, перебивая Стерлинга. — Элементарное задание — взять под наблюдение объекта и дожидаться его смерти! Что сложного-то???

— Тоже мне, элементарное, — забубнил под нос парень, — я на это мясо уже смотреть не могу.

— А зарплату ты считать можешь, скотина?

Стерлинг промолчал.

— Так, оба остаетесь без денег в этом месяце, — подытожил начальник. — У секретарши возьмете новую разработку и на этот раз проведете все без сучка без задоринки, иначе сами окажетесь на месте этого мяса!

Стерлинг едва заметно вздрогнул, а Фунт продолжал тянуть ехидную ухмылку.

— Всё! Вон отсюда, дебилы!

Братья быстро встали и вышли из кабинета. Уже в коридоре Фунт лихо отвесил подзатыльник брату, и оба, чуть ли не вприпрыжку, выбежали из здания.

Начальник, наблюдая за инфантильными подчиненными из окна кабинета, тяжело вздохнул и взялся за трубку телефона.

— Алё, да, это я. Мне нужен этот ублюдок. Это ваши проблемы! Рано или поздно этот молокосос обнаружит очевидную связь между всеми своими подвигами, и тогда у нас начнутся проблемы. Если выйдут на меня, выйдут и на вас, а я за всех отвечать не стану. К тому же под угрозой деньги моих инвесторов. Или вы считаете, что наше дело было бы осуществимо без вливаний извне? Найдите его. Всё.

Данила с трудом попал ключом в замочную скважину. Руки тряслись так, что звон связки дребезжащим эхом разносился по всему подъезду. Кое-как справившись с дверью, он буквально ввалился в тёмную квартиру. Не раздеваясь, прошел в спальню и без сил упал на скрипучую кровать. Минут десять он просто лежал без движения. Голова гудела ульем мыслей, но ни одна не могла зацепиться за его сознание. Данила просто лежал без движения, неспособный даже на простые жизненно важные действия. Желудок уже несколько часов взывал о помощи. Первой осознанной мыслью было поесть — у парня со вчерашнего вечера во рту не было ни крошки. В моменты, когда Данилу начинала донимать нарастающая паника, он не мог ни есть, ни пить. Единственной естественной потребностью для него в такие моменты было остановить это ужасное чувство.

Парень начал подавать признаки жизни, только когда в дверь позвонили. Он вспомнил, что, с трудом попав в квартиру, долго не мог вновь закрыть дверь ключом и потому просто запер ее на засов. Должно быть, пришел сосед, подумал Данила и медленно перевел взгляд на часы. Зеленое табло будильника сообщило нерадостную весть: было далеко за полночь. Мысленно матеря припозднившегося соседа, Данила поплелся открывать. А тот уже лупил изо всех сил ногой по деревянной двери, выкрикивая какие-то ругательства. Данила отодвинул задвижку и открыл дверь. Сначала в коридор ворвался жуткий перегар, следом ввалился сам Валера. Соседа Данила выбирал себе не сам, его подселила хозяйка квартиры, Мария Серафимовна. Алкоголик Валера приходился ей каким-то дальним родственником, а родню, как известно, тоже не выбирают. Собственно, Данилу не сильно заботила пагубная привычка соседа по квартире, скорее даже она была ему на руку. Вечно пьяный Валера не мог обычно и пары слов связать, чтобы сформулировать мысль, а посему лишних вопросов не задавал, поскольку зачастую не был способен этого сделать в принципе. Приходил, а иногда и приползал сосед домой пьяный вдрабадан и чаще всего падал без сознания прямо в прихожей. На этот раз Валера относительно крепко держался на ногах. Бросив потертый кожаный портфель на полку, мужчина стащил с себя туфли и, почти не шатаясь, повесил измятое пальто на вешалку.

— Чего заперся? — хмуро спросил он, проходя на кухню.

— Устал. Думал, вы уже дома, — попытался оправдаться Данила.

— А ну тебя, ботаник! — бросил Валера, доставая из холодильника початую бутылку какой-то бормотухи. — Сидишь тут, как крыса, жизни не видишь.

Сосед сделал три смачных глотка прямо из горла.

— Есть будешь? — уже мягче поинтересовался мужчина. Живот Данилы, словно услышав волшебное слово, сам ответил за хозяина утробным урчанием. — В портфеле. Принеси, там я колбасу купил, хлеб.

Валера редко затаривался съестными припасами, чаще он сметал все, что не так лежало в холодильнике. Данила не стал противиться внезапной щедрости соседа и принес колбасу и хлеб.

— Слыхал? Наш герой снова объявился! — пробубнил Валера, откусив от батона горбушку. Данила вопросительно уставился на мужчину, не дорезав колбасу.

— Ну, этот малой, что придурков в метро спасает, — пояснил Валера с набитым

ртом. — Я не рассказывал тебе? У нас на работе только о нём и говорят.

По иронии судьбы, Валера работал обходчиком путей московского метрополитена. Данила понятия не имел, как такого забулдыгу до сих пор не выгнали с работы.

— Да, помню, что-то говорили, — промямлил Данила, укладывая на хлеб ровный ломтик колбасы, — а с чего вы взяли, что он малой?

— Эээ, брат. На этот раз он засветился, да так, что звездой Ютюба стал.

Данила поперхнулся.

— Ютюба, — поправил он соседа. — Его что, кто-то успел заснять?

— Ну да, — допивая остатки вермута, протянул Валера. — Он сегодня аж два раза отличился.

— И что, прям видно, кто это? — стараясь скрыть волнение, поинтересовался парень.

— Ну, видно, что пацан еще. В капюшоне он ходит, неприметный такой. Как тебе сказать? Обычный. Ну, как ты.

Данила вздрогнул.

— Как все, в общем, — подытожил сосед.

— Ладно, потом посмотрю, — ответил Данила, вставая из-за стола. — Я спать пойду, на работу завтра.

Данила быстро удалился в свою комнату. Телефон, где же телефон? Мобильник отыскался под кроватью. На охоту Данила его никогда не брал, не было нужды. Все равно он в таком состоянии ни в интернете сидеть, ни на звонки отвечать не мог. Быстро «подрубившись» к интернету, он включил нужное приложение. Так, не то, это тоже не то. А, вот. Парень нервно нажал на картинку с подписью «Сэйвмэн» и просмотрел двухминутный ролик. По окончании записи Данила с облегчением выдохнул. Его видно было только со спины, и то автор записи постоянно перемещался, и камера в его руках то и дело тряслась так, что кадры размывались. На этот раз пронесло, подумал Данила. Надо будет сменить имидж. Ага, ответил внутренний голос, еще маску на себя напяль, совсем неприметным станешь. Данила улыбнулся собственной шутке и лег спать. Валеру он, конечно, обманул, на работу в субботу ему было не надо. Впереди ждали два восхитительных выходных, которые Данила решил провести в режиме тотального отдыха. Надо было выспаться, привести себя в порядок и приготовить еды на работу. А в понедельник придется придумывать правдоподобную отмазку своему пятничному прогулу. Блаженно растянувшись на кровати, Данила без тени сомнения отключил свое измученное сознание и тут же уснул.

— А если не получится? — спросил доктор. — Я никогда раньше этого не делал.

— Да поймите же, другого способа просто не существует! — взволнованно отстаивала свой план Света. — Разыскать человека в московской подземке, имея на руках лишь косвенные приметы, просто невозможно!

— Ну так, может, он сам не хочет гласности? — парировал заведующий отделением. — Зачем вы вообще решили его разыскать?

Света красноречиво закатила глаза и вновь повторила свою гипотезу.

— Первое. Парень, которого мы разыскиваем...

— Ты разыскиваешь, — поправил доктор.

— Парень, которого Я разыскиваю, появляется ровно в то время и в том месте, в котором должен произойти суицид. Это видно по записям видеонаблюдения. Он точно знает, где и когда ему следует находиться. Значит, — взволнованно говорила Света, — это

не может быть простым совпадением. У него есть какая-то особенность, способность, если хотите, которая позволяет ему чувствовать подобные вещи.

— Ну и что с того?

— А то, что, с точки зрения науки, его дар просто бесценен, и это второе! Просто представьте, сколько нового мы сможем узнать о человеческом мозге, имея на руках такой случай!

— Стойте, Светлана Владимировна, я правильно понял? Парень бескорыстно бежит по всему метрополитену, спасает налево и направо людей, а вы за это его в психушку для опытов упечь хотите?

— Ну, нет же, — протянула Света, — почему в психушку? Я просто хочу найти его и попросить сотрудничать с нами! Он столько может нам открыть, столько рассказать, это же целый неизученный кластер!

— Это целая диссертация! — уколол доктор.

— Да! Тьфу ты, неест! Не знаю я. Конечно, я лелею мысль о звании и регалиях в научном мире, но истинная цель не в этом! Я хочу открыть миру новые возможности, новые способности, больше узнать о тайнах сознания! Неужели вам самому это неинтересно?

— Очень интересно, но то, что предлагаете вы — это безумие чистой воды! Я не стану этого делать, слишком велик риск.

— Но только вы можете это сделать!

— Могу, но это огромная ответственность, никто не даст нам разрешения на подобную авантюру.

— А нам и не нужно разрешение. Вы мой научный руководитель, я ваша аспирантка, и мы просто проводим эксперимент.

— Опасный для жизни эксперимент.

— Да, но я готова рискнуть ради этого.

— Поймите, Светлана, вы-то, может, и готовы рискнуть в силу своей юности и амбициозности, но я не готов так рисковать вами! Что, если план не сработает, и вы пострадаете?

— Вы будете рядом и вовремя прервете эксперимент.

— Это метро, Света! Там может произойти все что угодно! Я могу сам замешкаться, меня могут остановить для проверки документов, сбить с дороги сумками, я ногу могу подвернуть, наконец. Да что угодно, любая мелочь может привести нас к краху! С этим не шутят!

Света набрала в грудь воздуха и медленно выдохнула.

— Хорошо. Мы подстрахуемся.

— Каким образом?

— Привлечем еще одного человека.

— Это бред! — окончательно завелся профессор. — Кого мы можем попросить о столь деликатной услуге?

— Я найду человека! Я практически нашла его. Он точно согласится, — солгала Света, думая про своего дядьку. Того будет еще сложнее уломать на такое.

Профессор задумался.

— Конечно, еще одни руки нам бы не помешали.

— Да, да! И шансы на благоприятный исход повысятся вдвое! — резюмировала Света, почувствовав слабинку в обороне «научника».

Профессор вздохнул и снял очки.

— Знаете что, Светлана Владимировна? Я ничего не обещаю. Я подумаю над этим вопросом, почитаю литературу, взвешу свои возможности и оглашу вердикт завтра. Хорошо?

— Хорошо! Замечательно! — возликовала любимая аспирантка профессора.

— Я еще не сказал да, Светлана Владимировна.

— И не надо. Не стоит спешить! — затараторила Света, уже почти уверенная в успехе. — Вы подумайте, почитайте, взвесьте, а я завтра к вам загляну. Идет?

— Идет, — сдался профессор.

— Вот и решили, — радостно сказала девушка, собираясь на выход, — вот и чудненько!

— Ладно, беги. Завтра поговорим.

— Спасибо, Вадим Юрьевич! Вы лучший! — выкрикнула Света, выбегая из кабинета научного руководителя.

— Ой, лиса... — протянул психиатр. — Хитрая рыжая бестия.

Мысль об увольнении не покидала голову Данилы все утро. По пути на работу он думал о неминуемом возмездии за необоснованные прогулы. Сначала думал в метро, затем в холодном ржавом ПАЗике, любезно предоставляемом предприятием. Представлял крики начальника, переодеваясь в сырой вонючей раздевалке. Ждал свирепого окрика, складывая холодные котлеты в общий холодильник на импровизированной кухоньке в корпусе мастерской. Затем, обреченно потупив взгляд в пол, ждал позорного выговора от начальника на утренней летучке. Каждая новая фраза шефа заставляла Данилу вздрагивать, и затянувшаяся казнь уже начинала вгонять парня в священный трепет. Чем дольше говорил начальник, тем сильнее Данила ощущал весь ужас ситуации. С его периодическими проблемами и, мягко говоря, странным поведением ни в одной приличной конторе ему ничего не светило. А надо платить за жилье, надо питаться и как-то решать свою проблему. Без работы и без денег в Москве делать нечего. Когда все началось, самым лучшим и очевидным решением для Данилы было просто покинуть город. Парень на последние оставшиеся от стипендии деньги купил билет на поезд до Саратова и был готов навсегда расстаться с мечтой о жизни в мегаполисе. Но, чем сильнее он удалялся от своей проблемы, тем сильнее его захлестывали панические атаки. До отчего дома он все же добрался, но не смог пробыть там и недели. Мать, учительница математики в начальных классах, не могла взять в толк, что же происходит с ее сыном. Были и походы к психологам, и тесты на наркотики. Были даже попытки очищения заряженной водой местной ведуньи бабы Нюры. Но все было тщетно. Парень угасал на глазах и в какой-то момент начал напоминать безвольный овощ. Беспомощный, апатичный, немногословный, он сам себе толком не мог объяснить, что же все-таки происходит. В итоге он просто сбежал из дома и вернулся в Москву. В какой-то момент он понял, что поиски причины своего состояния надо начинать там, где все началось. Так что уехать Данила не мог. Его проблема от этого никуда не девалась. Более того, находясь в столице, рядом с источником своих панических атак, у него хотя бы был шанс их нейтрализовать, давая на короткое время передышку своему разуму. А вдали от большого города этой возможности у парня просто не было, и каждый новый день в режиме психической ломки мог стать для него последним. Ну или, по крайней мере, последним для его разума.

— Даня! — шеф, наконец, добрался до десерта. — В следующий раз предупреждай меня лично!

Данила растерянно взглянул на начальника, не зная, как интерпретировать его тон, слишком уж мягкий для выговора и чересчур спокойный для последующей ожидаемой фразы «ты уволен».

— Иван Михалыч, это я малого с панталыку сбил, — вмешался Саня, водитель «Волги». — На меня рейс свалился внезапно, а грузчики все разбежались, кто-то же должен был мне помочь на точке с куллерами...

— А куллеры таскать никого покрепче найти не смог? — бригада дружно гыгыкнула, поскольку Данила отнюдь не отличался богатырским сложением. — Ладно, — буркнул Михалыч, — в следующий раз оформляй бумаги! Малому-то за работу, поди, никто теперь не заплатит...

Начальник хлопнул в ладоши и, бросив свою каждодневную фразу «Ну, за работу,

хлопцы!»», удалился в административный корпус.

Все вокруг засуетились. Водители пошли к своим машинам, механики отправились за необходимым инструментом. Моторист Николай хитро подмигнул Даниле и жестом подозвал к себе.

— Ты на сегодня задание получил? — спросил моторист.

— Нет, — растерянно ответил Данила, — Михалыч про меня как будто забыл.

— Правильно, потому что я тебя к себе на сегодня выписал. Мы с тобой должны вон того дохляка перебрать. — Николай Степанович кивнул на грудку металла, в силуэте которого Данила распознал мазовский движок. Данила кивнул.

— Дядь Коль, это вы Саню подговорили меня отмазать?

— С чего ты взял, щегол? — слесарь-моторист со стажем работы вдвое больше возраста Данилы опять хитро улыбнулся и пошел за инструментами.

— Просто мы с Саней не так давно знакомы, с чего бы ему меня выгораживать?

— А с чего бы мне тебя выгораживать?

— Не знаю, — Данила опять потупил взгляд. — А действительно, с чего?

— А с того, щегол, что мал ты еще и мне во внуки годишься. Вижу, проблемы у тебя, а говорить не хочешь. Парень ты толковый, башковитый, да и руки у тебя из того места растут. Нравишься ты мне. Жизни тебя научить хочу, только в толк не пойму, куда ты постоянно пропадаешь?

Данила не знал, что ответить. С детства его учили, что на добро добром отвечать положено, а тут такое дело, как объяснить? Да и кто поверит-то?

— Молчишь. Вот и я про то. Что-то тебя там держит, а отсюда ты не уходишь сам. Видать, работа тебе нужна. Но и там ты не можешь от дел отойти. Вот я тебя и жалею. Вижу же, не наркоман, не алкаш... Непонятный ты, но мне нравишься.

Николай загрузил Даниле в сумку необходимые инструменты и медленно пошел к двигателю.

— Не хочешь говорить — не надо. А Сане пузырь поставь. У мужиков так положено.

Данила кивнул. Действительно, проставиться надо. Да и Николаю тоже надо бы что-нибудь подарить. Вот только не пьет он... Ладно, подумаем, решил Данила и принялся за работу.

Минут сорок ушло на то, чтобы скрутить с двигателя все болты и снять форсунки. Дальше Данила не знал, что нужно делать, и за работу взялся Николай. Старый мастер умело, буквально на ощупь, выбирал нужный инструмент и последовательно отделял от двигателя агрегаты и детали. Данила внимательно следил за работой Николая Степановича и с ходу угадывал все его желания. Куда положить ту или иную штуковину, где отмыть в солярке и приготовить к сборке деталь, а где сбегать на склад за новой. Парню нравилось работать с Николаем. В нём он чувствовал мудрость и какую-то серьезную школу жизни. В глазах старшего коллеги было что-то такое, что заставляло Данилу внимательно относиться ко всему, что он говорил. А говорил он иногда часами, не останавливаясь. Обо всем на свете мог говорить. Подкован Николай Степанович был практически во всех сферах жизни. Разве что за новомодными гаджетами не следил, а так знал все и обо всем.

Из всех работников транспортной компании, в которой трудился Данила, ему больше всего нравилось работать с двумя мастерами. С Николаем Степановичем парень работал нечасто, зато каждый раз узнавал для себя что-то новенькое, как по работе, так и о жизни. Чаще Данилу ставили в помощники к суровому слесарю Патрушеву. Огромный мужик с

высеченными словно из камня руками своей силой приводил Данилу в священный трепет. Неясно было, то ли от природы этот великан был наделен такой силищей, то ли служба в десанте налила его мощью. От него Данила мог почерпнуть для себя крайне мало, Патрушев не был словоохотлив, но работу свою знал и к молодому парню относился снисходительно. Учил его суровый мужчина больше делом, нежели словами. Все показывал, но почти никогда не пояснял. Данилу это устраивало, поскольку Патрушева он побаивался. Причем страх этот пришел нежданно-негаданно. Однажды, придя на работу, Данилу позвал к себе Николай Степанович и тихонько так предупредил: «К Патрушеву сегодня не подходи». Объяснять он ничего не стал, что сработало для молодого парня, как катализатор для его любопытства. И, естественно, Данила весь день крутился возле огромного хмурого мужика. То железку ему принесет, то ключ гаечный подаст. Ничего в поведении Патрушева в тот день Данилу не насторожило, ну разве что был он немного суровее, чем обычно. До полудня проработали спокойно. А на обеденном перерыве, когда вся бригада села перекусить в каморке рядом с раздевалкой, Патрушев молча подошел к холодильнику, достал из морозилки две бутылки водки и вот прямо так, за бутербродом с салом, в одного их выпил. Молча, размеренно, стакан за стаканом. Молодые работники, вроде Данилы, переглянулись, но ничего не сказали. Пить на работе строжайше запрещалось, но в коллективе быть крысой и бегать докладывать не полагалось. Так что, все промолчали. Старожилы же базы и вовсе вели себя как ни в чём не бывало. Будто каждый день сами так просто выпивают литр водки за обедом. Обед закончился, и все отправились по своим местам. Один только Патрушев остался сидеть в каморке. Данила никогда еще раньше не видел человека в таком подавленном состоянии. Хотя мозгами он понимал, что даже такого здоровяка, как его коллега, два пузыря могут в лепешку раздавить, но тут дело было явно не в выпитом. В каморку зашел Николай и буквально за шкирку вытащил Данилу из-за стола. Оттащил его к себе в слесарку и заставил железной щеткой отдраивать ржавый коленвал. Из слесарки, где работал Данила, было видно рабочее место Патрушева, вернее цех, где стоял разбортированный грузовик. Рядом лежали здоровенный лом и несколько ключей. Именно тогда Данила впервые увидел, на что способен этот великан. После двух бутылок водки, ни капли не опьянев внешне, Патрушев в одиночку заменил тяжеленную рессору. Голыми руками, молча. Просто так взял и выполнил работу, которую порой без мата и вспомогательных инструментов не могли сдюжить и трое крепких мужчин. В конце рабочего дня, после того как начальство уехало, молчаливого Патрушева увели с базы под руки трое мужиков. А Николай Степанович потом объяснил, что каждый год в один и тот же день Патрушев ведет себя именно так и не иначе. Пару лет назад, когда Николай сам только устроился на автобазу, он увидел этого огромного здоровяка точно в таком же состоянии и по неопытности решил разузнать, что к чему. Точно так же болтался возле него после обеда и даже предложил ему помощь. Но Патрушеву помощь была не нужна. Оказалось, в этот день он поминал сослуживцев, которых не смог вытащить из какой-то заварухи во время службы в Афгане. Долго в тот день десантник рассказывал Николаю о своей службе, и чем дальше углублялся в воспоминания, тем хуже ему становилось. Тогда дело не ограничилось двумя бутылками водки. Охмелев и разворошив воспоминаниями опасное осиное гнездо памяти, Патрушев устроил на базе целый погром. Дело дошло бы даже до рукоприкладства, если бы не дипломатический талант Николая. Каким-то непостижимым образом ему удалось успокоить здоровяка одной только беседой. Патрушев проспался и на утро был тише воды, ниже травы. А Николай Степанович с того раза сделал единственный вывод: человека в

таком состоянии лучше не трогать вообще.

День близился к концу. Двигатель от Мурзика, как водители ласково называли машины минского автозавода, стоял разобранный и полностью готовый к повторной сборке. Изношенные детали были заменены, а более или менее пригодные были отмыты и насухо протерты. Форсунки продуты и готовы к установке. Весь следующий день Николай планировал потратить на сборку сложного агрегата и попросил Данилу, по возможности, не прогуливать. Парень виновато улыбнулся и по звонку, возвестившему конец рабочего дня, отправился переодеваться. День прошел более чем удачно. Данилу не уволили, более того, даже не вlepили выговор. В прекрасном расположении духа, на том же стареньком ПАЗике парень добрался до метро. Через сорок минут он уже брел домой по тихим дворам своего района.

Возле подъезда, как всегда, сидели забулдыги и о чём-то громко разговаривали. Пара раздавленных пузырей, прикрытых пакетами, служили топливом для интенсивных споров. Из трех мужчин в форменных куртках работников метро Данила знал лишь соседа. Второй, довольно молодой парень, выступал его оппонентом в каком-то высокоинтеллектуальном диспуте. Третий же товарищ мирно посапывал, примостившись на краю лавочки. Солировал, естественно, Валера.

— Да я те говорю, ну не может он каждый день направо-налево спасать этих идиотов! — заплетающимся языком кричал он, пытаясь донести какую-то истину до собеседника.

— Ну, до этого же мог? — парировал оппонент, которого Данила не видел раньше. — Ты ж сам пел, как он, надьсь, аж двоих с того света вытащил!

— Ну, вытащил, было дело... Даже видео в Ютубе есть...

— Воооот, а тут не пошел спасать....

— А если они через одного все сигать начнут? — кричал Валера, — Как он их, по-твоему, спасать должен?

— Ну, положим...

Данила подошел ближе и, уже уверенный, что речь идёт о нём, решил вклиниться в разговор. Мало ли чего полезного от Валеры можно будет узнать, про «Ютуб» же он ему сообщил в пятницу.

— Что случилось, шум-гам, а, Валер?

— Ооо, сосед... Садись, рассудишь! — весело заорал Валера. — Ты новость слышал?

— Нет, — насторожился Данила, — какую?

— Воот, смотри! Серега говорит, что тот спаситель — крыса подземельная! Что ему дар Божий дан, а он, дескать, выбирать начал, кому жить, а кому умереть!

— А что не так? — поднял голову уже изрядно датый Серега. — Ты сам посуди, раз у человека чуйка на такие дела, а он кого-то спасает, а на кого-то забивает, то он кто? Правильно, кры-са! Не ему решать!

— А кому решать, если только он знает, как этих мудаков от смерти спасать?

Данила никак не мог вникнуть в суть спора.

— Валер, ты объясни толком, кто кого спасал, а кого не спасал? Я ничего не пойму!

— Ну да, — опомнился Валера, — ты ж не знаешь. Сегодня-то опять одна дура...

— Что опять? Какая дура? — у Данилы по спине пробежал знакомый холодок.

— Опять сиганула...

— Кто?

— Ну, я те говорю! ДУ-РА! Сегодня. Опять сиганула под поезд, — смакуя новость, протянул Валера.

— А почему я ничего... — Данила осекся. Почему он ничего не почувствовал? Весь день на работе провел, и ни единого признака паники...

— А потому, что это закрытая информация, — не без гордости сообщил сосед. — И только доверенным лицам она была открыта...

Пьяный лепет соседа, поначалу казавшийся Даниле забавным, начинал бесить.

— Валер, ты можешь толком рассказать, в чем дело-то?

— Могу, могу, а ты чего так завелся-то? — Валера выразительно посмотрел на руки Данилы, которые крепко сжимали ворот его рубашки. Данила только сейчас осознал, что буквально вытрясывает информацию из соседа. Он разжал кулаки и осторожно поправил рубашку Валеры.

— Извини. Я...

— Да ты не ссы, живая она! От поди-ка, как переживает! Жива, в больничке уже, небось, лежит.

— Жива? Как? — Данила еще больше запутался. Кто-то бросился под поезд, выжил, значит.

— Жива, еще как. Они же, полоумные, все такие! Жест красивый напоследок сделать хотят! А по уму не знают, как сделать. Сиганула в центре платформы, да поезда не дождалась. Машинист прямо перед ней состав остановил. Она только башкой о водосток шандарахнулась. Ну, её на носилки и в больничку!

— В какую?

— А мне почем знать? В местную, небось, — Валера от напора молодого соседа аж протрезвел слегка.

— На какой станции это было? — уже спокойнее спросил Данила.

— Да на нашей ветке, я как бы узнал еще? Витёк, сменщик мой, рассказал... На «Филевском парке», кажется.

Тут очнулся провалившийся было в себя Серега.

— Наливай, Валера... Мы так ни к чему не придем...

— Не, ну ты понял, даже малой тебе скажет, ты не прав...

Данила понял, что больше информации от пьяного соседа ему не выведать, и под громкие споры алкашей поспешил забежать в подъезд.

Как же так? Почему сегодня? Я же только в пятницу отработал? Почему ничего не почувствовал? Господи, сколько же вопросов... Данила зашел в квартиру и, не разуваясь, прошел в комнату. Закрылся, сел на кровать. «Думай! — приказал он себе. — Ты ничего не чувствовал сегодня. Так? И, значит, ничего не должно было произойти. Так? А значит, Валера врёт. Всё просто. Просто напился до чертей и сказки сочиняет. Точно!» Но это оправдание Данилу не успокоило. Для посиделок с собутыльниками пьяному соседу вполне хватило бы и пятничных баек. Зачем ему на ровном месте придумывать несуществующую историю? Что-то тут не вязалось. А если Валера и впрямь слышал о новом суициде, пусть даже неудавшемся? Тогда почему чутьё Данилы ничего ему не подсказало? Может, всё наконец-то прошло? Парень тряхнул головой, уверенный, что о таком счастье лучше даже не заикаться.

Единственным выходом из этой ситуации было поехать на то самое место и попытаться его прощупать, как он обычно делал это на охоте. Зацепки есть — есть место, есть конкретная

станция. И если это произошло не позже трех часов назад, у Данилы вполне есть шанс что-нибудь почувствовать.

Мешкать было нельзя. Парень пулей выбежал из подъезда. Соседа со товарищами уже и след простыл. Видать, прогнали с лавочки местные бабки. Ничего, без него обойдусь. До метро минут пять, если бегом, а там всего две станции. Может, и повезёт.

Очнувшись, Светлана обнаружила себя в просторной одноместной палате больницы. На ней был больничный халат, а голова была туго перевязана бинтами. Мысли сильно путались, но сознание уже полностью восстановилось. Девушка попыталась приподняться, но острая боль в затылке разубедила её совершать какие-либо телодвижения. Света огляделась. В палате кроме неё не было никого. За дверью палаты кипела больничная жизнь, доносились чьи-то разговоры, то и дело мимо проносились люди, громыхали тележки. По роду деятельности Свете часто приходилось бывать в больницах, и потому она живо представляла, что происходило за дверью. Больничная жизнь в данный момент её мало волновала, куда интереснее было попытаться восстановить в памяти события последних часов. Но, как девушка ни старалась, вспомнить толком ничего не удалось. Последним воспоминанием, которое ей удалось выудить из головы, был разговор с профессором. Тот никак не хотел соглашаться реализовать её план. Так, про план она тоже вспомнила, уже хорошо. Связав воедино скудные данные, девушка пришла к определенным выводам. Во-первых, план не сработал, иначе она не лежала бы сейчас в палате. Во-вторых, налицо диагноз — ретроградная амнезия вследствие закрытой черепно-мозговой травмы. Забавно ставить самой себе подобные диагнозы, подумала Света. Почему именно закрытой? Потому что лежит она в обычной палате с простой повязкой на голове, которая болит так сильно, что в глазах начинает темнеть при каждой новой попытке пошевелиться. Света перевела взгляд на прикроватную тумбу. На ней лежал её телефон и какая-то бумажка. С трудом девушке удалось до нее дотянуться. Это была записка. Почерк она узнала сразу же, записку оставил Вадим Юрьевич. Превозмогая тошноту, Свете удалось прочесть несколько наспех написанных строк.

«Светлана, простите меня за мою оплошность! С вами все в порядке. У вас сотрясение мозга. Были проведены все необходимые исследования, угрозы жизни никакой нет, но сути дела это не меняет. Я виноват в произошедшем и никогда не прощу себе эту минутную слабость. Зря я согласился на ваш безумный план. Как ваш руководитель и просто как более опытный и умудрённый жизнью человек я должен был предвидеть подобную развязку. Хотя ваши слова звучали убедительнее моих доводов, это, естественно, не снимает с меня ответственности. Вы, возможно, ничего не будете помнить, когда очнётесь. Наберитесь терпения. Вечером я заеду к вам и все расскажу. Поправляйтесь».

Ясности записка не добавила, и Света с досадой отшвырнула её в сторону. Девушка взглянула на телефон, но звонить никому не стала. Кому надо, сами позвонят. Родителей у нее не было, а остальным и вовсе незачем знать о ее маленьком приключении. Делать какие-либо выводы Света пока не стала, слишком мало информации. Единственное, что она могла сейчас сделать, это постараться принять позу, в которой ее голова не лопнула бы от боли.

Закрыв глаза, Света постаралась отключиться от всех раздражителей внешнего мира. Свет дневных ламп показался ей чересчур ярким. Фотофобия – всплыл в голове очередной медицинский термин, такое бывает при черепно-мозговой травме. Звуки больницы тоже слишком сильно раздражали, не давая полностью расслабиться и провалиться в спасительный сон. Можно было нажать на кнопку вызова медперсонала и попросить какое-нибудь снотворное или болеутоляющее средство, но девушке не хотелось пропустить встречу

с научным руководителем, который должен был в скором времени навестить её и дать все необходимые разъяснения. Света попыталась максимально расслабиться, сосредоточившись на дыхании. Этой практике она обучалась в Китае на стажировке, ещё будучи ординатором. Но не прошло и пяти минут, как слух уловил новый звук. Открылась дверь и в палату кто-то вошел. Света приоткрыла один глаз и увидела грузную медсестру с уже запровленной капельницей.

— Очнулась уже? — не делая скидку на состояние больной, слишком громко спросила женщина. В её голосе Света уловила нотку неприязни, но отвечать не стала. — Давай руку, краля! — всё также бесцеремонно проговорила медсестра и стала готовиться к установке капельницы. Свете было неприятно такое обращение – типичная сестра-робот, вспомнила она курс этики и деонтологии. Таким важнее выполнить чисто механическую работу, а Света для неё – лишний труд на дежурстве. К тому же девушка понимала, что, с точки зрения медсестры, она – самая настоящая психопатка, раз привезли её, подобрав с путей. Следовательно, ждать более или менее сострадательного отношения от медперсонала она не могла. Да и Бог с ними. На черта они мне, подумала девушка и молча повиновалась, вытянув вперед руку. В конце концов, капельница принесёт небольшое облегчение, а именно этого она и желала сейчас больше всего на свете.

— Что вы мне ставите? — тихим голосом спросила Света и тут же пожалела об этом. Говорить было ещё больнее, чем открывать глаза.

— Что доктор назначил, то и ставлю, — грубо ответила медсестра и больно кольнула в вену.

На другой ответ можно было и не рассчитывать, а объяснять налево и направо, что она сама медик, Свете не хотелось. Поэтому она молча стерпела укол и, дождавшись, когда выйдет медсестра, вновь попыталась успокоить пульсирующую боль в голове дыхательной гимнастикой. Не прошло и пяти минут, как в палату вновь кто-то вошел, затворив за собой дверь. Света решила, что это опять грубиянка-медсестра – должно быть, забыла что-то в палате. Девушка не стала открывать глаз. Вошедший стоял тихо у самой двери, до нее доносился лишь звук его дыхания. Прошла минута, а гость так и не пошевелился. Засомневавшись в своих выводах, девушка решила всё-таки открыть глаза. На пороге стоял молодой парень лет двадцати, поверх черного балахона на него был накинут мятый халат. Капюшон балахона скрывал лицо почти до середины глаз, но эту фигуру Света узнала бы из тысячи. Слишком уж долго она изучала видеозаписи с суицидниками московского метрополитена. Бесспорно, перед ней стоял тот, кого она пыталась разыскать столь опасным методом.

Парень заметил, что Света очнулась, и просто испытующе смотрел на неё, слегка наклонив голову набок. Девушка оживилась и попыталась приподняться, но резкая боль в голове вновь заставила ее голову остаться на смятой подушке.

— Здравствуйте, — шёпотом сказала Света. Парень молчал.

— Как вы меня нашли? — вновь попыталась завязать разговор девушка, но парень продолжал молчать. В выражении его лица была странная смесь опаски и любопытства. Обычно так смотрят на опасное животное в зоопарке, когда кажется, что вольер слишком уж хлипкий для хищника. Но Света понимала, что на опасную хищницу она в данный момент никак не тянет, и вновь постаралась вытянуть из гостя хотя бы слово.

— Меня Света зовут. А вас?

Парень сделал пару шагов к кровати и вновь остановился. Он медленно оглядел палату,

уже не обращая внимания на Свету. Ощущение было, что парень принюхивается или пытается уловить что-то невидимое. Света с любопытством разглядывала его, и вблизи он уже не казался ей таким уж молодым. Уставшее лицо с трехдневной щетиной, измятая одежда, сутулый силуэт выдавали тяжелую усталость. Парень остановил взгляд на телефоне девушки, тот по-прежнему лежал на прикроватной тумбе. Он бесцеремонно подошел ближе и взял трубку. Паролей Света никогда не ставила, поскольку считала, что если телефон и украдут, то перепрошить его не составит никакого труда, а от знакомых и близких ей прятать было особо нечего. Так что молодой человек без труда добрался до файловой системы мобильного и как ни в чём не бывало принялся в ней ковыряться. Света не стала сопротивляться, ей было даже интересно, что он станет делать дальше. Через пару минут парень вновь испытующе посмотрел на нее.

— Что-нибудь интересное нашли? — уже с вызовом спросила девушка, но парень по-прежнему хранил молчание. Света догадалась, что он добрался до папки «работа», в которой у нее были собраны все материалы о нем. За информацию она не волновалась, на всякий случай она сделала несколько резервных копий, так что даже если он и сотрет все данные, ничего особо страшного не произойдет. Но молодой человек молча положил телефон обратно на тумбу и вновь посмотрел на девушку уже с легкой долей любопытства. Девушке было тяжело смотреть на парня снизу вверх, слишком сильно у нее болели глаза и голова, а к горлу начинала подступать тошнота. Она на секунду прикрыла веки, постаравшись унять дурноту, но тут же услышала, как парень двинулся к выходу.

— Стой! — неожиданно для себя крикнула Света. Парень замер у двери, не оборачиваясь. — Зачем ты пришел? — Молодой человек, словно колеблясь, потянулся рукой к дверной ручке.

— Ты нашёл меня так же, как ищешь других, ведь так?

Света уже не знала, чем удержать нежданного посетителя, и всячески хотела потянуть время.

— Ты можешь это чувствовать, я права? — Парень вновь замер, но оборачиваться не стал.

— Я могу помочь тебе, — Света не знала, чем может его заинтересовать, но решила положиться на интуицию. — Я знаю, тебе трудно с этим жить, и я искала тебя. Искала, чтобы помочь! Я врач, я специализируюсь на таких вещах и я знаю, что надо делать! — пошла ва-банк Света. Парень обернулся и пристально посмотрел на девушку.

— Не делай так больше, — тихо произнес он, — я могу не успеть.

Он быстро открыл дверь и стремительно пошел прочь. Света чертыхнулась вслух и стиснула от бессилия кулаки. Иголка в вене больно кольнула, и Свете пришлось вновь взять себя в руки. Она быстро нажала на кнопку вызова медсестры, в скромной надежде задержать парня, но сестра-робот подошла лишь спустя несколько минут. За это время незнакомец давно уже успел покинуть здание больницы.

Проникнуть на территорию больницы без пропуска Даниле не составило особого труда. Для этого пришлось соврать охраннику на КПП, что он был свидетелем несчастного случая на платформе метро, объяснить в подробностях, что увидел падение девушки на пути и подобрал при этом её выпавший телефон. В карету скорой помощи его якобы не пустили, а оставлять потерянный девайс у девушки без сознания он побоялся. Даниле выписали временный пропуск, благо, паспорт он всегда носил с собой, и посоветовали обратиться в

приёмный покой, для того чтобы уточнить отделение и номер палаты, в которую положили девушку. Данила не преминул последовать совету и уже через десять минут стоял возле кровати больной. С самого начала поисков его не покидало ощущение подвоха. Как и рассчитывал Данила, на самой станции, где случился несчастный случай, он почувствовал едва различимый след, но вот тут и обнаружилась первая странность. Этот нежно-зеленый дымок не походил на все те угрожающе-насыщенные следы суицидников, которые ему доводилось видеть раньше. След ниоткуда не вёл, он начинался и заканчивался ровно на станции метро «Филёвский парк». Но это обстоятельство могло означать лишь одно: идея лишиться себя жизни возникла в голове девушки спонтанно, именно в тот момент, когда она находилась на станции. Раньше такого Данила не наблюдал. Все его клиенты, так или иначе, откуда-то приходили и при этом куда-то направлялись. Пусть даже их маршрут казался спонтанным и бесцельным, но при этом он всё же был. Вторая странность обнаружилась на пути следования к больнице. След от девушки оборвался там же, на станции. А ведь, если верить словам соседа, девушка так и не довела до конца задуманное. Опять же, раньше, когда Данила пытался помешать самоубийству задолго до его реализации, а не в сам роковой момент, это никак не спасало его клиентов. Они не теряли следа, не переосмысливали свою жизнь и не пытались отказаться от задуманного. Тут же всё было иначе. Выходило, что девушка приехала на станцию в полном душевном здравии. Внезапно, по непонятным причинам, решила сигануть под поезд, а после неудачной попытки резко передумала, да еще так кардинально, что все намеки на след просто-напросто исчезли.

Найти больницу Даниле не составило особого труда. Размышляя логически, он пришел к выводу, что её повезут в ближайшую «скоропомощную» клинику, каковой оказалась 51-я Городская Клиническая Больница. Спасибо Гуглу. Больница оказалась в пешей доступности от метро, и потому Данила уже спустя пятнадцать минут готовил простенькую кровать, для того чтобы проникнуть на ее территорию.

Уже в самой палате Данила подметил для себя несколько фактов, которые также не вязались с чистой природой решения о самоубийстве. Во-первых, как и на платформе, от девушки не исходило ровно никакого следа, что для человека, без пяти минут покончившего собой, уже было странно. Она преспокойно лежала себе под капельницей и внешне совсем не походила на тех бедолаг, которых ему приходилось видеть раньше. Во-вторых, в её телефоне Данила обнаружил информацию чуть ли не по всем его последним подвигам. И третье и, пожалуй, самое главное — девушка ни капли не удивилась, увидев у себя в палате незнакомого мужчину. Создавалось впечатление, будто она его ждала. Это же подтвердилось и её собственными словами: «Я тебя искала, я хочу помочь». Похоже, она давно следила за его работой и серьёзно готовилась к столь рискованной попытке обнаружить его. Для Данилы расчет был ясен. Каким-то путем ей стало известно о его способностях предсказывать подобные трагедии. Она долго искала способ его разыскать, и ничего глупее не придумала, чем инсценировать собственное самоубийство в расчете на то, что Данила почувствует это и прилетит её спасать. Единственное, что оставалось загадкой, это то, каким образом ей, абсолютно психически здоровой, удалось перебороть страх смерти, перешагнуть инстинкт самосохранения и сделать этот роковой прыжок.

Именно об этом Данила и думал по пути домой. Мысли так далеко уносили его от реальности, что весь путь парень проделал на автопилоте. Выходя из метро на своей станции, он машинально направился по кратчайшему маршруту через дворы. К тому моменту на город уже опустились сумерки, тусклые дворовые фонари с трудом выхватывали

из окутывающей город тьмы узкие куски улицы. В конце ноября вечерами уже слегка подмораживало, и редкие прохожие, кутаясь в свои шарфы и капюшоны, спешили поскорее оказаться в пункте назначения. Кто-то брел к метро, другие направлялись домой после тяжелого трудового понедельника. Только выйдя из метро, Данила Щеглов, а на работе просто Щегол, ощутил, как сильно он устал за день. Сказывалась и тяжелая пятница с её неожиданными двумя клиентами, и трудная физическая работа, и этот внезапный эмоциональный стресс, связанный со странной девушкой в больнице. Парень понял, что спешить ему сегодня больше некуда, и медленно побрел мимо сереньких пятиэтажек. В какой-то момент ему страсть как захотелось курить. Сигарет он не покупал, поскольку не курил постоянно, но иногда все же снимал таким образом стресс. Данила попросил закурить у проходящего мимо мужчины. Прикуривая из рук прохожего, он краем глаза выхватил в десяти шагах позади себя тёмную фигуру. Словно подражая Даниле, субъект позади него тоже закурил. Данила пошел дальше, стараясь растянуть удовольствие от сигареты. В какой-то момент он остановился у пустующей подъездной лавочки и присел. Время шло, а его никто не обгонял, хотя по времени шедший позади уже должен был поравняться с ним и уйти вперед. Парень медленно обернулся. На том же расстоянии от себя, что и прежде, он углядел мерные всполохи сигаретных затяжек. Его временный спутник так же, как и он сам, решил приостановиться и курил, стоя у соседнего подъезда. Данила никогда не был параноиком, но что-то ему в этом обстоятельстве не понравилось. Стараясь не подавать вида, Щеглов медленно встал и побрёл дальше, постепенно ускоряя шаг. В какой-то момент он уже шел довольно бодро, но, заворачивая за угол очередного дома, отметил для себя, что мужчина действительно следует именно за ним, держась на приличном расстоянии, но при этом не отставая. Сомневаться в этом уже не приходилось. Даниле сделалось неудобно от мысли, что кому-то понадобилось его выслеживать. Может быть, это какой-нибудь знакомый той девушки? Она же его разыскивала. В таком случае, почему не подошел возле больницы, почему не пытается заговорить? Вопросы, которые Данила себе задавал, изначально не имели ответа, но с этим незванным гостем все же надо было что-то делать. Не мог же он так просто, напрямик привести к себе домой людей, которые с какого-то перепуга решили за ним последить.

Щеглов перешел на другую сторону улицы и начал постепенно забираться влево, направляясь к другой станции метро. В подземке избавиться от слежки было проще простого, а домой можно было приехать и позже, воспользовавшись наземным транспортом. Данила сделал ещё несколько виражей, обогнул местный детский сад и, окончательно убедившись, что за ним следят, быстрым шагом пошел к ближайшей станции метро. Чем дальше он шёл, тем наглее вел себя преследователь. Он уже не пытался скрыть своих намерений, а просто неотрывно следовал за Данилой. Нырнув в фойе метрополитена, парень лихо перескочил через турникет и почти бегом побежал вниз по эскалатору под пронзительный свист контролерши. Удача улыбнулась Даниле – на путях в центр уже стоял поезд. Щеглов лихо забежал в вагон, но на этом удача его и покинула. Было бы идеально успеть проскочить в закрывающиеся двери, тогда у преследователя практически не было бы шансов за ним угнаться. Но время было позднее, и поезда начинали выдерживать интервал. Состав так и остался стоять на платформе. Диктор начал объявление о закрытии дверей сразу после того, как в вагон к Даниле забежал его преследователь. Предательский состав зашипел дверями, и Данила, доселе не подававший вида, что видит своего оппонента, воспользовался, возможно, единственной оплошностью своего визави. Преследователь занял

место посреди вагона, пристально глядя в сторону Данилы. Но, как только двери с шипением начали закрываться, Данила мгновенно выскользнул обратно на перрон, чуть было не застряв между ними. Молодой человек, преследовавший Щеглова, дернулся было в сторону выхода, но, осознав свой промах, так и остался стоять в вагоне. Поезд слегка дернулся и начал набирать скорость. Данила успел хорошо рассмотреть своего преследователя. В вагоне стоял очень молодой парнишка лет двадцати, хорошо одетый, буквально излучавший добродушие всем своим видом. Улыбка не сходила с его лица. Они даже успели немного посоревноваться в гляделки, прежде чем поезд скрылся в недрах подземки. Данила, довольный своей находчивостью, улыбнулся вслед своему оппоненту и с чистой совестью побрел домой.

После пятничной неудачи Стерлингу страсть как хотелось реабилитироваться перед шефом, да и брату нос утереть хотелось не меньше. А потому, поразмыслив, Стерлинг начал свои изыскания с низов. Переоделся в рабочую одежду метрополитеновца да и стал пастись на проходной относящегося к месту последнего несостоявшегося суицида депо. Дождавшись завершения очередной смены, гангстер, как они с братом любили себя называть, побрёл к ближайшей остановке, пристраиваясь то к одной кучке работников, то к другой. Целью этого скучного, на первый взгляд, мероприятия был сбор информации. В среде теневого работников метро частенько процветало пьянство и, как следствие, досужие разговоры о работе. Больше всего Стерлинга интересовали сплетни о работе. В одной из кучек, с которыми ему пришлось идти, парень приглядел словоохотливого и, судя по запаху, уже слегка поддатого обходчика. Тот взахлёб рассказывал о недавнем происшествии на линии. Дескать, вновь была попытка суицида, уже третья за последние дни. Стерлинга заинтересовала подобная информация, поскольку именно этот инцидент не был спланирован его организацией и представлял собой, видимо, самый что ни на есть настоящий несчастный случай. Стерлинг решил потянуть за эту ниточку и уже на остановке, включив природное обаяние, влился в дружный коллектив работяг. Лучший способ укрепления нового знакомства новоиспеченному другу Валере был предложен Стерлингом незамедлительно. Сославшись на то, что работает без году неделю и только получил первый аванс, Стерлинг пригласил всю честную кампанию отметить это дело. Отказываться никто из мужиков, естественно, не стал. Стерлинг представился новым друзьям обходчиком Серегой. Валера оказался самой настоящей находкой для шпиона. После первой же остановки, заказанной в местной рюмочной, он сам пригласил приятелей продолжить возле своего дома, мол, это неподалеку, да и «синьку» он знает, где взять дешевле, чем в магазине. От компании по дороге отлепилось ещё два человека, и до места дислокации они добрались уже только втроем. Валера, как и обещал, показал проставляющемуся Сереге обещанное златное место, где они и затарились топливом для душевной беседы. Следующие три часа своей жизни Стерлинг убил на укрепление уз подземного братства. Валера без умолку травил байки о своей работе и всячески наставлял новоиспеченного обходчика. Учился уму-разуму Стерлинг с упоением. Во-первых, как оказалось, профессия обходчика была очень интересной и довольно ответственной. А во-вторых, для полного антуражу Стерлингу необходимо было полностью погрузиться в мир объекта дознания. Только таким способом искомая информация могла вылезти наружу без применения средневековых пыток и привлечения излишнего внимания к собственной персоне. В разгар беседы, уже после изрядного количества алкоголя, Валера сам перескочил на свою излюбленную тему о

самоубийцах в метро. В какой-то момент Стерлинг решил подыграть уже изрядно выпившему другу и нарочно затеял спор о том самом подземном спасителе. Мол, никакой он не спаситель, а так, ноль без палочки, раз ни в грош не ставит жизнь очередной жертвы, собственноручно выбирая, кого спасать, а кого нет. Удар был направлен верно. Такая позиция сильно противоречила видению мира Валеры, и тот стал защищать своего спасителя так рьяно, словно был с ним знаком лично. Удивительного в этом ничего не было. В кругу работников метрополитена этот Сэйвмэн был вроде легенды местного масштаба. О нём постоянно ходили толки и сплетни, а поскольку основная информация о происшествиях в метрополитене не была предназначена для широкого круга, то основной контингент поклонников таланта спасителя был именно из рабочего класса. Для себя лично Стерлинг узнал много нового о человеке, который вот уже год волей или неволей вставлял палки в колеса его шефу.

По прошествии нескольких часов подробного перетирания этой веселенькой темы Стерлинг начал скучать. Новой информации от Валеры больше не поступало, а само застолье грозило перерасти в банальную попойку со всеми вытекающими из этого мероприятия последствиями. Валера то и дело, как только градус спора начинал падать, норовил клюнуть носом, Стерлингу же постоянно приходилось искусственно поддерживать накал страстей. В какой-то момент шпиону даже показалось, что пора сматывать удочки, поскольку дополнительной информации от нового друга он больше не получит. Но не тут-то было. Ближе к вечеру на горизонте показался очень интересный субъект. Как оказалось, молодой человек, подруливший к Валере в разгар их спора, был его соседом по квартире. Стерлингу показалась интересной реакция молодого человека на весть о новой попытке суицида, как-то слишком уж близко к сердцу он принял эту новость. Валера, естественно, ничего не заметил, а вот Стерлинга его сосед очень даже заинтересовал. Профессиональное чутье подсказывало, что с этим молодым парнем не все так просто. Сосед Валеры довольно быстро ретировался, а Стерлингу теперь необходимо было поскорее избавиться от Валеры, для того чтобы продолжить копать в новом направлении. В третьей начатой бутылке оставалось довольно много водки, и Серега, ради прочного скрепления новой трудовой ячейки, предложил осушить ее до дна. Третий пассажир уже давно отбыл в мир морфея, а потому Валера с Серегой добились бутылку двумя увесистыми стаканами залпом и без закуски. Такая разовая доза вырубилась, наконец, и Валеру. А Стерлинг, хоть и изрядно охмелевший, тем временем по телефону вызвал брата. Через пять минут подъехал Фунт. Вдвоем они погрузили бесчувственные тела собутыльников на заднее сиденье автомобиля, и Фунт отвез их на почтительное расстояние от дома. Как только братья избавились от пассажиров, Стерлинг вкратце описал события прошедших часов и предложил брату продолжить разработку объекта самому. Тем более что из них двоих только Фунт видел парня в метро вблизи. На том и порешили. Стерлинг после тяжелого трудового дня отправился поправлять здоровье, а Фунт остался следить за предполагаемой занозой в заднице их шефа.

Ниточка оказалась безукоризненно верной. Фунт с первого же взгляда признал в искомом объекте того самого парня и организовал за ним профессиональную слежку, по итогам которой выяснилось, что парень сначала направился к той самой станции метро, на которой утром произошел инцидент. Затем он наведлся и в больницу, куда доставили пострадавшую. Остальное было делом техники. Фунту даже удалось выяснить личность парня. Этот простачок ничего умнее не придумал, как предоставить службе охраны свой

реальный паспорт. Фунт прошел на территорию больницы тем же путем и просто прочел все сведения о парне в журнале посещений, где его заставил расписаться охранник. Затем Фунт отзвонился Стерлингу, и они приняли решение об организации агрессивной слежки, суть которой заключалась в том, что один следит открыто и навязчиво, заставляя жертву действовать решительно, и в какой-то момент упускает объект слежения, тем самым усыпляя его бдительность. Второй же пристраивается за объектом следом и уже без особых проблем выведывает всю остальную информацию. Всё прошло без сучка без задоринки. Парень запаниковал и, как и предполагалось, попытался уйти самым простым методом. Ему удалось «подловить» Фунта на игре в выбегайку из вагона метро. А Стерлинг тем временем без особого труда стал пасти свою потерявшую бдительность жертву.

Сергей Воронов смотрел на племянницу, испытывая смешанные чувства. С одной стороны, ему хотелось придушить ее собственными руками за столь необдуманный и опрометчивый поступок. С другой стороны, родительский долг и искренняя любовь к единственному родному человеку на свете заставляли простить ей все прегрешения. Девушка лежала в кровати с видом, не допускающим ни грамма нотаций. С её точки зрения, она поступила абсолютно правильно, выбрала единственно верный способ поиска интересующего её субъекта. И тот факт, что он сам в итоге пришел к ней, только добавлял ей уверенности в правильности выбранного метода. Из больницы Света выписалась на третий день под отказ и временно поселилась у дяди. На этом настоял он, категорически отвергнув все прочие варианты. Чтобы лишний раз не злить одураченного Воронова, Света не стала упорствовать и согласилась какое-то время пожить с ним.

В прихожей запищала трубка домофона, Сергей пошел открывать.

— Это твой профессор, — с нескрываемой злобой сказал он, вернувшись в комнату. — Видимо, добивать пришел.

— Ну, хватит, — взмолилась Света, — сколько можно повторять, я сама его заставила пойти на это!

— Заставила себя загипнотизировать? А он, бедняга, так сопротивлялся... — не унимался мужчина. — Знал бы заранее, ноги ему оторвал бы.

— Дядь, ну не злись, я сама виновата в том, что всё пошло наперекосяк. Впредь умнее буду.

— Впредь? Ты что, решила повторить свой бредовый эксперимент? Заметь, ты и меня в эту ложь впутала. Зачем ты соврала ему, что я буду страховать? А я ни сном, ни духом. Ты хоть знаешь, сколько седых волос у меня по твоей милости теперь на голове?

В дверь деликатно постучали, Сергей вздохнул и пошел открывать. На самом деле Света понимала, что он злится не на профессора, а больше на себя самого. После смерти родителей она для него осталась единственной ниточкой, связующей его жизнь с нормальным миром. Случись с ней что похуже, и он, скорее всего, не вынес бы этого. Потеряв сестру, он принял на себя все обязательства по воспитанию племянницы, а тут такое. Света, конечно, испытывала некое подобие жалости к дяде и легкие угрызения совести, но в её характере всегда была нотка безрассудства, граничащего с полной неадекватностью. Она никогда не отказывалась от запланированного, и это упрямство, видимо, перешло к ней по материнской линии. Такой была её мать, таким же был и сам Воронов. Только перешагнув за пятый десяток, он научился контролировать свои поступки, но Свете, в силу её молодости, этот уровень самоконтроля ещё был недостижим.

В комнату вошел Вадим Юрьевич. На нём по-прежнему буквально не было лица. Чувство вины перед Светой и еще более перед её дядей не давало профессору покоя вот уже третьи сутки. Пожилой профессор не мог простить себе собственную старость и нерасторопность, только из-за них он не смог удержать девушку от рокового шага там, на платформе. План девушки показался ему вполне реализуемым, к тому же и расчет его оказался верным. Он не внушал ей мысль о суициде. Погрузив её в гипнотический транс, он приказал ей лишь совершить прыжок на пути, притом рассчитал всё таким образом, чтобы машинист поезда в любом случае мог успеть среагировать на внештатную ситуацию. К тому

же он был все время рядом и, собственно, не мог даже предполагать наличия у Светы реакции настолько быстрой, что он даже не успеет остановить её. Слабым утешением служило и то, что по плану рядом должен был находиться её дядя, которого, по её словам, в самый последний момент вызвали на работу. Профессор корил себя за то, что не отказался от эксперимента в тот самый момент, когда узнал об этом, но всё случилось, как случилось, и от этих угрызений совести ему теперь никуда было не деться.

— Вадим Юрьевич, я так рада вас видеть! — весело поприветствовала его аспирантка. — Как хорошо, что вы зашли. Нам необходимо подвести итоги нашего, — она на секунду запнулась, — эксперимента.

Сергей стоял в дверном проеме, с трудом сдерживаясь от язвительного комментария.

— Как ты себя чувствуешь, Света? — деликатно кашлянув, осведомился профессор.

— Я в полном порядке. Голова уже не болит и не кружится. И я хочу, чтобы у вас двоих, — Света взглянула на дядю, — больше не было никаких вопросов по этому поводу. Мы совершили задуманное. Всё пошло не так, как было запланировано, но оно того стоило, и риск, в итоге, оказался полностью оправдан.

— Не могу с тобой согласиться, Светочка, мы ведь так и не смогли связаться с этим парнем. И толком никакой информации о нём так и не узнали.

— Ошибаетесь, мой дорогой профессор. Во-первых, мы выяснили, что я была права, Сэйвмэн действительно каким-то образом чувствует подобные ситуации. Он может искать, и, что поразительно, довольно часто находит тех, кому грозит беда в метро. А это все-таки золотая жила для нашей профессии. Задумайтесь только, сколько мы сможем узнать о человеческом мозге, если изучим этот феномен досконально. А во-вторых, то, что парня сейчас нет с нами, ещё не означает, что его невозможно найти.

Профессор побледнел и мельком оглянулся на Сергея, хранившего холодное молчание.

— Если ты вздумала повторить этот ужасный маневр, то на этот раз я пас! — запротестовал Вадим Юрьевич.

Света весело улыбнулась.

— Да нет, что вы! У меня и в мыслях не было повторять подобное еще раз. Мне моя голова еще дорога, — она демонстративно дотронулась до повязки на голове. — Но у нас всё же есть несколько неплохих зацепок. Правда, дядь?

Воронов, до этого момента неприязненно молчавший, кашлянул и нехотя согласился.

— Правда. Наша Света — хитрюга ещё та. В её телефоне есть программа, которую необходимо активировать всякий раз, когда разблокируется экран. Если этого не сделать, фронтальная камера делает несколько снимков и автоматически сохраняет их в облаке, а уведомление приходит на почту. Парень, естественно, не знал об этом и, пока копался в её телефоне, засветился в лучших ракурсах.

Профессор почесал затылок.

— Значит, теперь мы знаем, как он выглядит. И что же нам дает эта информация?

Света улыбнулась и продолжила.

— А еще мой дядя работал в милиции. С телефона и с дверной ручки в палате удалось снять отпечатки пальцев. И, если подключить связи Сережи, можно попробовать установить личность нашего героя.

— Но это только в том случае, если у него уже когда-то снимали отпечатки пальцев, — возразил Вадим Юрьевич.

— Правильно, — ответил Сергей. — Итак, знакомьтесь, Щеглов Данила Сергеевич! —

торжественно продекламировал Воронов, доставая из внутреннего кармана пиджака записную книжку.

Света чуть было не подпрыгнула на месте.

— Ты нашел его! Но как? В смысле, он что, сидел?

— Нет, всё гораздо проще. Все мужчины, подлежащие воинскому призыву, обязаны проходить дактилоскопическую экспертизу. Парень учился на военной кафедре и получил чистенький военный билет еще в университете. Так что мне не составило особого труда найти его.

Сергей не без гордости прошагал мимо профессора и передал записную книжку племяннице.

— Как ни прискорбно мне об этом сообщать, но ваша идиотская затея все же принесла свои плоды.

Света, буквально сияя, вгрызалась в корявый почерк дяди, выуживая полезную для себя информацию. Там были и адрес регистрации, и место постоянного жительства, и даже место работы молодого человека. Вся жизнь Сэйвмэна буквально умещалась на одной страничке, но Свете было всё равно. Теперь найти его не составит особого труда, надо только немного прийти в себя после сотрясения. Работа может и подождать, главное теперь – не упустить момент.

Выслушав доклад Фунта и Стерлинга, шеф отпустил их, дав указания продолжить слежку. А сам откинулся на спинку кресла и начал подводить итоги. То, что эти бестолочи все-таки умудрились разыскать парня, конечно, приятно удивило. Пожалуй, стоит попридержать этих парней, далеко пойдут. Но шеф никогда не достиг бы такого положения, полагайся он лишь на волю случая, в работе он всегда придерживался принципа подстраховки. Решение особо важных вопросов он всегда поручал двум, а то и трем разным командам. Его чутье сработало и в этот раз. За полчаса до визита этих клоунов ему позвонили и отчитались о проделанной работе. Человек на проводе сообщил все необходимые данные о парне, которого он разыскивал. Таким образом, финальный аккорд в столице можно было считать практически сыгранным. В разработке их конторы находились еще пять человек, прибыль от которых с лихвой покроет долг перед криминалитетом города и позволит сорваться с места.

Задерживаться надолго в этом уродском городе шеф не планировал. Деньги тут крутились немаленькие, но безопасность в списке его приоритетов всё же стояла на первом месте. Как ни крути, а его простенькую схему мог раскрутить даже самый глупый следователь. Другое дело, что накопать доказательств в таком деле не так-то и просто, но шефу не хотелось рисковать. Он планировал открыть подобные конторы в других городах огромной страны, где стоимость квадратного метра жилья, конечно, не такая аппетитная, как в Москве, но, учитывая, что у него теперь будет достаточно средств для раскрутки собственной конторы, это того стоило. Дело оставалось за малым – держать на контроле этого Сэйвмэна и, в случае угрозы срыва операции, устранить его. Далее продать квартиры, которые в скором времени перейдут к его фирме по договорам пожизненной ренты, рассчитаться по займам и убраться пододру-поздорову.

Со времени последней охоты прошло уже почти три недели, что не могло не радовать Данилу. Двадцать дней кряду он не просыпался в холодном поту и не испытывал никаких панических атак. За это время Данила успел выспаться и привыкнуть к нормальной жизни. В его душе даже родилась робкая надежда, что на этот раз все закончилось навсегда, что теперь ему не придется сбиваться с ног, гоняясь за сумасшедшими в метро. Он исправно ходил на работу, доставлявшую ему с каждым новым спокойным днем всё больше удовольствия, периодически выбирался в город, чтобы просто прогуляться или сходить по магазинам. Успел получить аванс и прикупить несколько новых вещей к зиме. События последней охоты показывали, что лучше было бы сменить имидж, поскольку его балахон и куртка уже, по всей видимости, примелькались.

Больше всего на свете ему не хотелось быть заметным. Он прекрасно понимал, что его способности могут привлечь внимание не только таких странных персон, как та девушка из больницы, но и каких-нибудь репортеров или, хуже того, представителей властей. Тогда начнутся бесконечные проверки и вызовы в полицию на предмет его причастности к участившимся случаям попыток суицида в метро. Любому здравомыслящему человеку покажется странным тот факт, что один и тот же парень постоянно оказывается рядом с теми, кому надоело коптить это небо.

А суицидники действительно притихли. Нет, их не стало меньше, их просто вообще не стало, иначе Валера давно бы проделал ему дырку в голове разговорами о них. Своё временное спокойное существование Данила решил считать именно временным. Его надежда на то, что странный дар покинул его раз и навсегда, могла подтвердиться лишь в том случае, если случится самоубийство, а Данила тем временем будет преспокойно посапывать в собственной кровати.

Первый понедельник декабря выдался прескверным. Погода в Москве не радовала горожан зимней атрибутикой в виде морозов или снега. Копившиеся целую неделю серые облака сбились в одно сплошное грязное месиво, обесцветившее все вокруг. Казалось, небо, накопив колоссальное количество влаги, уже больше не может держаться над крышами города и почти с осязаемым слухом вздохом валится на головы прохожих.

Данила вышел во двор дома и, поглубже укутавшись в шарф, нырнул в молочно-серый туман. Сырой воздух моментально проник под одежду, заставив Данилу несколько раз вздрогнуть, прежде чем он добрался до метро.

Возле турникетов, как всегда, стоял дежурный полицейский, отсутствующим взглядом сканируя суетливых пассажиров, торопящихся по своим делам. Но, завидев Данилу, представитель закона заметно оживился, словно встретил давнего знакомого. Он тут же выдвинулся к парню, заградив собой проход и, представившись, попросил предъявить документы. Данила вытащил из рюкзака паспорт и передал его полицейскому. Парню никогда не нравились эти рутинные проверки документов. Вроде бы ничего не нарушал, а такое чувство, будто выходишь из супермаркета без покупки под пристальным взглядом охранника.

Дежурный бегло просмотрел документы и вновь перевел взгляд на парня.

— Даниил Сергеевич, прошу пройти со мной в комнату полиции, — внезапно сказал

патрульный. — Нужно проверить вас по базе данных, это не займет много времени.

Даниле ничего не оставалось, кроме как проследовать за полицейским. Они обогнули будку контролера и скрылись за неприметной дверью с надписью «Полиция». Очутившись в узком коридоре, Данила начал ощущать неприятное чувство тревоги. С какой это стати им понадобилось пробивать его по базе данных, он, что в розыске? Чувство стало еще более тревожным, когда патрульный открыл перед ним самую последнюю дверь в конце коридора. Данила оказался на пороге небольшой комнаты, в которой, кроме стола и нескольких стульев, ничего не было. В комнате находились двое мужчин, один в форме капитана полиции, другой в штатском. Оба синхронно посмотрели в сторону двери, когда дежурный сержант отдал старшему по званию паспорт Данилы.

— Проходите, Даниил Сергеевич, присаживайтесь, — указал на один из стульев мужчина в форме. От Данилы не ускользнул тот факт, что капитан назвал его по имени еще до того, как взглянул в переданный ему документ. Значит, это не было рутинной проверкой документов, полицейский знал, кого конкретно необходимо задержать.

— Вы свободны, — короткий приказ был адресован уже сержанту. Данила присел на край стула, стараясь держаться как можно раскованнее. В конце концов, он точно ничего не нарушал, а значит, и бояться ему нечего. Капитан молча просмотрел документ и так же молча отдал его Даниле.

— Вы не волнуйтесь, нам нужно задать вам пару вопросов, и всё.

— На каком основании меня задержали? — как можно тверже спросил Данила.

— Почему сразу задержали? — улыбнулся капитан. — Просто хотим побеседовать, не более того. И если вы не будете играть в правозащитника, беседа не займет много времени. Или вы предпочли бы официальную повестку к следователю для дачи показаний?

— К следователю? Я фигурант какого-то дела? — настороженно поинтересовался Данила.

— Пока нет, но это зависит от итогов нашей беседы. Итак, вы согласны провести несколько минут со мной и моим коллегой?

— Ни вы, ни ваш коллега не представились, — продолжал наглеть Данила, — покажите ваши документы, и я решу, насколько я готов побеседовать с вами.

Капитан вздохнул и потянулся к внутреннему карману. Извлекая служебное удостоверение, он скупающим голосом представился:

— Капитан Сидоров. Можете ознакомиться с документами.

Данила внимательно прочёл всё, что было написано в документе, но тут же всё забыл. От ледяного спокойствия полицейского ему почему-то стало ещё страшнее, но показывать этого ему не хотелось.

— А ваш коллега? Могу я посмотреть его документы?

Капитан взглянул на сурового бородатого мужчину в штатском и после секундной паузы ответил:

— Мой коллега на данный момент не работает в органах, но интенсивно нам помогает.

— В таком случае, я не стану при нём ничего обсуждать с вами, — полез в бутылку Данила, решив играть роль упрямого наглеца до конца. Но капитан, ничуть не смутившись, перевел взгляд на мужчину, который, по-видимому, был уже вне себя от такой наглости, и спокойно попросил.

— Сергей Викторович, вы не против?

Не проронив ни слова, огромный косматый дядька встал и вышел за дверь, напоследок

окатив Данилу ледяным взглядом.

— Теперь все условия соблюдены? — подчеркнуто вежливо поинтересовался капитан.

— Пожалуй, да, — ответил Данила, вдруг поймавший себя на мысли, что остаться наедине с этим капитаном ему еще страшнее, чем если бы они беседовали при свидетеле.

— Тогда начнём. Вы не могли бы припомнить, где находились одиннадцатого ноября в течение всего дня?

— Это было почти месяц назад, почем мне знать, где я тогда был?

— Постарайтесь вспомнить, Даниил Сергеевич. Это была пятница, рабочий день. На работе вас не было, поскольку в табеле стоит прогул. Так где же вы провели этот день?

Конечно же, Данила помнил. Это был тот самый день, когда он гонялся сразу за двумя суицидниками.

— Кажется, в тот день произошла путаница на работе. Меня взяли в качестве грузчика, развозить куллеры по точкам, я работал с водителем «Волги» Саней. Он забыл заполнить документы и мне засчитали прогул. Начальник в курсе.

— Мы говорили и с вашим начальником, и с водителем «Волги» мы тоже говорили. Одно дело прикрывать ваш прогул перед злым начальством, и совсем другое — перед следователем. Естественно, вас не стали покрывать, — следователь говорил тихо, чётко расставляя акценты в словах. — Давайте попробуем ещё раз. Так где же вы были на самом деле, гражданин Щеглов?

Данила понял, что здесь и сейчас отболтаться он не сможет, а потому решил сменить тактику.

— Знаете, я вдруг передумал. Вызывайте меня повесткой на допрос. Я приду с адвокатом, и тогда мы сможем честно и открыто поговорить, — поражаясь собственной наглости, выпалил Данила.

Капитан на минуту призадумался, затем встал, подошел к двери и позвал ожидающего за ней здоровяка. Бородатый зашёл в комнату, прикрыв за собой дверь, и сел на прежнее место. Данила вжался в спинку стула в ожидании превышения должностных полномочий со стороны представителя власти, но капитан всё тем же ровным и спокойным голосом сказал:

— Давайте начистоту, Данила. Это Сергей Викторович Воронов, наш внештатный сотрудник. Он накопил прескверную информацию о деятельности одной неизвестной нам доселе преступной группировки. На данном этапе расследование не может быть начато, поскольку нет состава преступления, но у нас есть все основания полагать, что ваш род занятий каким-то образом связан с их деятельностью. И, я думаю, в ваших интересах сотрудничать с нами.

— Какая преступная группировка, о чем вы? Какие мои интересы? — запротестовал Данила.

Капитан взглянул на коллегу и жестом показал, что он может продолжить.

— Парень, а ты в курсе, что тебя уже три недели пасут? — заговорил бородатый мужчина, представленный капитаном Сидоровым.

— Пасут?

— Следят. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Каждый час, каждую минуту ты находишься под их наблюдением.

— Под чьим наблюдением я нахожусь? — уже с нотками легкой паники взвизгнул Данила, вспоминая случай со слезкой. После того как ему удалось убежать от незнакомца в метро, он больше никого не замечал.

— Пасут, да еще как. Они знают, где ты живешь, где работаешь. Знают, как тебя зовут и где ты появляешься в свободное время. И, сдается мне, у этого факта есть две причины. Либо ты работаешь или работал с ними, либо ты каким-то образом перешёл им дорогу. И, чтобы помочь тебе разобраться в этом, ты должен нам рассказать о том, где ты был в тот день и что делал.

Данилу начало трясти от страха. Вся его бравада исчезла, он запаниковал. Выходит, у него в принципе нет никакой возможности отвертеться от этого разговора, придётся выложить всё, что он знает. Потому что если то, о чём они говорят, правда, то он реально попал. И кроме полиции, ему и обратиться-то некуда.

— Вы успокойтесь, Данила Сергеевич, — заметив перемену в состоянии парня, проговорил капитан. — Мы тут тратим свое время, чтобы вам помочь. И если вы ни в чем не виноваты, то вам и скрывать нечего. Помогите нам, а мы поможем вам.

У Данилы в голове промелькнула мысль: а что, если это простой развод? Что, если они блефуют и пытаются таким образом выудить из него информацию? Ведь если за ним и правда следят, он наверняка бы это заметил. Или нет? Голова шла кругом, но просто так выкладывать им всю свою подноготную парень не хотел. Тогда прощай, спокойная жизнь, хоть спокойной эту жизнь и можно было считать лишь с большой натяжкой. Поразмыслив пару минут, парень решил на ещё большую наглость.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду? Как я могу убедиться в том, что за мной действительно следят?

Бородатый закатил глаза и, шумно выдохнув, хотел было что-то сказать, но капитан его опередил.

— Действительно, с вашим родом занятий вы могли и не заметить слежки, тем более что организована она очень профессионально. За вами ведется круглосуточное наблюдение, в нём участвуют, по меньшей мере, семь-восемь человек. Они постоянно меняются, переодеваются, почти всегда используют разные машины. Будь вы даже самым наблюдательным человеком на свете, без профессиональной подготовки вам все равно не удалось бы обнаружить слежку. Так что у вас есть всего два пути. Поверить нам на слово либо дожидаться логической развязки ситуации. Хотя для вас второй вариант может закончиться плачевно.

Данила опустил голову и устался на свои колени. Что ему делать, он не знал, но понимал, что решение нужно принимать здесь и сейчас. Неожиданно заговорил мужчина в штатском.

— Есть еще один вариант. Ты, Щеглов, пойдешь со мной и проведешь в моем обществе несколько часов. За это время я лично укажу тебе на все признаки слежки, а затем мы с тобой потолкуем по душам.

Данила взглянул на здоровяка. Находиться несколько часов в его обществе ему совсем не улыбалось. Косматый мужик в потертых джинсах и косухе больше походил на рецидивиста со стажем, нежели на бывшего работника полиции, но в его словах было зерно логики. Внезапно Данилу осенило.

— А как вы сами поняли, что за мной следят? Получается, вы тоже следили?

— А как же, — протянул Воронов, — следил с того самого дня, как ты побывал в больнице. И поверь, это не составило для меня большого труда. А раз я один смог остаться незамеченным для тебя, то профессиональную слежку тебе раскусить и вовсе не по зубам. Так что, согласен?

— А у меня есть выбор? — сдался Данила.

— Вот и ладненько, — резюмировал капитан Сидоров, — так и поступим. Вы, гражданин Щеглов, кажется, на работу опаздываете? Вот и поезжайте вместе с Сергеем Викторовичем. Он сотрудник опытный и свое дело знает. По крайней мере, пока он рядом, вам ничего не грозит.

Чтобы не вызывать подозрений, условились обменяться телефонами. Сергей предложил отправлять Даниле сообщения, подробно описывая все происходящее. Также он дал Даниле некоторые рекомендации о том, как себя вести в подобных ситуациях. Оказалось, что, помимо обнаружения слежки, важной составляющей было не дать понять, что слежка обнаружена. Иначе те, кто ее организовывал, могут отреагировать непредсказуемо. Нужно было понять, кто они и какова их цель, а для этого необходимо было собрать информацию.

Из отделения Данила вышел первым и почти бегом побежал на платформу, всем своим видом показывая, что внезапная проверка отняла у него слишком много времени. Собственно, сыграть оказалось нетрудно, поскольку это было чистой правдой. На служебный автобус Данила не успел, пришлось ловить попутку. Даниле показалось интересным посмотреть, как в этой ситуации поведет себя его соглядатай. Но, даже сидя в старенькой «девятке», он исправно получал сообщения на телефон. В сообщениях подробно описывалась ситуация на текущий момент. Синий «Форд», судя по ним, следовал за машиной Данилы чуть больше квартала, затем последовало короткое сообщение о смене автомобиля преследователей на серебристый «Шевроле». Проверить правдивость сообщений Данила не мог. С тем же успехом можно было писать про любую машину на дороге: мол, преследует тебя, парень, оранжевая «копейка» или зеленый автобус. Поэтому Данила даже не стал оглядываться на подозрительные, с точки зрения Воронова, машины. Сомнения закрались в душу парня только лишь после рабочего дня. Воронов перестал сыпать смсками сразу после того, как Данила прошел через КПП на территорию автобазы. Видимо, мнимые преследователи так и не смогли организовать слежку за ним на работе. Зато, когда Данила отправился домой после тяжелого трудового дня, ему на глаза попались именно те машины, которые утром описывал Сергей Викторович. На совпадение этот факт явно не тянул, а потому в метро парень стал испытывать неприятный дискомфорт. Всё время хотелось обернуться и буквально поймать за руку тех, кто, возможно, следил за ним. Самого Воронова Данила так и не обнаружил — видимо, сотрудники органов действительно бывшими не бывают, и дело свое он знал.

К нервозности Данилы примешивался и тот факт, что, чем ближе к дому он подъезжал, тем реже приходили сообщения от его незримого телохранителя. То ли Воронов не хотел нервировать Данилу, то ли просто-напросто отстал, но оставаться совершенно одному Даниле уже не хотелось. Мысль, что он находится под колпаком, не радовала его, но уж лучше быть под наблюдением законной силы, нежели силы ему неизвестной.

Последнее сообщение, прочитанное Данилой, указывало ему идти к дому как можно медленнее. Данила так и поступил. Шел не спеша, периодически останавливался, курил, шел дальше, но особо подозрительных лиц так и не заметил.

В кармане завибрировал телефон, на дисплее высветился номер Воронова. Данила взял трубку.

— Тихо, не подавая вида, идешь мимо подъезда, на свои окна не смотришь, — хриплым голосом скомандовал Воронов.

— А в чем дело?

— Делай, как велено, надо проверить кое-что.

Последовал отбой. Данила не знал, что и думать, но послушаться побоялся. Мимо подъезда он прошел тем же медленным размеренным шагом, четко следуя указаниям не смотреть в сторону своих окон. Старенькая пятиэтажка заканчивалась безлюдной улицей, Данила повернул налево и пошел вдоль неё. Краем глаза он заметил, как из его подъезда вышли двое мужчин и направились в его сторону. Телефон в кармане вновь ожил.

— Они что-то заподозрили, — сказал Воронов, — возможно, заметили меня и решили действовать. Тебя поджидали в подъезде.

— Что мне делать дальше? — стараясь скрыть нарастающую панику, спросил Данила.

— Дойдешь до перекрестка, перейдешь на другую сторону улицы и зайдешь в кафе «Феличита». Не дергайся, постарайся вести себя так, словно тебе туда и нужно было.

Данила выполнил всё в точности. Подходя к рекламному щитку возле небольшого кафе, он на минуту задержался, делая вид, что изучает меню дня. Затем так же неспешно зашел внутрь.

Интерьер кафе, выдержанный в стиле тридцатых, но явно страдающий от недостатка дизайнерской мысли, располагал к вечернему безделью. Тихая музыка, приглушенный свет и лёгкий налёт советской эпохи подразумевали соответствующий контингент. Все столики были заняты. С крутой винтовой лестницы спускался молодой официант с подносом, явно не желающий встречаться взглядом с Данилой. Парень прошел мимо и скрылся за дверями кухни. Данила прошел к свободному месту у барной стойки. С трудом усевшись на неудобный высокий стул спиной к выходу, Данила уставился на бармена. В подобных заведениях он, конечно, бывал и раньше, но никогда не чувствовал себя в них своим. Девушка-бармен опытным взглядом оценила новенького и, очевидно, вынесла вердикт «неплатежеспособный», продолжила заниматься своими делами, сухо сунув под нос Даниле меню.

Данила окинул взглядом помещение. Никто из посетителей кафе не заинтересовался его фигурой, и Даниле это очень понравилось. Упершись взглядом в меню, он осознал, что ни слова не может в нём прочитать. Все его мысли были на улице, где его, возможно, уже поджидали те двое парней из подъезда. Телефон продолжал молчать, и время начало превращаться в густой кисель, тягучий и бесформенный. В кармане было не более пятисот рублей, их хватит на пару чашек кофе. Но вот что делать дальше, он понятия не имел.

Вдруг его кольнула мысль: что, если у Воронова вообще нет никакого плана? В подобных ситуациях всем именно так и советуют поступать. Если грозит опасность, нужно зайти в людное место и дожидаться помощи. Но от кого ждать помощи ему? Вызвать наряд полиции? Дождаться сообщения Воронова? Бежать домой? Данила начал лихорадочно перебирать в уме все известные ему истории про шпионов. Как бы поступил на его месте Бонд? Наверное, достал бы из внутреннего кармана пиджака свой «Вальтер» и перестрелял всех врагов. Затем допил бы свой martini с водкой и уехал на казенном «Астон Мартине» в свое «Ми-6». Данила улыбнулся, представив себя в дорогом смокинге в спальном районе Москвы. На очереди был Джейсон Борн. Этот головорез просто вышел бы на улицу и голыми руками проломил головы своим обидчикам, а потом еще несколько лет преспокойно колесил бы по деревням необъятной России, прячась от преследователей и полиции. Роль Бонда Даниле была приятнее. Глупые мысли позволили сократить время ожидания. На него, наконец, обратила внимание женщина за барной стойкой и сухо поинтересовалась:

— Что-нибудь выбрали?

— Да, ладте, пожалуйста. — ответил Данила и зачем-то добавил — Взболтать но не смешивать.

Женщина кивнула, никак не отреагировав на шутку, и направилась к кофемашине. Данила проводил её взглядом, не выражавшим ничего, кроме растерянности. Мерное течение времени и тихий шум кафе, утопающего в глухом бормотании посетителей и побрякивании столовых приборов, вводили Данилу в легкий транс. Ему начинало казаться, что в этом мире ему больше ничего не может грозить. Какие опасности могут подстеречь его в этом спокойном месте? Разве что суп окажется пересоленным или официант будет тянуть с выполнением заказа. Не более того.

Вялый ход его мыслей прервал звон колокольчика, подвешенного над входной дверью. Парень вздрогнул. Последней разумной мыслью в голове Данилы была мысль о том, что надо было сесть лицом к двери. Только сейчас он понял, как сильно был напряжен все это время. Страх парализовал его волю, сковал все его тело. Обернуться и посмотреть на вошедшего в кафе не было ни сил, ни малейшей физической возможности.

— В общем, мы его упустили.

Шеф сидел в своем кабинете, изо всех сил стараясь придать своему выражению лица больше жесткости. Растерянность подчиненных его забавляла. Фунт и Стерлинг стояли напротив него, оба выглядели раздосадованными. Стерлинг стоял, потупив взгляд, а его брат, напротив, дерзко смотрел шефу прямо в глаза, ожидая его вердикта относительно их промаха. Они не могли знать, что часом ранее шеф получил на телефон короткое сообщение, в котором его человек сообщал, что парень находится у него и теперь он держит всё под контролем. Подобная накладка не входила в его планы, но всё же ему нравилось, что обе стороны отрабатывали свой хлеб на все сто. Хоть братья и упустили в итоге Щеглова, но на их счёт можно было записать превосходно организованную слежку. Откуда им было знать, что они будут соревноваться с таким серьезным противником. Шефу вспомнилась шутка про то, что было бы забавно нанять двух детективов и заставить их следить друг за другом. В его случае всё выходило именно так. Хоть обе стороны гонки и не подозревали о существовании друг друга, итог их соперничества приносил ощутимые плоды. Свое возмущение шеф разыграл на пятерку, Фунт и Стерлинг были размазаны им по стене кабинета самыми что ни на есть русскими эпитетами. Ничего, впредь будут крепче стараться, чувствуя за собой груз проваленного задания. На всякий случай, чтобы не перегибать палку, шеф не стал разбрасываться угрозами в их адрес. Вместо этого он подробно изложил свои мысли насчет предстоящей работы, а предстояло им многое. На подходе было два клиента, их устранение приведет его фирму к финансовому равновесию. С ними уже всю работу его люди. А следующие три разработки должны были вывести контору на чистую прибыль, да еще какую — две трехкомнатные квартиры в элитном районе столицы и ещё одна двушка в пределах третьего транспортного кольца. На кону стояли неплохие деньги.

Шеф встал с кресла и с довольной улыбкой потянулся. Дело близилось к развязке, и на этот раз ему уже ничто не помешает.

Прошло почти две недели с того момента, как Воронову удалось вывести Данилу из-под слежки. Парня он отвез в загородный дом, доставшийся ему от брата, а вскоре к ним присоединилась и Света. Своим появлением она оживила атмосферу. Двое мужчин никак не могли найти общий язык, и всё то время, что им пришлось провести вместе, они почти не разговаривали. Ещё в первую ночь Воронов узнал от Данилы все подробности его жизни, пытаясь почерпнуть для себя хоть каплю полезной информации. Но ни одной зацепки по поводу того, кем могли быть его преследователи, Воронов не обнаружил. Весь мир Данилы напоминал скучную зарисовку из жизни стандартного московского гастарбайтера. Утром на работу, вечером домой. Замкнутый в себе, глубоко закомплексованный Данила ничем не напоминал Воронову тех гнилых субъектов общества, с которыми ему доводилось сталкиваться по работе. Версия о том, что Данила был причастен к той группировке, которую раскручивал его бывший коллега Сидоров, не выдерживала никакой критики. Такой, как Щеглов, просто не мог быть членом какой-либо банды. К тому же, практически во всех эпизодах действий ОПГ у Данилы было железное алиби — в то время он был на работе. Это подтверждали все работники транспортной компании, где трудился Щеглов. Смущало лишь одно. Щеглов каким-то непостижимым образом появлялся именно в том

месте, где должны были свершаться ужасные самоубийства, и своими действиями мешал кровавой развязке. Факты никак не связывались воедино. Если отмести всю эту чушь про сверхспособности, получалось, что каким-то образом информация о готовящихся самоубийствах доходила до Щеглова, но при этом физически он никак не был связан с бандой. Чистым оказался и его телефон. Получалось, что, кроме как мистическим провидением, никак иначе его появления на месте планирующихся суицидов назвать было нельзя.

Также оставалось непонятным, каким образом работала схема преступников. Вернее, саму схему они с Сидоровым быстро раскрутили. Одни члены банды подыскивали одиноких владельцев дорогих московских квартир. В основном это были пожилые люди или же люди, потерявшие в недавнем прошлом своих близких. Каким-то образом мошенникам удавалось уговорить их подписать договор пожизненной ренты. Причем с юридической точки зрения договоры были составлены блестяще, оформлялись исключительно на законных основаниях и в соответствии с действующим законодательством РФ, подписывались в присутствии нотариусов, причем всегда разных. Ежемесячные выплаты по договорам проводились без задержек и обмана. Фирма также предоставляла услуги по социальному обеспечению недееспособных клиентов, в штате фирмы были социальные и медицинские работники. Клиентам даже предоставлялась бесплатная психологическая помощь. Ни дать ни взять – посланники небес. Только вот статистика этой фирмы выглядела печально. Только за последний год в ней приказали долго жить восемь из двадцати клиентов. Причем это не были банальные смерти от старости или убийства – все они свели счеты с жизнью самостоятельно. Первые двое повесились, а остальные бросились под колеса поезда в метро. И кто знает, как долго бы это продолжалось, если бы не появился Щеглов. Именно его подвиги заставили капитана Сидорова обратить внимание не на сам факт спасения, а на спасённых. Немного покопавшись в их делах, ему удалось выявить очевидную связь: все они были клиентами одной и той же фирмы. В подобные совпадения капитан Сидоров не верил, налицо был преступный умысел. Но нет заявления, нет и расследования. Потерпевших просто не было. Были либо уже погибшие, либо одинокие клиенты, пока еще остававшиеся в живых.

Именно тогда капитан Сидоров обратился к Воронову как к частному детективу, чтобы покопаться в грязном белье этой с виду благопристойной организации. Задачей Воронова было выяснить, каким именно образом эти сволочи вынуждали свои жертвы пойти на самоубийство. Каково же было удивление Сергея, когда выяснилось, что штатным психологом этой фирмы был не кто иной, как Вадим Юрьевич Филюшкин — научный руководитель Светланы. Племяннице до поры до времени Воронов решил ничего не говорить, поскольку доказать прямую связь между психиатром и жертвами было пока невозможно.

Через три дня пребывания за городом Данила вполне освоился с новой жизнью. Воронов выделил ему отдельную комнату на втором этаже, она была небольшой, но уж точно куда уютнее, чем его съёмная. Территория участка была скромной, около восьми соток, на которых были лишь яблоневый садик и маленькая беседка. Сам участок располагался на берегу озера, окруженного непролазным кустарником. С берега к воде тянули свои ветви вязы и дубы. Пускай уже голые, без листьев, они изысканным тонким кружевом отражались в гладкой, еще не замерзшей воде озера. Даниле нравилось уединяться возле воды. Каждый вечер он слушал звенящую тишину, разносящуюся по ровной глади

круглого, гладкого как стекло водоема, и просто наслаждался спокойствием. Он так давно не покидал мегаполис, что уже и позабыл, каким может быть мир вне громоздких городских форм.

Место было довольно глухим, но при этом не так далеко была железнодорожная станция, от которой мимо дома каждый день, как по часам, проходили жители коттеджного поселка — утром на работу, вечером обратно. В один из таких вечеров Данила, наблюдавший из своей комнаты за редкими прохожими, и увидел её.

Света подошла к калитке и набрала код замка. Калитка медленно отворилась, девушка прошла в сад. В руках у неё были большие пакеты, видимо, с продуктами. Только сейчас Данила обратил внимание на её внешность. Тогда, в больнице, она показалась ему вполне заурядной. Вся в бинтах и без косметики. Простые черты ее лица тогда не привлекли внимания Данилы, или же ему просто не хотелось её разглядывать в тот момент.

Сейчас же перед взором Данилы дверь калитки закрывала элегантно одетая девушка, и образ её никак не вязался с этими огромными сумками из супермаркета, которые она несла от самой станции. И как она их вообще дотащила? На ней было строгое осеннее пальто темно-синего цвета, сапожки до колена на высоком каблуке подчеркивали стройность ног. Из-под пальто выглядывал край чёрной юбки. Света оказалась невысокого роста, Данила был на две головы выше, но при этом она не выглядела, как подросток. Волосы светлорусого цвета, собранные в строгий пучок на затылке, подчеркивали деловой стиль ее образа. Даже с огромными пакетами в руках она прошла небольшое расстояние от калитки до дома так, словно на неё в данный момент смотрел не один Данила, а целый стадион поклонников. Осанка выдавала гордый и своенравный характер.

Данила так залюбовался, что поздно спохватился, чтобы помочь девушке донести тяжелые сумки. Эта мысль посетила его лишь в момент, когда он увидел, насколько тяжело ей поднимать руку с пакетом к дверной ручке. Видимо, ей не хотелось ставить пакеты на мокрую дорожку — в поселке весь день лил дождь. Дёрнувшись было спуститься вниз, Данила осёкся. Нечего, подумает ещё невесть что о себе! Девушка, наконец, совладала с дверью и скрылась из виду. Спустя час она громко позвала мужчин на ужин.

За столом Данила не удержался от соблазна разглядеть Светлану получше. Её черты лица не давали слабину. Бывает, встречаются люди, лица которых с первых же минут располагают к себе, у Светы же лицо было не из таких. Несомненный ум и какая-то ледяная холодность в глазах не позволяли долго выдерживать её пристальный взгляд. Это он заметил ещё в больнице, когда она разглядывала его, лежа на больничной койке. Тогда его поразило, что вела она себя так, будто заинтересованным лицом была не она, а он, хотя это именно девушка искала с ним встречи таким оригинальным способом. Сейчас же, сидя напротив Светы за ужином, приготовленным ею на удивление быстро, он никак не мог задержать на ней взгляд более, чем на секунду. Как только она ловила его интерес к ней своим пристальным взглядом, Данила опускал глаза в тарелку, так и не разглядев на её лице ни тени смущения. Он уже знал, что по профессии она психотерапевт. Решив, что отработке такого ледяного взгляда посвящен, наверное, целый семестр в медицинском институте, он оставил свои тщетные попытки разглядеть её подробнее. Он даже не смог определить цвет её глаз — что-то среднее между карими и черными, причём в зависимости от освещения. Светлана же, напротив, не стала упускать возможности изучить его от и до. Даниле казалось, что она просканировала не только его внешность, но и все его внутренности. Под её тяжелым взглядом он то ёжился от внезапно пробиравшего до костей холода, то потел,

словно в сауне. Хотя внешне никакой угрозы эта хрупкая девушка не представляла, от неё все-таки веяло чем-то опасным. Зато голос Светы Даниле очень понравился. Вкрадчивый, бархатистый, он словно обволакивал слух, увлекая за собой именно в ту сторону, куда и хотел увлечь его обладатель. Её речь была правильно поставленной, слова лились не слишком быстро и не слишком медленно. Она не запинаясь в разговоре и почти не употребляла грубых форм и оборотов.

За ужином солировала только она. Данила решил, что её словоохотливость была направлена на разряжение обстановки между мужчинами. Он понимал, что Воронов ему не доверяет ни на йоту, а бывший полицейский, собственно, и не пытался скрыть своей неприязни. Хотя, возможно, эта холодность была просто его привычным состоянием, с племянницей Воронов тоже не был особо словоохотлив. Он лишь изредка вставлял свои «да» или «нет» в её повествование. Девушка же весь вечер рассказывала интересные случаи с работы. Оказалось, что она ещё аспирантка, что учит её один из самых именитых специалистов отечественной психиатрии. Данила узнал также, что Свете приходится подрабатывать по вечерам в частной клинике и работать по сарафанному радио. Так она называла левых клиентов, которых ей присылали её многочисленные знакомые и родственники. Занималась она, по большей части, запойными алкоголиками и наркоманами, видимо, именно этот контингент и выработал у неё столь жесткий взгляд.

После ужина, наспех убрав со стола, Света пригласила Данилу прогуляться к озеру. Минут пять они молча шли по узенькой лесной тропинке, шурша уже совсем пожухшими листьями.

— Это дом моих родителей, — наконец нарушила тишину Света. — Отец построил его собственными руками, когда меня еще не было. Все моё детство прошло здесь.

Данила уловил нотки грусти в её голосе.

— Родителей не стало, когда мне было пятнадцать. Они погибли в автокатастрофе.

— Зачем вы рассказываете мне о своей жизни?

Света остановилась перед высоким кустом, обернулась и пристально посмотрела Даниле в глаза. На этот раз парень выдержал тяжелый взгляд девушки, не отводя глаз.

— Я хочу, чтобы вы поняли мои мотивы.

— Мотивы?

— Да. Я вижу, что вы не понимаете, зачем я вас разыскивала.

— И что же вам нужно?

— Я хочу понять, кто вы. Понять, что вами движет и как вам помочь. Данила, вы необычный человек, и ваш мир наполнен нечеловеческой болью. Я видела, как вам бывает плохо, когда вы терпите неудачу. И я не могу оставаться безучастной, зная, что я одна из немногих, кто способен разобраться с причинами вашего состояния.

— Понятно, но как это связано с вашей историей?

Света раздвинула ветви, и перед Данилой открылся вид на небольшой деревянный понтон, на треть притопленный у самого края.

— Это место насквозь пропитано моим прошлым. Всё, что тут есть, было сделано моим отцом. И этот мостик должен был соединять два берега озера, чтобы нам было удобно добираться до станции. Отец не успел достроить его, и это место напоминает мне о том, как скоротечна и порой трагична бывает наша жизнь.

Девушка подошла к самому берегу и остановилась перед первой доской мостика.

— Когда родителей не стало, я впала в отчаяние. Я потерялась в себе, и, если бы не те

люди, которые смогли помочь мне, неизвестно, как сложилась бы моя судьба. И сейчас в вас я вижу себя. Вы отчаянно нуждаетесь в помощи, пусть не моей, пусть вам помогут другие люди, но помощь вам точно нужна. Вы можете не вынести той ноши, которую взвалили на себя. Это может сломать вам всю жизнь, а вы ещё так молоды, Данила. У вас есть тысячи путей, которые сейчас для вас закрыты. Вы привязаны к своей миссии, вас держит ваш дар, или проклятье, как вам угодно. И, возможно, если мы поймем, в чем суть ваших способностей, у нас получится контролировать их.

— Только контролировать?

— А вы хотели большего? — удивилась Света.

— Я бы хотел, чтобы этого «дара», — Данила произнес это слово, будто оно было нецензурным, — вообще не было.

Света удивленно смотрела на парня.

— Вы же понимаете, что то, чем вы занимаетесь, можно с легкостью отнести к разряду чудес?

— Да, только вот я не желал себе такой судьбы. Вы даже не представляете, с чем я сталкиваюсь, когда прохожу это вновь и вновь. Это даже не боль, это мука. Мука, которая приносит облегчение лишь до следующей жертвы.

— Так откройтесь мне! Позвольте заглянуть в ваш мир, Данила! Поверьте, даже простая беседа даст вам облегчение. А если мы сможем ещё и докопаться до истины, то сможем и придумать лечение.

— Лечение? Вы считаете, что это болезнь?

— Я считаю, что это не норма. Ни у одного человека на земле нет таких способностей, какие есть у вас. И это может говорить о многом, начиная от наследственной патологии и заканчивая органическим поражением мозга. Именно это и нужно выяснить в первую очередь.

— Ваш дядя с вами не согласится. Я чувствую, что он не верит мне. Он считает, что я каким-то образом связан с теми людьми, от которых он сейчас меня прячет.

— И мое вмешательство, возможно, сможет его переубедить, — парировала Света. — Вы понимаете, что, если мне удастся доказать то, о чём я думаю, то с вас будут сняты все подозрения. Мы сможем выяснить, что нужно вашим преследователям, а дядя сможет передать собранную информацию в полицию.

Данила отвел взгляд и дошел до середины недостроенного моста. Вода под его весом начала покрываться мелкой рябью, уходящей к центру озера. Он обернулся и посмотрел на Свету, которая так и не ступила на понтон. Света заметила немой вопрос в его взгляде.

— Это последнее, что мой отец делал своими руками. Он не успел закончить этот мост. А я так и не отважилась за все эти годы ступить на него.

— Я согласен, — ответил Данила. — Я устал от этого. Может, у вас и получится.

С появлением Светланы в доме воцарилась доброжелательная атмосфера. Каждое утро она уезжала в город по делам, а каждый вечер, возвращаясь, проводила с Данилой сеансы гипнотерапии. Дни стали протекать более размеренно, Данила привык к простому распорядку, установленному Вороновым. Утром подъем, завтрак, затем уборка кухни и мытьё посуды. Днем Сергей нагружал Данилу какой-нибудь простой работой по дому или по саду. Пару дней Данила собирал в огромные мешки опавшую с яблонь и уже совсем пожухшую листву и прелые яблоки. Ещё один день они укрывали виноградник, чтобы корни не померзли от ночных заморозков. Вечера же полностью принадлежали Светлане. Первые

сеансы терапии посещал Вадим Юрьевич, научный руководитель Светы. Убедившись, что его подопечная работает по всем канонам, он дал ей добро на самостоятельную работу. По плану Светы, они первым делом должны были выяснить, какие причины могли стать катализатором появления у Данилы его способностей. Сначала Света отвезла Данилу к себе в клинику, где его голову просканировали каким-то аппаратом. Не найдя видимой причины в самой голове, она приступила к гипнозу. Для этого каждый вечер они проводили беседы. Девушка погружала своего пациента в легкий транс и, как казалось Даниле, просто беседовала с ним. С его точки зрения то, чем они занимались, было мало похоже на то, что принято считать гипнозом. Никаких фокусов с часами, мелькающими перед глазами. Ничего вроде поедания воображаемого яблока или ощущения полёта, внушаемого доктором. Света объяснила Даниле, что то, чем занимаются по телевизору именитые гипнотизёры – по большей части мистификация, шоу, направленное на повышение рейтингов и рекламные сборы. Настоящая работа куда более скучна, но гораздо эффективнее дешевых фокусов. Даниле пришлось согласиться со своим врачом, поскольку после первого же сеанса он почувствовал реальные изменения в собственном сознании. По какой-то причине он лишь очень смутно помнил, о чём они говорили во время этой работы, но после окончания сеанса в его душе появлялось чувство полного умиротворения. В один из таких дней Данила обнаружил себя спящим на коленях Светланы. Девушка напевала какую-то до боли знакомую мелодию и ласково гладила Данилу по растрепанным волосам. Вернее, он не спал, просто открыл глаза и понял, что провалился в забытие. Глаза его горели, лицо было мокрым от слез. Светлана объяснила, что они погрузились глубоко в его подсознание, и он во время сеанса плакал. Как ни странно, но этот факт не смутил Данилу. Он медленно поднялся и сел на диван, голова была полностью ясной. Чёткость мыслей и осознание того, что он полностью свободен и, возможно, даже счастлив сейчас, заставили его улыбнуться. Света смотрела на него уже по-другому, в её глазах Данила впервые увидел то тепло, которое раньше он не получал ни от одной девушки. Света улыбнулась ему в ответ, и от её улыбки в душе Данилы все перевернулось. Он подумал, что ради одной этой улыбки стоило пройти через все эти муки. Подумал и тут же устыдился своих мыслей. Она была старше его, и он даже не думал о ней раньше, как о девушке. Сейчас она казалась очень милой и нежной, а вся её холодность оказалась напускной и была лишь частью её образа, её мира. Данила понял, что в этот самый момент, когда они сидят и глупо улыбаются друг другу, — она настоящая. Именно такой она и хочет быть, и именно такой она нравится ему. Парень не выдержал первым, он не смог сдержать подкатывающий восторг. Света в ответ тоже залилась веселым громким смехом. Так, как они смеялись вместе в этот вечер, Данила не смеялся никогда. Это было так естественно и так интимно для обоих, что, отдышавшись, они просто молча разошлись по своим комнатам. Поднимаясь по лестнице, Данила еще раз бросил на Свету взгляд. Она поймала его и одними губами прошептала:

— Спокойной ночи.

Данила просто кивнул и, улыбаясь, поднялся к себе.

Утром Данила обнаружил, что в доме он остался один. Ни Воронова, ни Светы не было. Завтрак стоял на плите, а на столе лежала записка, в которой Света извинялась, что сегодня её не будет. Суточное дежурство, и на работу нужно было уйти пораньше. Куда подевался Воронов, записка не объясняла, видимо, повез её в город на машине. Данила, с радостью отметив крестиком очередной, уже двадцать седьмой день без панической атаки, направился в сад посмотреть, нет ли какой-нибудь работы для него. Увидев возле дома поленницу с

заготовленными березовыми чурками и воткнутом в огромный пень топором, Данила улыбнулся. Неслабый такой намёк оставил Воронов. Но парень не боялся тяжелого труда. Умывшись холодной водой из колодца, он принялся за работу.

На втором часу работы Данила уже не чувствовал спины, а руки одеревенели настолько, что могли сами колоть упругие поленья. Но парень решил не сдаваться и выполнить весь фронт работы ещё до приезда Воронова. За стуком топора он не услышал, как отворилась калитка.

— Эй, Рэмбо! — окликнул парня Воронов. Данила вздрогнул от неожиданности. Воронов, ухмыляясь, стоял возле дома, скрестив на груди руки.

— Собирайся, нам в город нужно.

— Что-то случилось?

— Вовка что-то накопал про твоих головорезов. Нужно, чтобы ты их опознал. Ты же видел тех парней, которые шли за тобой к той кафешке?

— Видел, конечно. А кто такой Вовка?

— Для тебя товарищ капитан, а для меня просто Вовка. Собирайся! — отрезал Воронов.

Стерлинг посмотрел на брата. Тот сидел, закинув ногу на ногу, с ноутбуком на коленях.

— Чего ты так улыбаешься?

Фунт взглянул на брата и улыбнулся еще шире.

— Я нашел того хмыря, который увёл у нас пацана.

— И как ты это сделал? — поинтересовался Фунт.

— Мы знали номер его машины. Мне удалось взломать базу данных ГИБДД. Собирайся есть адрес.

— Думаешь, они не догадались сменить транспорт?

— Думаю, они не догадываются, на что мы способны, братик. В любом случае, пока это всё, что у нас есть. Поехали, проверим.

Воронов проснулся от странного звука. Не то рык, не то глухой стон медленно, но методично вытягивал его сознание из цепких лап сна. Сев на кровати, он не сразу сообразил, что к чему. Пришлось поискать весомые ориентиры, чтобы уцепиться за реальность и вспомнить последние дни. Первым ориентиром послужили настенные часы, показывавшие половину третьего ночи. Воронов хоть и не сразу, но всё же вспомнил, почему он сегодня лёг так поздно. Этот парень, чтоб его... Как только он вспомнил про Щеглова, всё разом встало на свои места. Память, словно холодный водопад, выплеснула всё, от чего мозг пытался укрыться за занавесом сна. Глупость Светы, полуторанедельная слезка, чёртова подработка. И зачем он вообще ввязался во все это на старости лет? Работы и так предостаточно, нет же — полез... А, ладно. Зато сразу стало понятно, кто является источником непонятного шума: Щеглов сегодня первую ночь ночует у него в квартире.

Воронов встал, с трудом нащупал тапочки и, тяжело зевнув, отправился выяснять, что к чему. В бывшей детской тускло горел ночник, Сергей зашел в комнату и обнаружил там Свету. Девушка стояла как вкопанная и смотрела на кровать, по которой метался, будто в бреду, до нитки мокрый Щеглов.

— Вот тебе и Спаситель, — буркнул под нос Воронов. — Он захворал, что ли?

Света вздрогнула от неожиданности – дядя подкрался слишком незаметно для нее.

— Не похоже. Он мечется, стонет, зубами скрежещет, а температуры вроде как и нет. Наоборот, он холодный, как ледышка. Я первый раз такое вижу.

— Так разбудить, наверное, надо, чего он мучается-то?

— Я пыталась! — запротестовала Света. — Он не просыпается.

— Как, вообще не просыпается?

— Вот так, вообще. Я уже и трясла его, и по щекам била, и на болевые точки нажимала. Ноль эмоций.

Воронов почесал затылок.

— Да, топор был лишним, — буркнул он себе под нос.

— Что? Какой топор? — не поняла Света.

— А, не бери в голову, — замаял тему Воронов. — Может, он того...? — мужчина красноречиво изобразил жест укола.

— Чего того? — опять не поняла Света.

— Ну, того, ширнулся, пока спали все.

Света сразу отмела идею, как несостоятельную. Этому нет ни единого вещественного доказательства, и потом, парень в таком состоянии уже битый час. За это время она успела изучить все его тело вдоль и поперек, на нем не было ни единого следа от укулов. Запаха от него тоже не было никакого, на какую-либо инфекцию также было не похоже. Света стояла в полной растерянности. Её медицинского образования вполне хватало, чтобы стать неплохим психиатром и даже поступить в аспирантуру, а вот с другими медицинскими дисциплинами явно выходила промашка. Она никак не могла взять в толк, что же все-таки с парнем творится. Ни на что не похожее состояние длилось уже час, и это только с того момента, когда Света сама услышала стоны и проснулась, а когда все реально началось и сколько фактически Данила так мучается, она не знала. Спать они легли около одиннадцати – пока перекусили, пока поработали. Никаких тревожных признаков за весь вечер Щеглов не

подавал. Потом она ещё полчаса рассказывала по телефону о Щеглове своему куратору. А сейчас Данила ни дать ни взять как её пациенты в психушке во время героиновой ломки, только в полной отключке. Даже от болевых раздражителей не просыпается, хотя зрачки при этом реагируют на свет адекватно. Пульс, конечно, зашкаливал, но по всем остальным показателям вполне себе нормальный здоровый организм. Создавалось впечатление, что ему снится кошмар, а проснуться он не может.

— Странно все это, — резюмировала Света.

— Ну, так надо же делать что-то! — воскликнул Воронов. — Ты ж доктор, решай, может, скорую вызвать?

Света покачала головой. Скорая ничего не даст. Увезут в неврологию, КТ сделают, дай Бог, только под утро...

— Ну так, может, и надо в неврологию, КТ или еще что-нибудь! — не унимался дядя.

— КТ мы и сами сделать можем. На такси можно хоть сейчас ко мне в больницу отвезти, я договорюсь. Надо только с Вадимом Юрьевичем поговорить, а он до утра телефон выключает.

— Так загнется твой спаситель до утра, пока ты своего драгоценного профессора ждать будешь.

— Да, да, ты прав, надо ехать сейчас. Только как его везти-то? Он вон как мечется, да и мокрый весь.

Воронов посмотрел на парня еще раз. Тот был мокрый, как мышь, хоть выжимай. Страшный скрип зубов в очередной раз резанул ему слух.

— Не, ну так его оставлять тоже нельзя. У тебя есть какие-нибудь таблетки, препараты? Ты ж психиатр, вы как буйных успокаиваете?

— Есть, конечно. В больнице... — виновато произнесла Света. — Я могу попробовать привезти сюда.

— Свет, ты смеешься? Куда сюда? Его надо грузить и тащить в больницу, ты глянь на него!

Воронов решил не дожидаться врачебного вердикта и, приказав найти для Данилы какое-нибудь шерстяное одеяло, пошел одеваться сам.

— Отвезём его к тебе, там ты его ширнёшь чем-нибудь, а дальше видно будет.

Света согласилась, испуганно закивав головой. Воронов впервые видел племянницу в таком растерянном состоянии. Видимо, к такому их в медицинском не готовили, или это был настолько из ряда вон выходящий случай, что даже Светку проняло, думал Воронов, натягивая штаны.

— Сереж! — Света громко позвала из комнаты.

— Ну что там еще? — прорычал Воронов, никак не попадая во вторую брючину ногой.

— Иди сюда, он проснулся!

Воронов, с трудом совладав с одеждой, вошел обратно в комнату. Щеглов лежал на спине, не шевелясь, с широко открытыми глазами. Стекланный взгляд застыл в одной точке, зрачки были расширены до предела, хотя в комнате было довольно светло. Воронов медленно подошел к парню и тихонько тряхнул его за плечо.

— Эй, парень, ты чего? Тебе плохо?

Данила медленно перевел взгляд на Воронова.

— Это произойдет сегодня, — хриплым голосом прошептал Данила.

— Что произойдет? — тихо спросила Света. Но Данила ничего не ответил. Медленно

поднявшись в кровати, он свесил ноги на холодный пол. Затем так же медленно встал и принялся натягивать на мокрое тело свою одежду.

— Ты куда собрался-то? — удивился Сергей. — Свет, ты глянь, он...

— Тсс, — шикнула Света, — кажется, он что-то почувствовал.

— Что он почувствовал? — не понял Воронов.

— Надо ему помочь, — сказала Света и начала подавать Даниле его одежду. Натянув на него футболку, балахон и потертую куртку, она начала одеваться сама. Парень пошел к выходу.

— Три часа ночи, вы сдурели? Куда собрались-то? — недоумевал Воронов, но, не дождавшись ответа, тоже начал одеваться.

Лифта Данила ждать не стал и буквально бегом побежал вниз по лестнице. Света едва успевала за ним, а Сергей, понимая, что из его дыры не так-то и просто уехать, спокойно спустился на лифте и вышел во двор. У подъезда, растерянно озираясь, стоял Данила. Света неподвижно стояла рядом, буквально впитывая в себя каждое его движение. Очередной приступ храбрости, догадался Воронов. Видимо, так у парня начиналась его тайная жизнь, а Светка решила подробно изучить его поведение. Что ж, придётся таскаться за ними.

— Надеюсь, это не займет много времени, — буркнул Воронов, — я спать хочу.

Парень взглянул на Сергея.

— Где метро?

Вместо ответа Воронов молча достал из кармана брюк брелок от машины и нажал кнопку. Тишину холодной ночи прервал короткий свист сигнализации его «девятки».

— До метро еще доехать надо, мы за МКАДом.

Все трое уселись в машину и поехали к ближайшей станции метро. Когда они припарковались на пустой улице, до открытия подземки оставалось чуть больше часа. Данила сидел молча, слегка раскачиваясь взад и вперед. Света не спускала с него глаз, а Воронов, сладко зевнув, закрыл глаза и вытянулся в кресле.

— Могли бы и дома подождать, — в пустоту сказал мужчина, — теперь торчать тут у всех на виду. Ты не забыл, что за тобой ребята серьезные охотятся?

Данила ничего не ответил. Его мир сузился до одной крошечной цели, которая, словно сверло, буравила его сознание. Сидеть без дела было просто невыносимо, руки чесались действовать, выскочить и броситься в ночь, куда глаза глядят, лишь бы не сидеть на месте. Но Данила боялся, что заблудится в незнакомом районе и не сможет попасть в метро с открытием.

Время тянулось бесконечно. Ожидание охоты одновременно возбуждало и пугало Данилу. Он всегда боялся этого момента. Никогда не знаешь заранее, чем может обернуться очередная вылазка в подземку. Как ни странно, но присутствие посторонних никак не смущало его, скорее, даже радовало. Наконец-то ему не придется переживать это мучение в одиночку. Впервые за несколько лет он может хотя бы косвенно разделить с кем-то свое необычное состояние. И кто знает, может, эта хрупкая девушка и впрямь как-то сможет помочь ему, а для этого ей будет полезно побывать в его шкуре.

В машине стало холодно, Воронов завел двигатель и включил печку. Медленно потянулись первые автобусы, еще пустые, но уже вышедшие на линию. Стало быть, время близится к пяти утра. Скоро откроется вестибюль станции, и первые пассажиры окунутся в холодный мир московского подземелья. Данила начал в уме перебирать возможные варианты охоты, прикидывая, какую тактику на этот раз избрать. Он даже прикинул, чем

могли бы ему помочь его спутники, но, не придумав ничего дельного, решил, пусть просто таскаются следом. Если не станут мешать и лезть с расспросами, это будет лучшей помощью.

Первые пассажиры уже стояли возле станции. Кто-то курил, кто-то вглядывался в экран мобильного. Город просыпался, а вместе с ним просыпались и его рабы. Затворники железобетонного монстра, требующего постоянной дани в виде их личного времени. Безумные глупцы, думал Данила, нищие, они тратили львиную долю своей жизни, чтобы заработать на новый «айфон», оплатить безумно дорогое жильё или наскрести средств на двухнедельный отпуск на засранном курорте какой-нибудь страны третьего мира. Весь смысл их глупых жизней сводился к тупому просиживанию своего рабочего времени в конторе, не приносящей миру никаких осязаемых благ. Страховщики, менеджеры, продавцы, банковские служащие – все те, кто посвятили свою жизнь зарабатыванию денег из пустоты, они не стоили ни единого вздоха Данилы. Их скупой мирок ограничивался четырьмя стенами съемного жилья, трехчасовой поездкой на метро и десятичасовой пародией на труд. Почему же именно Даниле выпала такая доля? Почему именно он должен был бегать по бесконечным лабиринтам, спасая их никчемные жизни? Почему не одарить этими способностями врача или спасателя? Любого, кому не безразлична человеческая жизнь настолько же, насколько она была безразлична Даниле? Его всегда бесила эта серая масса бездарностей, по природе своей не способных ничего дать этому миру. Со школы Данила знал, что никогда не будет заниматься чем-то подобным. Купить-продать, впарить страховой полис, выдать кредит под безумный процент или отстоять смену, охраняя пустоту магазина, — все эти профессии вызывали у Данилы чувство отвращения. Он искренне считал, что настоящая профессия должна давать миру нечто материальное. Столяр мог дать прекрасные изделия из дерева, механик мог спокойно починить собственными руками автомобиль — любая профессия, связанная с ручным трудом, вызывала в нем уважение и благоговейный трепет, поскольку создавать что-то своими руками – это и есть жизнь. А какая жизнь может быть у тех, кто делает деньги из пустоты, продавая цифры на мониторе компьютера или просто бумагу с обещанием выплат, если вдруг случится авария? Их жизнь такая же пустышка, как и то, чем они занимаются. Что они оставят после себя миру? Что они подарят своим детям? Смотри, сынок, ты просто берешь и переводишь эти цифры с одного счета на другой, и тогда человек, который попался на эту уловку, будет вечно тебе должен. Это настолько противоречило видению мира Данилой, что он искренне не мог понять, почему именно он стал их спасителем. Почему судьба именно его заставляла страдать из-за людей, которые ему были противны? Почему вместо простой жалости к человеку он должен был испытывать реальную физическую боль, сравнимую лишь с болью инфарктника?

Хлопнувшая дверь заставила Данилу вздрогнуть. Погрузившись в мысли, он не заметил, как Воронов вышел на улицу подышать и обратил на него внимание лишь, когда тот вернулся. Сергей уселся на свое место и начал нервно барабанить пальцами по рулевому колесу, пристально озираясь вокруг.

— Что-то случилось? — заметив волнение дяди, спросила Света.

— Пока нет, — задумчиво протянул Воронов, — но случится.

Данила перевел взгляд на Воронова. Света не вытерпела и вновь спросила:

— Ну не томи, вышел спокойный, а зашел, как чёрт злой. В чём дело?

— В габарите дырка, — отрезал мужчина.

— Господи, нашел время за машину трястись! И ладно, если бы «Майбах» какой у тебя был, так нет, за рухлядь эту трясешься, — начала упрекать дядю Света.

Воронов пристально посмотрел на девушку.

— Объясняю. Для обывателей разбитый фонарь – это признак поломки, а для меня – это информация, причём для нас хреновая.

— Не поняла, поясни.

— Ночью следовать за машиной в городе так, чтобы оставаться незамеченным, довольно сложно. В потоке красных огней можно легко потерять объект слежки. Для этого надо держаться довольно близко к нему, но так можно и попасться. А вот если проделать сверлом небольшую дырочку в красном габаритном фонаре, он начинает светиться яркой белой точкой. И тогда в потоке машин объект как бельмо на глазу. Можно держать приличную дистанцию и при этом не терять автомобиль из вида.

— Хочешь сказать, мы тогда не ушли от слежки?

— Ушли, я проверял. К тому же, еще вечером этой дырки не было.

— Значит, они нас как-то нашли?

— Да, и ночью подготовились к дальнейшей слежке, — резюмировал Воронов.

Света задумалась.

— И что теперь делать?

— Я залепил фонарь жвачкой, на какое-то время ее хватит. Думаю, они уже знают, где мы, и просто не высовываются. На их месте я бы попытался перехватить Щеглова в метро, именно этого они и ждут, иначе давно бы пошли на штурм машины.

— Но почему именно в метро? Куда проще сделать это прямо сейчас. Или нет? — недоумевала Света.

— Они не знают, против кого работают. Это простая игра, на данном этапе они просто собирают информацию. Всё, что у них на нас есть, это марка и номер машины. И максимум, что можно выудить из этой информации, это на кого она зарегистрирована и где проживает ее хозяин. А вот что собой представляет ее хозяин, они не знают, и именно эту информацию в данный момент и пытаются получить. Может, мы для них выглядим подозрительно, а припаркованный на обочине у станции метро автомобиль для них выглядит, как подстава.

— Прости, что?

— Подстава, ловушка, наживка, — начал заводиться Сергей. — Искомый объект, то есть пацана, выносишь на всеобщее обозрение. Как только клюнут, берешь тепленькими.

— Так мы же не сможем их взять, Бог знает сколько у них людей! — Света продолжала нервировать своего дядю недалёковидностью.

— Да, но они-то не знают, сколько людей у нас. Не знают, на кого я работаю. Может, за кустами спецназ сидит или братки покруче. Сейчас они выжидают. И, как только поймут, что мы одни, будут действовать.

— И тогда нам всем крышка, — подытожила Света.

— Поняла. Хвалю, — удовлетворенно протянул Воронов.

— Что будем делать?

— Сейчас тронемся и поколесим немного по пригороду. Им придется приблизиться вплотную, тогда я смогу их вычислить. А после постараюсь связаться с... — Воронов запнулся. При Свете не стоило говорить, на кого он работает сейчас, — связаться со старым другом. Он должен помочь.

— Ты про ментов своих, что ли? — съязвила Света. — Ага, держи карман шире.

Помогут. Забыл уже, как они «помогли», когда маму с папой...?

Голос Светы дрогнул, но не сорвался. Она в очередной раз проглотила плохие воспоминания и молча уставилась в лобовое стекло. Воронов промолчал. Он не мог объяснить всей сложности той ситуации, поскольку видел её изнутри как работник правоохранительных органов. Он не был согласен с этой системой, но прекрасно понимал, что тогда никто не смог бы поступить иначе, все тряслись за свои места и головы. Максимум, как мог выразить свой протест сам Воронов, это уйти из гнилой структуры на вольные хлеба, что он и сделал. А Свету он прекрасно понимал. С её точки зрения госструктуры и бандиты находились на одной линии, причем еще большой вопрос, кто из них был опаснее для обывателя.

Внимательно вслушиваясь в разговор, Данила вспомнил рассказ Светы. Получалось, что в их жизни ранее произошло нечто ужасное, в чем, отчасти, виновато и государство. Видимо, ситуация была куда сложнее. Отметив про себя эту информацию, Данила не мог согласиться с планом Сергея. До открытия метро оставалось пять минут, и колесить по городу в поисках слежки означало тратить драгоценные минуты и часы поисков, а они могли стоить жизни очередному суициднику. Бегло взвесив в голове все «за» и «против», Данила принял единственное правильное, по его мнению, решение. Он молча открыл дверь и быстро направился к станции метро.

— Твою мать! — прорычал Воронов и властным жестом удержал Свету от попытки выбежать за Данилой. — Стой! Пусть думают, что так задумано. Останешься в машине, вот ключи. Я пойду за ним и буду расчищать ему дорогу. Машину припаркуешь у опорного пункта полиции. Не закатывай глаза, они туда не сунутся. Держим связь по смс, если перестану писать, позвонишь по этому телефону, — Воронов протянул Свете помятый листок, — скажешь, что от меня. Передашь то, что знаешь, и весь наш маршрут. Они помогут. Все поняла?

— Поняла, — коротко ответила Света.

— Если все пройдет гладко, я тебе позвоню, заберешь нас. Всё, удачи!

Воронов быстро вышел из машины, а Света перебралась с заднего кресла на водительское место.

Воронов едва поспевал за Щегловым. Они уже час катались в поезде кольцевой линии. Парень пристально вглядывался в пустоту тоннелей, внимательно изучал каждую станцию. Периодически он выходил из поезда и пересаживался на встречный. Несколько раз делал переход на различные радиальные ветки, но, не проехав и трёх станций от центра, возвращался обратно на кольцо. Грузному Воронову было трудно успевать за юрким Данилой, парень то стремительно взбирался вверх по эскалаторам, то по ним же бежал сломя голову вниз. Короткие передышки в вагонах метро позволяли Сергею оглядеться и перевести дух, а затем очередная пересадка вновь бросала вызов его выносливости.

Слежку он заметил около полудня. Причем если раньше он видел лишь двоих, то сегодня на Данилу была объявлена самая настоящая облава. Не меньше десятка крепких парней, сменяя друг друга и практически не таясь, следовали за ними буквально по пятам. Воронов решил повременить с какими-либо действиями, поскольку понял, что их основной целью на данный момент является не упустить Щеглова из виду. А для этого он сам не должен опростоволоситься. Еле втиснувшись в очередной вагон на кольце, Сергей на минуту потерял парня из виду. На «Комсомольской» большая часть пассажиров вышла, и Воронов, наконец, увидел Данилу. Еще минуту назад на нем лица не было, а сейчас во взгляде парня читалось ликование, он буквально светился от возбуждения. Воронов, конечно, понимал, что его присутствие не осталось незамеченным, но все же постарался встать рядом с Данилой, делая вид, что они незнакомы. Парень не отводил глаз от бесконечной черноты тоннеля.

— Вы видите это? — буквально выкрикнул Данила

— Что именно?

Воронов взглянул в окно вагона, но, кроме бесконечной пляски кабелей и мелькающих бетонных опор между двумя колеями, ничего особенного не увидел.

— Это самый восхитительный вид, — не отводя взгляда, сказал Данила.

— Что ты видишь?

— Я нашел его! — буквально ликуя, выкрикнул Данила. — Там, напротив! Он только что проехал мимо нас!

— Кто?

— Клиент.

Данила двинулся к выходу. Поезд уже начал сбавлять ход перед станцией.

— Он был во встречном составе. Нам теперь нужно только пересесть на поезд, следующий за ним, и идти по следу, — пояснил Щеглов, но Воронов ничего не понял.

— По какому следу?

— Вот по этому, — парень указал рукой в пустоту тоннеля, но Сергей ничего не увидел.

Перед глазами Данилы, извиваясь, словно в мистическом танце, висела темно-коричневая вуаль следа, тянущегося за потенциальной жертвой. След был настолько чётким и сильным, что Данила даже смог прикинуть, сколько у бедолаги времени до последнего шага.

— У нас не больше 20 минут, — заключил Щеглов. Воронов огляделся по сторонам и обнаружил в вагоне одного из старых преследователей. Это лицо он уже видел, когда сам следил за Данилой. Парень с наушником в ухе что-то передавал своим подельникам. Сергей понял, что именно сейчас и начнется перехват Данилы. Сегодняшний суицидник — их рук

дело, и они уже ни перед чем не остановятся, чтобы остановить Щеглова. Воронов решил действовать на опережение. Поезд уже тормозил на очередной станции, Данила стоял перед самой дверью, готовый броситься к встречному составу. Воронов закрыл собой Данилу, сохраняя ледяное спокойствие. Всем своим видом он давал понять, что не понимает, что сейчас должно произойти. Поезд со свистом остановился, двери открылись. Данила бросился на платформу, Воронов же, немного притормозив, сделал шаг наружу, резко обернулся и, увидев перед собой того самого парня, со всего размаха влепил ему в ухо ладонью. Оглушенного Стерлинга отбросило до самой середины вагона. Он явно не ожидал такого поворота. Наушник от удара отлетел в сторону, и, пока он шарил по полу в его поисках, двери с шипением закрылись, и поезд тронулся. Воронов, не теряя ни минуты, бросился к Даниле. Как раз вовремя, Щеглов уже входил в поезд, следовавший в обратном направлении. Увлеченный собственной охотой, он не видел, как в это же время была открыта охота на него самого. Воронов забежал в вагон, с трудом протиснувшись в закрывающиеся двери. Профессионально оценив ситуацию, он сразу вычислил там еще двух парней из той же шайки. Они не могли не видеть, что произошло минутой ранее, а потому, уже не обращая внимания на людей, синхронно двинулись на Сергея. Он, на глаз оценив комплекцию обоих, развернулся к тому, что казался крупнее. Широко улыбаясь, он развел в сторону руки, как бы показывая миролюбивость своих действий, но наступающий и не думал останавливаться. В его руке что-то блеснуло. Кастет, понял Воронов и в самый последний момент поднырнул под руку замахнувшегося амбала. Используя против него его же инерцию, он перебросил парня через себя аккуратно на его товарища. Оба повалились на пол. Люди с криком начали тесниться в углы вагона. Не дожидаясь, пока оба встанут, Воронов развернулся и изо всех сил ударил того, что был с кастетом, ногой по челюсти. После такого удара не встал бы и профессиональный боксер. Второй, кое-как спихнув с себя обмякшее тело напарника, успел встать на ноги. Бровь его была рассечена, и крупные капли крови падали на пол – видимо, при столкновении получил кастетом от своего же. С глухим рыком он двинулся на Воронова, но тот и не думал отступать. В руках бандита ничего не было, а голыми руками бывшего КМС по рукопашному бою взять было сложно. Они сцепились посреди вагона, хлесткие удары молодого оппонента Воронов гасил, умело выставляя блоки. Наконец ему удалось перехватить одну руку противника и вывернуть ее под неестественным углом. Тот взвыл от боли, но исхитрился нанести удар свободной рукой, которую Воронов уже с легкостью отбил кулаком. Тут же в нос молодому наемнику прилетел страшный удар лбом. Воронов вложил в него весь свой вес и буквально слышал, как дробятся носовые кости парня. Тот потерял ориентацию и, поскользнувшись на собственной крови, встал на четвереньки. Не до сантиментов, подумал Воронов и выполнил короткий удар ребром ладони по шее соперника. Тот потерял сознание и упал рядом с выбывшим ранее соратником. Вся потасовка заняла не более тридцати секунд. Народ в вагоне с ужасом смотрел на бородатого мужика в косухе, голыми руками уложившего двух неслабых парней.

— Спокойно, товарищи, — миролюбиво поднял руки Воронов, — я дружинник!

Воронов подошел к Даниле, который тоже, безусловно, видел всю схватку.

— Теперь понял, зачем я тут?

Данила быстро закивал, но тут же снова переключился на свои чувства. След обрывался на следующей станции и уходил в недра переходов. Поезд выпустил пассажиров, и Воронов поспешил за Щегловым. Тот стремглав помчался по следу, перескакивая через ступени эскалатора. Угнаться за парнем у Воронова уже не было шансов. Он понимал, что саму

жертву тоже будут пасти эти шакалы до самой её смерти, а потому прикладывал все усилия, чтобы нагнать Данилу, но возраст давал о себе знать. Он уже потерял парня из вида, но, к счастью, на той станции, где они вышли, была пересадка только на одну ветку. С трудом поднявшись по эскалатору, Сергей бросился вниз, на станцию радиальной ветки. Щеглова уже не было видно. Расталкивая всех на своем пути, Воронов бежал со всех ног. Добравшись до платформы, он огляделся. У самого края стоял Щеглов, буравя взглядом какого-то мужчину. Мужчина был явно не в себе, он медленно раскачивался, стоя у самого края платформы. По изученным видеозаписям Воронов знал, что, как только из жерла трубы вылетит на полной скорости состав, этот мужчина сделает шаг навстречу смерти, и в этот самый момент Щеглов одёрнет его, вытащит с того света прямо за шкуру. Все случится именно так, если... Краем глаза Сергей заметил сразу четыре фигуры в черных костюмах. Они направлялись к Даниле с разных сторон. Воронов поспешил встать между ними и Данилой. Он уже не сомневался в невиновности парня. Он поверил ему. И поверил в то, что ради такого парня можно и получить пару синяков от этих молокососов.

Все четверо переглянулись. Видимо, те предыдущие уже успели передать по внутренней связи, что Воронов является телохранителем их цели. Недолго думая, они скооперировались против Сергея, окружив его. Тут же один из них бросился с кулаками на Воронова, явно не ожидая решительного отпора. Но у него с такими субъектами разговор был короткий еще с десантуры. И не таких ломал, подумал Сергей, лихо пропуская нож над головой и одновременно врезая свой стальной кулак в коленную чашечку нападавшего. Тот с криком упал на платформу, но его товарищей это вовсе не испугало. Минус один, этот уже не сможет ходить месяца два, подумал Сергей и развернулся навстречу очередному сопернику, но те не спешили нападать. Правильно оценив ситуацию, бандиты решили сменить тактику. Поодиночке против массивного Воронова у них не было шансов. Они переглянулись и ринулись на Сергея толпой. Краем уха Сергей услышал шум приближающегося поезда. Отлично, пусть себе бодаются со мной, подумал он, главное, отвлечь на себя этих уродов. Пусть парень разберется с суицидником, а я потяну время и после порешу их по одному.

Данилу окружала коричневая пелена, густым туманом обволакивающая пожилого мужчину, стоящего на платформе. Из-за этого тумана парень ничего не видел и не слышал, все его чувства были обращены лишь на этого бедолагу. Еще миг, и он вытащит его с того света. Мужчина стоял слишком близко к платформе, а потому вылетающий из тоннеля поезд мощным сигналом штатного тайфуна возвестил о своем прибытии. В этот самый момент мужчина дернулся навстречу смерти, а Данила резким движением руки потянулся к его плечу. Время вновь замедлило свой бег. Люди, поезд, потасовка сзади — всё перестало существовать для Данилы. Только он, преодолевая сантиметр за сантиметром, был способен остановить неминуемую гибель этого человека. Рука уже почти легла на плечо мужчины, пальцы начали сжиматься в попытке ухватиться за мятый твидовый пиджак, как вдруг ни с того ни с сего они сжались в кулак. Сжались гораздо раньше, чем того хотел сам Данила. За предательскими пальцами потянулась в дикой конвульсии и рука. Она прижалась к телу, которое начало буквально выворачиваться наизнанку. Данила упал прямо под ноги уже летящего под поезд мужчины. Но увидеть страшный миг ему не удалось, сознание мгновенно погасло, и Данила окунулся в забытие.

Кто хоть раз в жизни испытывал сотрясение мозга, никогда больше не спутает его ни с каким другим состоянием. Ощущение тела ещё не восстановилось, собственно, как и сознание, а Воронов уже чувствовал, как его затылок разламывается на две части. К горлу подступала тошнота и, судя по запаху мешка, натянутого на голову, тошнота подступала уже не в первый раз. Ноги не были связаны, но еще плохо слушались, а вот руками пошевелить вообще не получалось. Кисти кололо миллионом иголок, одновременно впивающихся в обескровленную кожу. Поднимать голову не хотелось, да и не было никакого смысла – грязный мешок едва пропускал скудные мигающие лучи света, должно быть, пробивающиеся из-под двери. Как Сергей ни сопротивлялся, но сознание всё же вернулось к нему, одарив его всем спектром незабываемых ощущений. От долгого сидения занемела спина, ноги почти не ощущались, не говоря уже о руках. Зато голова теперь ощущалась очень даже четко, причем малейшее движение усиливало боль настолько, что, казалось, спасительный обморок вот-вот снова унесет Воронова в мир грез. Но счастливый момент никак не наступал, и Сергей попытался восстановить в памяти последнее, что видел. А видел он не самую приятную картину в своей жизни. Во время схватки с оставшимися парнями он услышал пронзительный крик Данилы. Рефлекторно оглянувшись, он увидел парня, лежащего на перроне без чувств. В этот момент Воронов получил по голове в первый раз, но сознание не потерял. Кое-как отмахнувшись, он вновь бросил взгляд в сторону Щеглова, но увидел, что все на платформе собираются не возле него, а метрах в десяти далее. Перед тем, как получить последний раз по голове кастетом, Воронов успел увидеть тело того самого мужчины, лежавшего на полу возле поезда. Его голова представляла собой красное месиво, ничем больше не напоминавшее человеческое лицо.

Воронов рискнул напрямь извилины и подвести итоги, раз уж обморок ему больше не светил. Во-первых, жертва мертва. Это факт. Во-вторых, сам Воронов теперь, связанный, находится в неизвестном месте, скорее всего, охраняемый неизвестными людьми. Интересно, как им удалось вытащить его из метро так, чтобы не прицепились менты? Вопрос был риторическим, ответ не был так уж важен для него. Гораздо важнее было узнать, жив ли Данила. Воронов постарался напрямь слух: в комнате, кроме него, никого больше не было. Втянул разбитым носом воздух – одна ноздря еще работала, значит, нос не сломали. Затхлый и сырой воздух вперемешку с его собственной кровью и содержимым желудка дал новую информацию: вероятно, он в каком-то подвале. Полоска света, просачивающаяся сквозь грубые волокна холщового мешка, скорее всего, не от двери, а от окна. А свет мигал, потому что за окном ходили люди. Этот факт порадовал Воронова, поскольку если бы он находился в более глухом подвале, сигнал от передатчика никто не засек бы. А так есть шанс, если Светка всё же его послушается и доберется до капитана Сидорова раньше, чем бандиты доберутся до неё.

Воронов посидел ещё несколько минут без движения, собираясь с силами, и попытался встать, но ноги его почти не слушались – от долгого пребывания на стуле они еле двигались. При малейшем движении дикая, жгучая боль разносилась от паха до пяток вместе с порциями крови, которая, наконец, начала пробиваться к голодающим тканям. Воронов знал, что нужно перетерпеть это и дать ногам больше кислорода. Поэтому он, преодолевая боль, изо всех сил шевелил пальцами на ногах. Уже спустя десять минут он с уверенностью

мог сказать, что чувствует голени. Но встать со стула он так и не смог. Оказалось, руки были привязаны каким-то хитрым образом за спинку стула, на котором он сидел. Оставалось только ждать, ну, или же вспомнить молодость и опрокинуть стул на пол. Учитывая его вес, вполне возможно, что хлипкая конструкция стула не выдержит и даст слабинку или трещину.

Воронов уперся ногами так, чтобы можно было раскачивать тело из стороны в сторону, и напряг все свои силы. Буквально с третьей попытки ему удалось раскачаться настолько, что стул вместе с ним перевернулся на бок. Врезаясь плечом в бетонный пол, Сергей услышал хруст. Мысленно попросив Господа, чтобы это хрустнули не его кости, которых он до сих пор не чувствовал, Воронов попытался пошевелиться. Поза теперь была не такой удобной, но зато у рук появилось явное пространство для маневра – какая-то из ножек злополучного стула все же не выдержала падения и начала шататься. Развивая свой успех, Сергей начал раскачивать руками подающуюся деталь и уже через пять минут выломал ее с корнем. Рукам стало ощутимо свободнее. Теперь можно было доламывать стул из более выгодной позиции, чем и занялся Сергей. Через пятнадцать минут, вспотев и с трудом преодолевая дурноту от головной боли, он все же высвободился из петель веревки и встал на ноги, потирая стертые в кровь кисти. Стянув с головы вонючий мешок, Воронов огляделся. Он находился в маленькой комнатке подвала. Как он и предполагал, под потолком было небольшое окно, служившее единственным источником света. Дверь в комнату была заперта. Воронов простучал ее и понял, что такую дверь даже он не сможет вынести с плеча.

Но выносить ничего не пришлось. Буквально через десять минут после освобождения мимо окна пронеслась машина, со скрипом затормозив где-то поодаль. Воронов слышал, как захлопали двери. Для его слуха эти звуки – почти что симфония. Он знал, что это приехали за ним, и почти наверняка знал, кто именно. За дверью послышались голоса, топот. Люди, издававшие эти звуки, не знали, где находится то, что они ищут, а потому методично прочесывали весь подвал. Воронов решил облегчить парням жизнь.

— Сидоров, это ты там шарисься?

— Так, парни, тихо! — скомандовал знакомый голос за дверью. — Воронов, ты живой?

— Живее всех живых! — радостно заорал Сергей, указывая на свое точное месторасположение.

Дверь потрясли, но она не поддалась.

— Отойди, — скомандовал все тот же голос, — сейчас ломать будем. Давай, ребята!

Воронов отошел в сторону, и уже через минуту, звонко треща, массивная деревянная дверь распахнулась.

Бодрая «Волга» везла старых друзей по набережной Москвы-реки. Воронов рассказывал всё, что удалось узнать за время, что он провёл с Щегловым. Капитан Сидоров внимательно слушал и лишь изредка прерывал собеседника уточняющими вопросами.

— Это очень наглые, но в то же время очень аккуратные сукины дети! — резюмировал он. — Знают, что за тебя по шапке получают, поэтому оставили в живых, почти не тронули. А вот Щеглов им мешать стал, они его теперь прятать будут. Не отпустят, пока не доделают начатое.

— А чего им терять-то теперь? — Воронов приложился к фляге с коньяком, который ему выдал капитан для поправки здоровья. — Они теперь знают, что мы за ними охотимся, и знают, что у нас ничего на них нет. Парня они закроют до поры до времени, даже убивать не станут, зачем лишнее на душу брать. Подержат денек-другой, свои дела обтяпают и под корягу, а дальше хоть трава не расти.

— Будет труп! — задумчиво потянул Сидоров. — Точно будет.

— Ты про клиентов?

— Да вот они-то, скорее всего, больше и не будут прыгать. Спугнули мы их. Слишком уж большой наглостью будет остальных грохать.

— А как же тот, что уже погиб? — поинтересовался Воронов.

— Этот самый жирный был, с его квартиры они немало денег получают.

— Так о каком тогда ты трупе еще говоришь?

Сидоров взглянул на Сергея. Машина остановилась у какого-то подъезда.

— Сам подумай. Как мы их за жопу взять можем?

— Ну, только если докажем их причастность ко всем этим смертям, — ответил Воронов.

— Правильно, а как мы это сделаем?

— Если будет свидетель, — уже тише проговорил Воронов и слегка напрягся.

— От свидетелей они избавляться будут. То есть от тех, кто в курсе того, как именно они принуждают свои жертвы самостоятельно под поезд прыгать. Какую ты там версию выдвигал?

— Гипноз, — хриплым голосом проговорил Воронов, упуская ход мыслей. В его голове родилась новая тревога, но она еще не оформилась в уверенность. Необходимо было поднять связи и кое-что проверить.

— Да, ты про гипноз что-то заливал. Тогда я тебе не поверил, но теперь эта догадка не кажется мне каким-то фантастическим вариантом.

— Почему не кажется?

— Как только стало известно, что намечается заварушка, я ребят к профессору Филлюшкину отправил. Ты же на него грешил-то?

— Так, и что?

— И то, нет профессора. Жена в слезах. Говорит, звонил последний раз два дня назад, мол, выхожу с работы, скоро буду, но так и не пришел. По всем знакомым пробежала, все больницы обзвонила, все морги — нет его, и всё тут. Пропал профессор. Подала сегодня в розыск.

— Думаешь, его того? — с подозрением спросил Воронов.

— А что? Все сходится! — воскликнул Сидоров. — Филлюшкин для них рябчиков этих приготовил, а они рубанут денег и сольют фирму. А самого Филлюшкина, как единственного, кто мог бы дать показания, — в расход!

— Да, и в сухом остатке куча трупов, ни одного заявления и чистой прибыли на несколько десятков миллионов.

— Да, а главное, никак не доказать, что они склоняли людей к самоубийству.

Воронов, потер разбитый затылок.

— Нет, Вов, погоди. Что-то тут не совсем сходится.

— Ну что тебе не нравится-то?

— Филлюшкин — уважаемый в обществе человек. Он карьеру построил, женат, дети взрослые. Зачем ему в это впутываться? Мотивы-то какие?

— Ну, во-первых, такой мотив, как жадность, еще никто не отменял. Банальная алчность может свести с ума слабого человечешку и за меньшие деньги, а тут такой соблазн. Во-вторых, ему могли тупо угрожать. Ему или семье. А в-третьих, Филлюшкин действительно способен на это. Он на твоей Светке, кстати, это очень убедительно продемонстрировал. А

раз может, значит, под подозрением.

— И ты думаешь, его уберут в первую очередь?

Сидоров достал сигарету, закурил.

— Он свидетель, Сереж. А тот, кто это все организовал, очень осторожничает. Недаром мы его не знаем, ведь так? Фирма отдельно, прибыль по ней тоже отдельно. Всё выводится через иностранные банки за бугор. А по бумагам – всё чисто. Налоги, зарплаты, пенсионные отчисления сотрудникам. Все чётко, не подкопаешься.

— Это меня и смущает, капитан. Жадность ты упомянул, так вот, эта жадность и им присуща. Ты глянь, как за клиента бодались. Мне башку проломили, пацана похитили. И все ради того, чтобы позволить своей конторе пахать дальше. А как же ей функционировать, если они уберут главного функционера? Без фокусов профессора люди сами прыгать под поезд не станут.

— Ну, не знаю. Может, им больше и не надо. Но мне кажется, Филюшкин не просто так пропал. Убрали его.

Сидоров посмотрел на Воронова и, заметив его замешательство, спросил:

— Тебя точно в больницу не надо отвезти? Какой-то ты странный сегодня.

— Не, я в норме, Володь. Спасибо, что прикрыл. Просто в голове кавардак, подумать нужно. Я тебе позвоню.

— Ну, давай, братишка.

Мужчины еще раз обговорили план действий и, убедившись, что разногласий никаких нет, Воронов вышел из машины. «Волга» рыкнула мотором и сорвалась с места, оставляя Сергея у подъезда. Наверху должна была ждать Света. Капитан сказал, что приказал отвезти её к нему сразу же, как они встретились, а сам поехал на выручку.

Воронов постоял еще с минуту и, вместо того чтобы зайти в подъезд, побрел от него к метро, попутно набирая номер на новом мобильнике.

Мысли капитана по поводу смерти профессора Филюшкина Сергея не убедили, у него в голове складывалась совсем иная картина. Профессор мог быть как жертвой преступников, так и основным членом банды. Учитывая, с каким рвением они организовывали последний экс, можно предположить, что деньги им были необходимы как воздух. А раз они привлекли так много народа для того, чтобы смерть в метро все же состоялась, то наверняка организатор всего этого шоу был поблизости и все контролировал лично.

План в голове Сергея возник сам собой. В первую очередь, необходимо было связаться со своим человеком в метро и раздобыть нужные записи видеокамер с моментом происшествия. Тогда станет ясно, кто помешал Щеглову, куда его потащили потом и, самое главное, был ли на месте преступления сам Филюшкин. Затем необходимо было спровоцировать профессора на конкретные действия, а для этого его сначала нужно было найти.

Дорога заняла не больше получаса. Еще в дверях небольшой пультковой своего осведомителя Воронов заметил на его лице замешательство. Молодой парень виновато смотрел на Воронова и что-то невнятно бормотал под нос.

— Ничего не понял. Ты записи достал?

— Нет, — виновато ответил дежурный. — Как только вы позвонили, я начал искать, но в архиве есть записи со всех камер наблюдения на той станции, кроме той, что нам нужна.

— Как же это возможно? — рявкнул Сергей.

— Не знаю, Сергей Викторович, их словно стер кто. Все, за весь день. Начальств

узнает – не сносить мне головы.

— Ладно, не дрейфь, — сменил гнев на милость Воронов. — В конце концов, отсутствие информации — тоже информация.

Воронов задумался на минуту, затем резко схватил с пульта ручку, обрывок листка, что-то написал на нем и повернулся к дежурному.

— Остальные записи, говоришь, не трогали?

— Да, все остальные камеры зафиксировали весь день.

— Отлично, — протянул Воронов, — значит, так. Бери помощника и просматривай записи, которые остались. Если увидишь на них вот этих людей, — Сергей протянул парню листок с именами, — запиши локации и время их появления. Всех знаешь?

Дежурный пробежал взглядом по листку и утвердительно закивал головой.

— Мы с вами их уже искали на той неделе.

— Отлично. Потом мне доложишь.

Из метро Воронов вышел задумчивый. Его смутные предчувствия начинали обретать осязаемую форму. Он на память набрал номер Светланы, но вместо гудков механический женский голос сообщил, что абонент временно недоступен. Вернувшись в квартиру Сидорова, Воронов также не обнаружил следов племянницы. Немного поразмыслив, Сергей вновь потянулся к телефону и набрал на память очередной номер.

Стерлинг сидел за кухонным столом и гипнотизировал кружку чая. Минуту назад он разговаривал с шефом, который, как ему показалось, был крайне взволнован. Таким начальником он видел впервые, и суть разговора, произошедшего между ними, объясняла его нервозность. Парень дотронулся до уха, всё ещё горящего, и, поморщившись от боли, набрал телефон брата. Тот сидел в припаркованной во дворе частного дома машине — была его очередь дежурить. Стерлинг вкратце пересказал все, что ему поведал шеф. Фунт, выслушав его, лаконично подвел итоги — значит, переезжаем. Стерлинг и сам понимал, что другого выхода у них нет. Они должны были убраться из столицы, где за ними теперь охотились как менты, так и бандиты, которым задолжал их начальник. Вероятность того, что полиция не станет раскручивать их схему, была ничтожной. Вернуть же заём под фирму, свернув производство, было просто невозможно. Оставалось одно — уехать из страны и залечь на дно. Шефу необходимо было время для того чтобы по своим каналам реализовать квартиру последнего клиента и попутно организовать отступление. Разбрасываться кадрами ему не хотелось, и поэтому он предложил братьям дальнейшее сотрудничество на новом месте. Нужно было лишь разобраться с Щегловым и переманить на свою сторону главного исполнителя. Конечно, обо всех своих планах шеф предпочел не распространяться. Достаточно было, чтобы братья выполнили свою часть работы в точности, а об остальном он планировал позаботиться вместе со своим прямым компаньоном.

Стерлинг закурил и еще раз взвесил в уме все «за» и «против». Схема была отработана и опробована, что позволяло им организовать подобную фирму в любой стране постсоветского пространства, а затем и в Европе. В стране их ничего не удерживало, да и Фунт был не против попробовать свои силы на новом месте, так что оставалось лишь дожидаться развязки и исчезнуть.

Тук-тук-тук. Размеренный глухой стук вытянул Данилу из темноты. Парень открыл глаза и попытался сесть, но острая боль между лопатками не позволила ему сделать это, он так и остался лежать на мокром матрасе. Тук-тук-тук, вновь донеслось до его слуха. Сориентировавшись, он уловил, что звук доносился от стены напротив. Стук повторился вновь. Данила окинул взглядом комнату, в которой, кроме него, никого не было. Единственное окно в помещении едва пропускало слабую полоску света, которой хватало, чтобы осветить небольшое пространство. Полы и стены, по-видимому, были деревянными, возможно, он находился в каком-то старом доме. Данила вновь попытался приподняться, преодолевая боль. На этот раз ему удалось сесть. Тело ломило, а голова была, словно в тумане. Мысли начали путаться, подступила дурнота и Данила чуть было опять не потерял сознание. Он уже вспомнил, что произошло на платформе перед тем, как он вырубился. Перед глазами стояла страшная картина, и парень помотал головой, стараясь поскорее избавиться от неприятного ощущения. Там на платформе, перед тем как потерять сознание, он слышал сильный треск. Должно быть, кто-то, подкравшись сзади, в самый последний момент огрел его шокером. Стук вновь вернул Данилу к реальности, он напрягся и с трудом подполз к стене, которая была источником странного стука. Прислушался. Через минуту стук повторился, и парень инстинктивно постучал в ответ. За стеной послышалось шуршание.

— Данила, ты там?

Голос был глухим, но парень сразу же узнал его. Это была Света. Нащупав впотьмах розетку, Данила прильнул к ней ухом.

— Данила?

— Да.

— Слава Богу, ты жив! — выдохнула Света.

— Где мы? — спросил Данила и тут же осекся. — Что ты тут делаешь?

— Нас похитили. Похоже, мы в каком-то загородном доме, — донеслось из розетки. —

Как же я рада, что ты жив!

— Как ты узнала, что я тут?

— Меня держат здесь всю ночь, рано утром я видела через щель в окне, как двое парней волокли тебя по двору.

— Нас охраняют?

— Да, один в доме и ещё двое на улице, но их я больше не видела, возможно, сидят где-то неподалеку. Ты ранен?

— Нет. Спина болит.

— Что случилось в метро?

Данила вкратце рассказал о случившемся и, дойдя до момента гибели несчастного пассажира, вновь почувствовал, как подкатывает тошнота.

— Господи, какой ужас, — прошептала Света. — Ты не видел, кто тебе помешал?

— Нет, он напал со спины, а потом я потерял сознание. Наверное, кто-то из них стоял в стороне и не вмешивался до последней секунды. Воронов не мог взять на себя всех нападавших, а я... — парень помолчал, — а я не смог спасти человека.

Света с минуту молчала, а потом тихо сказала:

— Ты сделал все правильно. Ты не должен отвечать за их грехи.

Данила не стал отвечать. Его организму было плевать на форс-мажорные обстоятельства. Он реагировал, как и раньше в подобных ситуациях — дикой болью и паническим отчаяньем. После каждой неудачи Данила восстанавливался не меньше недели, а мысль о том, что ему помешали не случайные обстоятельства, а конкретный человек, просто сводила его с ума. Он чувствовал свою причастность к этой трагедии, чувствовал, что является соучастником убийства, поскольку мог предотвратить его, но не сделал этого, пусть даже и не по своей воле.

Повисла очередная пауза. Данила попытался расслабиться, чтобы унять боль в спине, и закрыл глаза. Света больше ничего не говорила, стуков тоже больше не было. По шуршанию за стеной Данила понял, что она пытается собрать как можно больше информации об их местонахождении. Он слышал её шаги за стеной, слышал, как она тяжело дышала, прилагая какие-то физические усилия — возможно, пыталась толкать дверь или ставни на окнах. Но, судя по тому, что в скором времени все звуки стихли, у неё ничего не вышло. В какой-то момент парня кольнула одна странная мысль. Он мотнул головой, словно пытаясь вытряхнуть её, но странное чувство недоверия, как репей, накрепко засело в его мозгу. Решив, что он ничего не потеряет, если спросит в лоб, он решил аккуратно прощупать почву.

— Света! — позвал он.

— Я здесь, — услышал он в розетке.

— А как тебя схватили?

— Сергей дал мне номер телефона, по которому я должна была позвонить в случае,

если он перестанет выходить на связь.

— И что ты сделала?

— Когда вы ушли, я поехала по адресу, который он мне дал, и стала ждать от него вестей. Как только телефон замолчал, я сразу же набрала тот номер. За мной тут же приехали и увезли на какую-то квартиру в Москве. Я рассказала им все, что знаю, и меня оставили одну. Но я не могла сидеть, сложа руки.

— И куда ты поехала?

— Данила, мне не нравится, каким тоном ты это спрашиваешь. Ты меня подозреваешь в чем-то?

Данила понял, что допустил бестактность. В конце концов, она сама сидит тут с ним взаперти.

— Нет, прости, пожалуйста. Просто...

— Что?

— Просто в голову лезут плохие мысли. Хочу быть уверен в тебе, но не могу никому доверять. Я слишком долго был один на один со своими проблемами.

Света собралась с мыслями и продолжила.

— Когда я осталась одна, мне пришла в голову идея. Тоже дурная, но я решила ее проверить.

— Какая идея?

— Помнишь моего научного руководителя?

— Вадима Юрьевича?

— Да. Так вот, мне в голову пришла мысль, что все эти суициды не были случайностью. Дядя рассказал мне о том, что практически все случаи самоубийств были связаны с одной фирмой, которая занимается договорами пожизненной ренты. А я точно знаю, что Вадим Юрьевич подрабатывает, консультируя дома престарелых, хосписы и, возможно, подобные заведения.

Данила напряг слух, ситуация обретала смысл.

— Так вот, мне пришло в голову, что кто-то мог подталкивать жертвы на этот страшный шаг. Помнишь, как я нашла тебя?

— Помню. Тогда это он помог тебе?

— Да. И у меня в голове засела мысль, что, раз он способен на это, то, возможно, он не так чист, как мне казалось всегда. Мысль, конечно, бредовая, но я была напугана. Вы с дядей пропали, и мне было просто невыносимо сидеть без дела. Я решила поехать к профессору и попытаться прощупать почву. Поймала такси и уже через полчаса стояла перед дверью его квартиры.

— Так вы с ним говорили?

— Нет, его не оказалось дома. Жена Вадима Юрьевича была взволнована и сказала, что он пропал больше суток назад. Она сама сбилась с ног, разыскивая его. Теперь не знаю, что и думать. На совпадение это явно не тянет, а значит, он каким-то образом замешан в этом деле, но вот как именно, я не могу понять.

— Хочешь сказать, он мог гипнотизировать людей и заставлять их прыгать под поезд?

— Я не могу об этом думать. Вадим Юрьевич – прекрасный человек, добрый, отзывчивый и обладает серьезным авторитетом. Я не могу представить себе, что в таком почтенном возрасте человек его положения мог бы пуститься на такую авантюру. Хотя и исключать этого я тоже не могу. Я знаю его только с профессиональной точки зрения, нас

связывала всегда только работа. Да и ситуации в жизни бывают разные, кто знает, что могло подтолкнуть его на такой шаг.

— А твой дядя ничего тебе не говорил? С его опытом он наверняка думал об этом.

— Дядя мало кого жалуется. И его недоверие к тебе и к другим людям, скорее, профессиональная черта, нежели вздорный характер. Тебя он тоже до последнего подозревал. А в итоге, сам видел, защищал тебя, как мог. Его доверие нужно заслужить, и словами это сделать не получится, необходимы конкретные поступки. Учитывая ситуацию, можешь быть спокоен, тебе он теперь доверяет, — сказала Света и, подумав, тихо добавила, — если ещё жив.

Данила впервые сообразил, что совершенно не подумал о том, где сейчас Сергей. Не пострадал ли он, жив ли он вообще? От этого парню сделалось очень стыдно. Эгоизм и чувство жалости к себе напрочь убили в нем все человеческие переживания. А ведь этот малознакомый ему человек изо всех сил старался защитить его там, в метро. Данила решил приободрить Свету.

— Он очень сильный человек, и сломать его не так-то просто. Тем более в метро, где столько свидетелей. Я думаю, с ним все в порядке.

— Я тоже на это надеюсь, — ответила Света с ноткой тревоги в голосе, но уже через минуту бодро произнесла. — И если с ним все в порядке, то наше вызволение — дело нескольких часов. Ради меня он перевернет всю Москву, поставит на уши все свои связи, но спасёт нас.

— Да уж, этого ему не занимать.

Нехорошие мысли насчет Светы отступили, и Данила позволил себе расслабиться. Через несколько минут в розетке вновь послышалось шуршание.

— Даня.

— Да?

— Ты можешь сделать для меня кое-что?

— Что, Свет?

— Помнишь тот мост через озеро? Тот, на который я так и не смогла ступить?

— Помню.

— Ты говорил, что любишь работать руками. Создавать, творить материальные вещи. Ты можешь его достроить?

Данила удивился.

— К чему эта странная просьба?

— Просто сделай это. Мне очень важно, чтобы ты меня послушал.

Голос Светланы странным образом изменился. Неуловимо, неосяземо. Данила даже не смог понять, что именно изменилось, но теперь он звучал как-то странно, неестественно, словно она не просила, а произносила заклинание. Четко и громко она повторила:

— Мост. Даня. Слушай внимательно. Мост через озеро. Дострой его. Мост.

Девушка повторяла эти слова, а Данила не мог ничего ответить. Словно замороженный, он слушал её голос, который становился все глубже, все притягательнее.

— Мост. Мост через озеро. Дострой его. Мост, Данила. МОСТ ЧЕРЕЗ ОЗЕРО.

Вдруг раздался громкий стук. Данила вздрогнул, выходя из оцепенения. За дверью послышались шаги, кто-то, громко дыша, прошел мимо. Скрипнул тяжелый засов соседней комнаты, послышался мужской голос.

— Выходи.

Свету вывели из её комнаты. Громко хлопнула дверь, шаги стали удаляться, и уже через минуту из щели в окне донесся глухой рык мотора. Затем все стихло. Данила даже не успел удивиться, настолько внезапно Светлану вывели из комнаты. По-видимому, ее куда-то повезли. В доме воцарилась мертвая тишина. Последние слова Светы эхом отдавались в голове Данилы. Что они значили, он так и не понял. Но про себя повторял: «Мост. Мост через озеро. Достроить мост».

— Серега, у нас проблемы.

Телефонный звонок застал Воронова за изучением отчета своего осведомителя. Парня ему посоветовал капитан Сидоров, который сам не раз прибегал к помощи столь полезного в их деле работника метрополитена. В обязанности молодого программиста входило следить за исправностью камер наблюдения в московском метро, заниматься сортировкой данных и каталогизацией архивов. Впервые Воронов обратился к нему, когда искал записи, связанные с похождениями Щеглова. Тогда парень здорово помог, собрав по крупицам те скудные данные, которые помогли в итоге ему и Свете разыскать Данилу. Затем они с Вороновым искали на тех же записях людей, которые, по мнению Сергея, были причастны ко всем сомнительным эпизодам самоубийств. К тому времени Воронов уже имел сведения о тех, кто следил за Данилой, а потому, помимо них, он разыскивал на записях непосредственных исполнителей страшных заказов. Основным подозреваемым Воронов считал Вадима Юрьевича Филюшкина, резонно предполагая, что он мог засветиться на какой-либо записи, но тогда они ничего не накопили. В этот раз отчет осведомителя заставил бывалого Воронова испытать неподдельный ужас. Самые худшие опасения Сергея подтвердились, и поэтому в его душе теперь царили смятение и страх.

— Ты слышишь меня?

Голос в трубке настойчиво требовал внимания. Сидоров говорил резко и четко, что заставило Воронова всерьез отнестись к новой информации.

— Я слушаю, — сухо отозвался он.

— Мне удалось выцарапать в прокуратуре разрешение на обыск в той самой фирме.

— Отлично, что накопал?

— По юридическому адресу фирмы — ничего. Как мы и предполагали, все документы оказались в полном порядке. Но, когда оперативники наведались в сам пансион, где проживают клиенты фирмы, выяснилось, что доброй половины постояльцев нет на месте. Мы проверили и их квартиры, обзвонили всех родственников. Никто из них не объявлялся и не давал о себе знать уже больше недели.

— Что ты хочешь сказать? — не смог уловить нить Воронов.

— Серега, мы недооценили их жадность. Похоже, всех этих людей ждет та же участь, что и последнего суицидника.

Воронов переварил услышанное и спросил:

— Сколько их?

— Еще пять человек. Серега, слышишь? Еще пять человек могут в ближайшее время покончить с собой!

Голос капитана чуть не сорвался на крик. Было ясно, что сам он понятия не имел, как им быть в этой ситуации. В трубке повисло тяжелое молчание, Воронов нарушил его первым.

— Вов, собирай людей, нам понадобится помощь опытных оперативников. Человек

десять, не меньше. Вызвони нашего осведомителя и прикажи не покидать пультавую до особого распоряжения, нам понадобятся его глаза в метро.

— Я так понимаю, у тебя созрел план? — с надеждой в голосе спросил Сидоров.

— Да. Думаю, я знаю, что надо делать. Организуй мне рабочую группу и жди. Через два часа я приеду.

— Понял. Отбой.

Воронов собрался с мыслями, вновь взял телефон и набрал номер.

— Алё. Да, это я. Ты можешь мне человечка найти по номеру телефона? Да. Да московский. Диктую.

Чёрный «Гелендваген» выехал на шоссе и направился в сторону области.

— Как это работает? — шеф вопросительно уставился на Свету.

— В смысле? — не поняла девушка.

— Мы наняли вас для того, чтобы вы убрали Щеглова. Мне реально интересно, как именно это работает.

— Вы же не думаете, что я смогу в двух словах объяснить, как гипнотизировать людей? — возмутилась Света.

— А вы попробуйте, — мужчина затянулся сигаретой и устроился поудобнее. — Вы же не думаете, что мы вас просто возьмем и отпустим, не убедившись, что ваша задача выполнена?

— Я уже десять раз пожалела, что связалась с вами! — огрызнулась Света. — Если бы не Вадим Юрьевич...

— Филюшкин стал задавать слишком много вопросов, — грубо оборвал мужчину Свету, — именно поэтому нам пришлось прибегнуть к вашим услугам, дорогуша.

— Вы вынудили его работать на вас, заставили убивать ни в чем не повинных людей ради наживы.

— Я не претендую на роль святого, но и вы не так чисты, не так ли? Не забывайте, мы с вами повязаны. На ваших руках кровь того же цвета, что и на моих.

— У меня не было выбора.

— Правильно, — довольно улыбнулся шеф, — вы спасали своего любимого Вадима Юрьевича. Он, в свою очередь, спасал свою семью. Именно так работает шантаж.

Света злобно посмотрела на мужчину и отвернулась к окну.

— Сначала мы проводим анализ клиента, — тихо начала девушка. — Ищем истоки его душевной травмы, затем работаем с подсознанием.

— Так, это уже интересно. А как же вы подводите людей к последней черте?

— Программируя. С того момента, когда мы находим слабые точки наших пациентов, мы можем использовать их, как рычаги давления. В состоянии гипноза человеку можно записать любую программу, в том числе и саморазрушения.

— Но как они понимают, что нужно начать выполнять эту программу?

Мужчина выказывал неподдельный интерес.

— Когда программа записана и закреплена в подсознании, дается установочная команда. Это может быть звук, фраза или какой-нибудь набор жестов. Как только объект видит или слышит установочную команду, включается механизм реализации записанной программы.

— И какая команда была дана Щеглову?

— Простая фраза: «Мост через озеро».

— Команду может отдать любой человек?

— Абсолютно любой.

Мужчина, казалось, полностью удовлетворил свое любопытство и умолк. Спустя несколько минут он примирительно развел руками и сказал:

— Не волнуйтесь, Светлана. Как только мои орлы доложат мне, что Щеглов нам больше не помеха, мы отпустим вас и сообщим, где находится ваш дорогой профессор.

Света вновь повернулась к мужчине. На ее лице была хитрая улыбка.

— Вы же не думаете, что я стала бы слепо доверять вам? – повторила она его же фразу.

Её собеседник нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

— Я, так же как и вы, подстраховалась на случай, если вы решите меня обмануть в очередной раз. Я сказала вам лишь первую часть установочной фразы. Услышав ее, Данила выполнит лишь половину заложенной в его голове программы. Последний шаг он сделает лишь тогда, когда услышит вторую часть. К тому же, только я знаю место, где он будет в нужное время. Так что вам придется меня отпустить сейчас. Ваши архаровцы могут следить за Щегловым хоть до морковкина заговенья, но без меня Данила не сделает последнего шага.

— Ваши условия?

— Вы меня отпускаете, и по моему звонку привозите профессора, живого и невредимого, в указанное мною место за пять минут до кульминации. Я убеждаюсь, что с ним все в порядке, шепчу Щеглову остаток фразы и, тем самым, выполняю свою часть сделки. Место будет людным, а потому у вас не будет шансов после смерти Данилы нас убить.

— А что, позвольте спросить, мне мешает грохнуть вас прямо здесь и сейчас?

Света улыбнулась.

— Не забывайте, шеф, я психиатр. Я давно просчитала вас. Вы никогда не пойдете на такой риск, слишком свободу любите. Доказать вашу причастность ко всем смертям, которые уже есть на вашей совести, практически невозможно, а вот прямое убийство — это существенный риск, на который вы никогда не пойдете. Так что я практически уверена, что вы на это не решитесь.

— А если вы все же не выполните вторую часть работы? С чего мне вам доверять?

— Вы сами сказали: мы с вами повязаны. Я причастна к гибели одного из ваших клиентов, так что в полицию я сама не пойду. Мою жизнь, как, собственно, и жизнь профессора, вы уже загубили. Нам теперь не отмыться от этой грязи. А что касается Данилы... — Света задумалась.

— Да, как вы пойдете на его убийство? — подхватил мужчина.

— К сожалению, в его случае я не смогла бы ему помочь, даже если бы сильно этого захотела. Его психика сильно нарушена, и мысли о суициде и без того посещают его голову. То, что с ним происходит, никак не поддается логике. Его дар уникален, но в то же время этот дар губит Щеглова. Я лишь облегчу его участь.

— Хорошо, — ответил мужчина. — Я принимаю ваши условия. Но учтите, если вы не справитесь, я предпочту поступиться своими принципами. Мы уберем вас, уберем Филюшкина и его семью. Подумайте тщательно, прежде чем выкинуть какой-либо фортель.

Данила почувствовал, что его охватывает легкая паника. Прошло не больше двух часов, с тех пор как Свету увезли, и во всем доме воцарилась такая гробовая тишина, что Даниле начало казаться, будто его уже никто не охраняет. Боль в спине притупилась, и он уже мог вставать. Наспех изучив комнату, в которой его удерживали, он сделал вывод, что самостоятельно выбраться из этой ловушки ему не удастся. Дом был деревянным, но перекрытия между комнатами были выполнены добротно. Данила простучал все стены — глухой звук свидетельствовал о том, что проломить их голыми руками ему не под силу, равно как и выбить тяжелую деревянную дверь, которая, к тому же, еще и открывалась

вовнутрь. Ни ручек, ни замочной скважины изнутри не было. Дверь, скорее всего, запиралась на засов снаружи и совсем не производила впечатления хлипкой. Ставни на окнах были стальными, через узкую щель просачивалась скудная полоска света. Через эту щель Даниле открывался лишь очень ограниченный обзор – были видны высокий жестяной забор, поросший каким-то вьющимся кустарником, и часть участка с давно нестриженным газоном. Никаких признаков жизни на участке не наблюдалось. Колкая тишина, свидетельствующая об удаленности дома от цивилизации, также не давала надежды на случайное избавление. Данила ощутил сильный голод. Немудрено, он уже больше суток ничего не ел, но еще больше, чем голод, его пугала подступающая жажда. Если допустить, что в такой глуши его вряд ли кто найдет случайно, то на горизонте замаячила не слишком радужная перспектива голодной смерти. Чисто технически жажду можно было бы утолить собственной мочой, об этом он читал в книгах, но на этот чудесный метод продления своих мук Данила особо не уповал, поскольку мочу еще нужно было ухитриться во что-то собрать. В комнате же, кроме его собственной одежды, не было никаких подручных средств. При таком раскладе у него оставалось не более двух суток, прежде чем организм обессилит настолько, что будет трудно даже передвигаться. Перспектива, как ни крути, вырисовывалась мрачная, и душу парня вновь защекотал страх. В поисках решения Данила обошел свои владения ещё несколько раз, но, кроме матраса, в комнате не было ровным счётом ничего, что могло бы пригодиться для спасения. Стекол в рамах не было, и это было единственным плюсом его положения, поскольку через узкую щель между железными ставнями в комнату поступал, пусть и в небольшом количестве, свежий воздух.

Немного поразмыслив, Данила решил хоть как-то обозначить миру свое присутствие. Он бросился к сырому матрасу в углу комнаты и оторвал от него узкую полоску ткани. Свернув ее в тугую жгут, он просунул конец получившейся веревки через самую широкую часть щели между ставнями. Теперь снаружи можно было видеть болтающийся на ветру конец импровизированного белого флага. Конечно, шансов на то, что его сможет кто-нибудь заметить за высоким забором, было мало, но эти нехитрые манипуляции позволили Даниле хоть ненадолго отвлечься от упаднических мыслей. Другой конец лоскута он привязал к тонкому штырю на самом верху ставень. После этих несложных манипуляций Данила стал думать о следующем шаге, и мысли сразу привели его к Светлане. Очень жаль, что её так внезапно увезли. Интересно, куда именно? Как ни крути, но её голос, доносившийся из розетки, не столько сулил спасение, сколько успокаивал Данилу. Парень замер на миг, нащупав в голове какую-то невнятную мысль. Розетка в стене. Это была единственная материальная вещь, которая была доступна ему в данной ситуации. Даниле не понравилась та идея, которая посетила его затуманенный страхом разум, но он всё же решил проверить свою догадку. Немного пошарив руками в потемках, он нащупал заветный кругляшок, торчащий из стены. К его радости, розетка оказалась не сильно утопленной в деревянном перекрытии, и он смог нащупать небольшую щель. Кое-как поддевая и цепляясь за край ногтями, парень начал аккуратно ее расшатывать. Через некоторое время он ощутил, что розетка начала поддаваться. Вдохновленный такой удачей, он еще активнее начал выковыривать ее из стены, и спустя некоторое время его усилия принесли плоды. Круглая розетка была извлечена из деревянной стены вместе с гнездом и проводами. В электрике парень разбирался плохо, но знал, что, если в доме есть свет, то провода в розетке должны были быть под напряжением. Оторвав оба провода от пластиковой конструкции, он остановился. Идея была довольно опасной, но иного выхода ему в голову, к сожалению, не

приходило. Данила вновь обратился к матрасу на полу и, на ощупь определив наиболее сухой участок, принялся отрывать от него кусок ткани. Через пять минут он уже стоял возле розетки, сворачивая обрывок в аккуратный плотный рулон.

Находится ли он в доме один, наверняка Данила не знал. Но, на всякий случай, разработал два варианта действий. Если его всё же кто-то остался охранять, то задуманное неизбежно привлечет внимание его надзирателей. Им придётся открыть дверь, и тогда парень планировал неистово атаковать своих обидчиков. Благо, в таком состоянии терять ему было нечего, и всю ярость, копившуюся в его сердце в течение последних недель, он собирался обрушить на того или на тех, кто откроет дверь. Был и другой план, еще более рискованный. Если в доме Данила окажется один, то на выручку уже никто не придет. Тогда он планировал поджечь дверь и попытаться не угореть от дыма до того момента, когда она покажется ему достаточно прогоревшей, для того чтобы ее сломать. В любом случае, сидеть и ждать голодной смерти парню казалось еще большим безумством, чем то, что он задумал.

Стиснув зубы, он решил действовать. Нащупав в темноте два провода, он аккуратно поднес их к импровизированному факелу. Оставалось надеяться на то, что дом не обесточен. Еще с минуту он собирался с духом, и, набрав в грудь побольше воздуха, медленно поднес один провод к другому. Яркая вспышка озарила комнату, ослепив парня на какое-то время – ему ведь и в голову не пришло закрыть глаза. Током его не ударило, но всё же испугался он изрядно. Запахло гарью и паленой проводкой. Зайчики в глазах мешали ему сориентироваться, и об успехе проделанной им работы он не был способен судить не меньше минуты. Зрение, наконец, восстановилось, и парень начал лихорадочно озираться вокруг. Вокруг опять стало темно, но в самом углу комнаты он обнаружил едва тлеющий кусок ткани, который и пытался поджечь минутой ранее. Он бережно поднял сверток, на котором тлели последние несколько искр. Чуть дыша, он поднес их к губам и начал аккуратно раздувать свою последнюю надежду. Пара искр от этих действий потухли окончательно, оставив после себя только едкий дым, но последний очаг тления начал вдруг разгораться. Данила тихонько дул на искрящуюся ткань и, к своему ликованию, через несколько секунд смог раздуть первые робкие язычки пламени. Ткань нехотя занялась, коптя и потрескивая, и уже через минуту в руках у Данилы плясал достаточно бодрый живой огонек. Данила кинулся к запертой двери и аккуратно расположил горящий сверток таким образом, чтобы пламя поддерживалось само по себе. В комнате стало заметно светлее, и Данила, не теряя времени, бросился к матрасу. Оторвав от него еще несколько достаточно сухих кусков, способных загореться, он вновь подбежал к двери, которая уже изрядно закоптилась. Подкинув нового топлива в импровизированный костерок, он стал наблюдать. Пламя робко лизало массивную дверь, медленно перекидываясь на хлипенький косяк. Оценив интенсивность огня, как недостаточную, Данила попытался вырвать наличник. Тот поддался слишком легко и, как только Данила поджег его, он понял, почему – наличник оказался пластиковым. Огонь с большой охотой перекинулся на пластиковую плоть наличника и разгорелся с новой силой. Комнату тут же наполнил едкий черный дым, дыхание Данилы сразу перехватило, он интенсивно закашлял, глаза стало резать, но включать обратную было уже поздно. Оторвав оставшиеся по периметру двери наличники, он разломал их и принялся подбрасывать в огонь. Наконец занялась и массивная деревянная дверь. Огонь уже доходил до ее середины и больше не нуждался в дополнительной подпитке извне. Кашляя и задыхаясь от дыма, Данила отполз к ставням и прильнул к ним ртом, жадно глотая свежий воздух. Через щель стало тянуть гораздо ощутимее, должно быть, огонь поднял температуру

в комнате и стал всасывать все новые порции воздуха снаружи. Через несколько минут дверь была полностью объята сильным пламенем. Огонь уже плясал под потолком, ярко озаряя импровизированную камеру заточения. Воздуха для дыхания катастрофически не хватало, и Данила потратил последние силы на то, чтобы оторвать от матраса несколько влажных лоскутов. Он обернул ими голову и вновь прильнул к окну. Пожар все разрастался и уже начал перекидываться на деревянный потолок. Жар от дальней стены комнаты начинал обжигать руки и лицо Даниле, и парень не на шутку перепугался. Такого эффекта он не ожидал, рассчитывая лишь на локальное возгорание двери.

По ощущениям, прошла целая вечность, хотя на самом деле Данила понимал, что находится в огненной ловушке не более десяти минут. Из-за едкого дыма в комнате уже ничего не было видно. Густые грязно-черные клубы заволокли все видимое пространство, и сквозь них парень безнадежно наблюдал, как огонь, набирая мощь, подкрадывается к нему все ближе. Объятый пламенем потолок уже казался раскаленным настолько, что Даниле пришлось оторваться от спасительной щели ставень и лечь на пол, где практически нечем было дышать.

Как ни странно, но паника уступила место апатии. Наглотавшись дыма, из последних сил хватаясь за ускользящее сознание, парень понял, что в доме он все-таки был один, иначе дверь давно бы открыли. Но это умозаключение не приносило Даниле никаких дивидендов – перейти ко второй части плана и выбить полыхающую дверь он уже не мог, не было сил.

Самым страшным для Данилы было понимание того, что он не теряет сознание. Что, возможно, через несколько секунд он просто заживо сгорит в этом, как ему казалось раньше, «спасительном» пламени. Что ж, такого конца парень не ожидал, но и назвать его трагическим он тоже не мог. В конце концов, вся его жизнь не отличалась спокойствием и размеренностью, а смерть, так или иначе, принесет ему избавление.

Данила улыбнулся этой мысли и успокоился окончательно. Тело уже не чувствовало боли от подкрадывающегося огня. Перед его глазами в последний раз промелькнули лица тех, кого ему посчастливилось вытащить из лап смерти, а последним лицом, всплывшим в его угасающем сознании, было лицо той, кого он успел полюбить за столь короткое время. Это было самое прекрасное лицо на земле. Одними губами он прошептал Свете:

— Прости, я не смогу достроить мост... – и через секунду потерял сознание.

Да где же эта чёртова улица? Воронов уже двадцать минут колесил по глухому дачному поселку. Ни номеров домов, ни тем более улиц на обветшалых заборах обозначено не было. Навигатор с грехом пополам довел его до нужного населённого пункта, но дальше дело застопорилось. По данным, переданным ему айтишниками Сидорова, последний раз телефон Светланы засветился где-то в этом дачном поселке. Сергею даже выслали точные координаты, но на местности они совсем не помогли. Судя по GPS, нужная ему точка находилась в поле, а не на улице Рябиновой, дом 8, как отчитались ему по телефону. Дачный поселок оказался небольшим, так что Воронов решил не терять времени даром и проехаться по каждой улице. Глубокие колдобины вперемешку с наспех вкопанными поливными трубами не давали делать это быстро, так что ему то и дело приходилось сбрасывать скорость до минимальной. Времени было в обрез, и эта последняя ниточка, которую решил потянуть Воронов, грозила вот-вот оборваться.

Свернув на очередную улицу, Сергей уперся в тупик. Развернуться на месте не

представлялось возможным, а потому, скрежеща зубами, Воронов начал медленно сдавать назад. Он так бы и проехал неприметный жестяной забор давно заброшенного с виду участка, если бы не почувствовал в салоне легкий запах гари. Костер? Шашлыки? Да мало ли кто чего мог на даче палить. Но, повинувшись интуиции, Сергей всё же остановил машину и вышел проверить. На улице стояла теплая безветренная погода, признаков дачной жизни поблизости не наблюдалось. Да и лучше ощущавшийся на улице запах гари никак не тянул на пикник – пахло отнюдь не шашлыками. Сергей отошел на несколько метров в рощицу, вдоль которой тянулась улица, и попытался оценить обстановку под другим углом. Источник неприятного запаха сразу же локализовался за забором напротив. Ровный столб дыма аккуратной змейкой уходил в небо. Воронов подбежал к высокому забору и, с трудом ухватившись за его край, подтянулся. На участке никого не было, а вот деревянный дом в самом его конце был объят клубами сизого дыма. Определённо, на совпадение этот факт не тянул. Холодок пробежал по спине Сергея — неужели не успел? Господи, неужели они пошли на мокруху? На церемонии с вызовом пожарных у него времени не было, так что мужчина решил действовать самостоятельно. Усевшись за руль своей старенькой «Лады», он сдал назад, а затем, резко газанув с места, направил автомобиль прямым ходом в ворота. Не выдержав сильного удара, те распахнулись вовнутрь лишь наполовину, но этого пролома оказалось достаточно, чтобы Сергей смог проникнуть на участок. Дом оказался деревянным, и почти вся его задняя часть уже была объята жарким пламенем. Все окна в доме были наглухо закрыты ставнями, но наблюдательный Воронов заметил на одном из них небольшой лоскут ткани. Ни капли не сомневаясь, что это знак, он прикинул, как бы открыть этот стальной капкан. Решение пришло само собой. Он быстро сбегал в машину и достал из багажника стальной буксировочный трос. Один конец он привязал к ручкам ставней, другой наспех прикрепил к корпусу своей машины. Мотор послушно взвыл, и Воронов одним резким движением выломал целую оконную раму. Из-за ворвавшегося внутрь помещения свежего воздуха пламя начало усиливаться, и из верхней части окна уже показались длинные языки огня. Не медля ни секунды, Сергей накинул свою косуху на голову и, лихо подтянувшись за подоконник, ввалился внутрь дома. Наткнувшись на что-то мягкое под ногами, он на ощупь схватил безвольное тело и буквально выбросил его наружу, а следом выпрыгнул и сам. По одежде и опаленным волосам он узнал Данилу. Броситься в пекло второй раз он уже не смог, жар из окна был настолько сильным, что просто не давал приблизиться к дому даже на несколько метров. Оставалось уповать на чудо и надеяться, что Светы в доме просто не было в момент поджога. Благо, его подозрения на её счет позволяли так думать, но до конца он уверен не был, а потому, отгаскивая Щеглова к машине, он не мог не повторять про себя единственную молитву, которую знал.

Отдышавшись, Воронов проверил, жив ли Данила. Парень редко и тяжело дышал, пульс тоже прощупывался. Получается, его подожгли не так давно. Странно, в таком случае Воронов наткнулся бы на тех, кто это сделал. Но в течение нескольких минут, что он провел в поисках нужного дома, ему не встретилось ни одной машины. Ладно, разберемся с этим позже, подумал Воронов. Прежде всего необходимо было привести парня в чувство.

Капитан Сидоров выключил телефон и положил его во внутренний карман кителя.

— Пожарные сообщили, что в сгоревшем доме никого не было.

Воронов с облегчением выдохнул. В больничной палате вовсе не было холодно, но до этого момента его все время была мелкая дрожь. Теперь картина вырисовывалась менее трагичной, но и позитивной ее тоже назвать было нельзя. Все сходилось, Света явно была замешана в этом деле. Рассказывать Сидорову о своих умозаключениях Воронов не стал, хотя понимал, что его друг мог и сам сделать те же выводы, что и он.

— Как будем действовать? — тихо спросил капитан.

Воронов перевел взгляд на Данилу. Парень лежал под капельницей, все ещё без сознания, на его лице была кислородная маска. Врачи сказали, что его жизни уже ничего не угрожает, нужно лишь время на восстановление. Ожогов дыхательных путей, по-видимому, Данила чудом не получил, да и дышал самостоятельно, так что Воронову ситуация казалась сложной, но не безнадежной.

— Нужно дождаться, пока парень очнется, — начал он, — затем допросить его, — что видел, что узнал. Этим я могу заняться сам. Ты же проинструктируешь своих архаровцев.

Сидорову не понравилась идея друга, но озвучивать вслух свое недовольство он не стал. Ему тоже хотелось присутствовать на допросе.

— Что же я должен внести в свои инструкции?

Воронов встал и подошел к окну. Москва утопала в холодной ночи. Глядя на многочисленные огни мегаполиса, Воронов произнес:

— Вов, я видел, как этот парень работает. Такой участи не пожелаешь и врагу. Если они планируют провести все пять смертей в один день, нам придется туго, и далеко не факт, что мы сможем спасти хотя бы двоих. Так что мне нужны все твои люди.

— Так каким ты видишь решение?

— Как и в прошлый раз, я буду следовать с ним по следу. Он будет искать, затем указывать на клиента. К клиенту мы приставляем твоих людей, и дальше его жизнь будет зависеть от них. А мы, тем временем, будем искать следующего. И так до тех пор, пока не соберём стрит.

— Да уж. Какой-то смертельный покер получается, — пробормотал Сидоров.

— Не смешно, — отозвался Сергей.

— Ты первый начал.

Следователь попрощался и удалился к себе в отделение, инструктировать команду. А Воронов, усаживаясь на неудобный больничный стул с расшатанной спинкой, принялся думать. Вопросов в его голове было куда больше, нежели ответов. Было очевидно, что его родная племянница замешана в этом гнусном деле. Но какую именно роль она играла в преступной схеме, Воронов понять не мог. Она могла выступать как связующее звено между бандитами и профессором, а могла и сама быть в роли исполнителя, то есть подводить бедолаг к последней черте. Хотя на счет последнего Сергей был не уверен — не факт, что Света обладала такой квалификацией. Также оставалась не ясной роль и судьба профессора Филюшкина. Он мог быть как исполнителем, так и организатором всей кампании, не исключалась и версия шантажа. Воронов не мог принять мысль о том, что взрослый, состоявшийся во всех сферах жизни человек мог пойти на столь авантюрный шаг. Также

Сергей обдумывал и этот странный ход противника. Зная, что полиция уже идет по следу и, более того, практически наступает на пятки, вывести игру на новый уровень и пуститься во все тяжкие? Нет. Очевидно, тут была более тонкая игра. На их месте Сергей уже улепётывал бы из страны со всех ног, а они сделали все в точности наоборот.

Еще одна мысль не давала покоя Сергею. По сути, Данилу он нашел только благодаря телефону Светланы. Она знала, против кого играет. И достоверно знала, какими возможностями обладает её дядька, какими методами пользуется в работе. Он сам всему этому учил её. И, тем не менее, она не расставалась со своим телефоном до последнего. И к тому же, оставила его там, где они прятали Щеглова. По всему выходило, что она сама хотела, чтобы его нашли. Тогда зачем нужно было поджигать дом?

Самый же страшный вопрос Воронову пришлось обдумывать последним пунктом. Что ему делать со своей племянницей, когда они с капитаном накроют эту шайку-лейку?

В этот момент Данила пошевелился, издал тихий протяжный стон и открыл глаза. Сергей привстал.

— Тихо, парень. Лежи, тебе не нужно пока вставать, — как можно мягче сказал он.

Данила ощупал лицо руками – кислородная маска, видимо, давила. Он попытался ее стянуть, но резинки ему мешали. Воронов помог Щеглову и снял с него маску. Убедившись, что это никак не отразилось на его самочувствии, он отложил ее на столик и подкрутил ручку подачи кислорода. Шипение смолкло, и в палате стало совсем тихо. Данила взглянул на Сергея пустым, отстраненным взглядом. Ощущение было таким, будто ему не хотелось возвращаться к реальности.

— Как вы нашли меня? — осипшим голосом выдавил из себя Данила.

— Это длинная история, парень, лучше скажи, что произошло там в доме?

— Ее забрали, — так же тихо произнес Данила, — она ни в чём не виновата.

— О чем ты? — удивился Воронов.

— Она ни в чём не виновата, слышите? Я точно знаю!

Щеглов возбужденно приподнялся в кровати, но Воронов положил свою руку ему на грудь и не дал сесть.

— Я знаю, я очень надеюсь выяснить всё. Ты должен помочь мне в этом. Мы должны ее спасти.

— Спасти... — как-то отстраненно произнес Данила. — Спасти... Нет. Мы должны...

Данила напрягся, словно силясь вспомнить что-то.

— Мы должны... Я должен... Мост. Я должен достроить мост.

Воронов ничего не понял.

— Какой мост? — Сергей решил, что парень все еще не пришел в себя, что он бредит, и вновь постарался успокоить его.

— Все хорошо. Достроим. Успокойся.

Данила помолчал немного, обвел палату взглядом, и в его глазах вновь мелькнула какая-то мысль.

— Её увезли! Перед тем, как я поджег...

— Что поджег? Дом поджег ты? — изумился Воронов.

— Да. Я поджег его... Хотел... — парень вновь закатил глаза и провалился в беспамятство.

Воронов не стал пытаться его дальше. Натянув кислородную маску Даниле на лицо, он вновь прокрутил в голове его слова. Значит, поджег устроил он сам. Зачем, было не совсем

понятно, но зато теперь было ясно, что Светлана не желала ему смерти. Она хотела, чтобы его нашли, и потому оставила в доме свой телефон. Ситуация становилась всё более запутанной. Зачем ей нужно было оставлять в живых свидетеля, да ещё и явно наводить на него своих преследователей?

Воронов обдумывал эти вопросы до поздней ночи. Данила больше не приходил в себя. Несколько раз к его постели подходил дежурный врач. Всё это время Воронов не отходил от Щеглова. Уже начав клевать от усталости носом, он вдруг вскочил с чётким и ясным пониманием всей картины. Как же он сразу не догадался?

Сергей вышел из палаты и набрал Сидорова.

— Вов, я понял. Они не жадные, это отвлекающий маневр. Они знали, что нам понадобится бросить все силы на спасение их клиентов, и за ними никто не увяжется, ну или хватка ослабнет.

— Есть логика, — согласился капитан. Я свяжусь с аэропортами и вокзалами, разошлю ориентировки. Спасибо, Серега. Есть еще новости? Как парень?

— Пока спит. В себя приходил, бредил, я так ничего и не понял, — сказал Воронов, — я с ним до утра останусь, а вы наготове будьте. Если завтра тот самый день, парень ночью может это почувствовать. Я дам знать.

— Хорошо. Отбой.

Сергей положил трубку и вернулся в палату. Какой бы ни оказалась следующая ночь, с Щеглова он теперь глаз не сведет.

Данила стоял на краю недостроенного моста через озеро, крупные капли дождя били его по лицу. Насквозь мокрая футболка липла к телу, сковывая дыхание. Ему было очень холодно, крупная дрожь то и дело пробегала по всему телу. Они смотрели друг на друга, не шевелясь. Он – на мосту, она – на другом берегу. Их ничего не связывало. У них не было единого прошлого, а в настоящем их разделяла целая пропасть. И Данила понял, что эта пропасть между ними не позволит свершиться их совместному будущему. Он протянул свою руку к ней. Она стояла недвижима, невозмутима, недосягаема. Её лицо не выражало никаких эмоций. Она постояла с минуту, затем развернулась и пошла прочь, постепенно исчезая за пеленой дождя, а Данила так и остался стоять на краю моста, протягивая к ней руку. Слезы на его лице, смешиваясь с каплями дождя, горькой правдой жгли его сердце. Он пытался кричать, но не смог извлечь из себя ни единого звука. И чем сильнее он кричал, тем слабее становился. Немой крик так и остался не услышанным. Она ушла.

Кто-то тряс его. Причём, судя по болезненным ощущениям, тряс уже давно, буквально вырывая его из цепких лап кошмарного сна. Данила проснулся и обнаружил себя в палате, над ним склонился Воронов. Крайне озабоченное, если не сказать испуганное лицо Сергея дало понять Даниле, что разбудить он его пытается уже достаточно долго. Как и во сне, Данила был весь мокрый, правда, наяву это был его собственный пот. Глаза горели от продолжительного плача. Данила попытался приподняться в постели. Сердце выдавало трель, а виски пульсировали с такой силой, что, казалось, голова вот-вот разорвется на части. Данила посмотрел на Воронова и, сам того не ожидая, расплакался. Он не мог сдерживать подкатывающие волны рыданий, грозящих перерасти в истерику. Он понял, что сегодня это произойдет снова. Причем так плохо ему еще никогда не было. Воронов смотрел на него, и в его глазах Данила прочел всё, что тот хотел ему сказать.

— Их будет много? — слезы перестали душить Данилу так же резко, как и подступили.

Воронов утвердительно мотнул головой.

— Пятеро. Но на этот раз ты не один, парень.

— Нам надо спешить, — отрезал Данила и встал. Никогда прежде он не испытывал столь сильной решимости действовать. Паника отступила, и он понял, что на этот раз ему верят. Что теперь все будет по-другому.

Воронов помог ему одеться, и они быстро покинули отделение. «Под мою ответственность», — громко крикнул он вставшему было на их пути дежурному доктору и отодвинул его в сторону, словно мешавшую мебель. До метро они ехали не больше десяти минут и, когда подъехали, часы показывали начало шестого утра. По пути Воронов отзвонился капитану и объявил полную боевую готовность. Сидоров пообещал перехватить их на кольцевой.

Спускаясь в подземку, Данила ощущал небывалый прилив сил. Его внутренняя решимость и присутствие Воронова рядом вселяли необъяснимую уверенность в полном успехе. Данила не чувствовал ни усталости, ни боли. Он сконцентрировался на своих ощущениях и, чем ближе они подъезжали к кольцевой линии, тем яснее становилось осознание важности его миссии. Впервые в жизни он понял, насколько важно было его присутствие в этом мире. Короткая пробежка на пересадку, и они уже мчались в полупустом вагоне по кольцу. Внимательно вглядываясь в черноту тоннеля, Данила давал четкие указания Воронову о том, как именно должны были действовать люди Сидорова. Важно было не трогать объект до самого последнего момента. Только когда тот решался на последний шаг, его стремление уйти из жизни полностью пропадало. Данила не знал, как именно это работает. Возможно, лишь в последний роковой момент в сознании самоубийц обрывалась та связующая нить между жизнью и стремлением к смерти, лишь на пике сильнейшего эмоционального стресса они могли выключить этот страшный механизм саморазрушения.

Воронов быстро передавал полученные указания Сидорову и уже через несколько станций с облегчением заметил, что к ним присоединилось несколько человек из группы капитана. Спустя час с начала охоты Данила заметил первый след, уходящий в сторону от кольцевой. Им пришлось потратить еще несколько минут на то, чтобы вернуться на станцию назад и сделать пересадку на радиальную ветку. След становился все ярче по мере их приближения к цели и, уже ближе к концу ветки, Данила выскочил на перрон. Оглядев платформу, он, не колеблясь, направился в её начало. Первой жертвой оказалась сухонькая старушка, которая мирно сидела на скамейке. Ее тело было окутано нежно-розовой вуалью средней интенсивности.

— У нее есть еще двадцать минут, — уверенно произнес Данила, указывая на женщину рукой. Воронов продублировал указание и приставил к старушке двух оперативников. Те разместились на платформе таким образом, чтобы один прикрывал подход к путям, а второй оставался позади объекта. Убедившись в том, что парни обеспечили первой жертве полное наблюдение, Данила с чистой совестью шагнул в первый же поезд в направлении центра, и охота продолжилась вновь.

— Как ты узнаешь, сколько времени осталось? — выкрикнул Воронов.

— Когда я натыкаюсь на жертв, я вижу их окутанными туманом, — прокричал в ответ Данила. — Эта дымка обычно теплых цветов, и чем цвета насыщеннее, тем ближе клиент к смерти. А перед самым прыжком цвет меняется на грязно-серый, так я и понимаю, что именно в этот миг произойдет самоубийство.

Сергей не стал углубляться в эти тонкости, поскольку не смог представить себе

человека в тумане, да еще и определенного цвета. Он просто кивнул Даниле и больше не стал отвлекать его от работы.

Следующий след Данила заметил в переходе на станцию «Таганская». След был бледным, почти невесомым, но точно вёл на кольцо. Мужчины пустились в погоню. Четко определив направление, они уверенно шагнули в прибывший поезд, но, проехав всего две станции, во встречном составе Данила заметил более яркий и четкий след. Ориентируясь на интенсивность смертельной метки, Данила решил, что новый суицидник был в большей опасности, чем тот, за которым они следовали прежде, и вышел из вагона. Стараясь не терять первоначального следа из вида, Данила быстро перебежал на соседний путь и уверенно двинулся за более яркой полосой. Расчет оказался верным, и уже через две станции они стояли позади мужчины, который, растеряно озираясь, стоял в самом центре платформы. Действие повторилось, и к новой жертве также были приставлены двое страхующих.

В этот самый момент на телефон Воронова пришло сообщение от дежурного по пультовой. Всё это время он наблюдал за первой жертвой через монитор видеонаблюдения за станцией и, как только стал ясен исход, прислал короткое сообщение: «Первая спасена». Воронов показал Даниле сообщение, и оба переглянулись так, словно от этой информации зависела вся их жизнь. Данила не смог сдержать улыбку и почти вприпрыжку бросился по старому следу, уже не боясь оставить на оперативников новую жертву. Пока они гонялись за вторым суицидником, след третьего стал настолько сильным, что Данила не на шутку перепугался. В голове тут же родилось сомнение, правильно ли он поступил, предпочтя более сильный след тому, который, судя по интенсивности окраски, теперь мог перевалить пятиминутный рубеж. На этот раз Даниле повезло, третий также предпочел уйти из жизни на кольцевой линии. Реши он перейти на любую радиальную ветку станции «Киевская», то не оставил бы себе ни малейшего шанса на спасение. Поезда на этих ветках шли с длинными интервалами и двигались гораздо медленнее, Данила просто не успел бы доехать до него. А так он выбежал как раз перед прибытием смертельного состава и, на глазах изумленного Воронова, собственноручно в самый последний момент выдернул бедолагу из лап смерти.

Воронову стало не по себе, когда он осознал, что Данила успел буквально впритык. Замешкайся они с той предыдущей жертвой, и этот был бы уже нежилец. Под рубашкой Сергея выступил холодный пот. В этот самый момент он понял, что нервы его находятся на пределе. Он боялся даже представить себе, что мог чувствовать в эту минуту Данила, но парень казался абсолютно спокойным. Словно уверенный в своих силах боец перед поединком, Данила был собран и сосредоточен на происходящем. Они уложили третьего спасенного на пол, Сергей жестом подозвал к себе следовавших за ними по пятам оперативников и приказал им остаться с рыдающим навзрыд мужчиной. Данила тут же вскочил на ноги и побежал к прибывающему поезду.

Четвертый след им пришлось искать целых три часа. Они без усталости колесили по различным веткам, то и дело меняя направление. Интенсивная беготня по бесконечной паутине переходов выматывала Сергея, но, памятуя об их последней неудаче, он старался отгонять от себя мысли о собственной слабости. Каждый новый переход давался ему с всё большим усилием, но мужчина мужественно терпел. Его раздражала собственная слабость. Он понимал, что Даниле не легче, но на его лице он не видел ни тени досады. Все его действия были полны решимости и исполнены железной воли, и лишь по его напряженному лицу можно было понять, насколько трудным был его промысел. И Воронов терпел. Терпел

изо всех сил, стараясь своим видом внушать уверенность Щеглову.

С каждым проходящим часом передвигаться в нарастающем пассажиропотоке было все труднее. Приближался час пик, и к тяжелой необходимости поспевать за Данилой Воронову добавилась новая — не терять из виду людей Сидорова. Он боялся, что оставшиеся двое самоубийц решат сделать последний шаг одновременно, а при таком раскладе им было просто не обойтись без помощи ребят капитана.

Не обращая внимания на медлительных пассажиров, Данила методично прочесывал метрополитен. Он стремительно менял направления и выстраивал маршруты, руководствуясь только ему одному понятной логикой. Воронов не отставал, хотя Данила и видел, как ему было тяжело выдерживать заданный темп. Ближе к часу дня Данила, наконец, заметил очередную слабую полосу следа, извивавшуюся в направлении красной ветки. Они быстро пересели на сокольническую линию и направились в сторону станции «Саларьево». Красная ветка всегда нравилась Даниле. Она совмещала в себе множество плюсов — это и удобные переходы, и обилие направлений в центре. Ему нравилось, что поезда на этой линии двигались с максимальной скоростью, и при этом интервалы между ними не превышали одной-двух минут. На Парке культуры вышла большая часть пассажиров, и вагон стал гораздо свободнее. Воронов огляделся и с досадой обнаружил, что их помощники все же отстали. Он сказал об этом Даниле, но тот, на удивление, отреагировал довольно спокойно.

— Ничего, нас двое. По одному на каждого клиента, — сказал он. — Я покажу тебе первого, а сам отправлюсь на поиски второго.

Других вариантов у них не было, и Воронов был вынужден согласиться с этим планом. Они благополучно добрались до станции «Тропарёво», где Данила без труда вычислил очередную жертву — немолодую женщину, сиротливо примостившуюся под красивым металлическим деревом станции. Данила прикинул время и, убедившись, что у них есть еще несколько минут, стал давать указания Сергею.

— Скорее всего, она выберет путь из центра. Тут скорость составов еще высокая, а в центр они выползают еле-еле. Твоя задача...

— Я все сделаю, — перебил его Воронов, — не теряй время. Ищи последнего!

Сергей сунул ему в руку свой телефон, чтобы не терять с ним связи. Воронов знал, что за ним в скором времени приедут отставшие оперативники, так что сам он остаться без связи не боялся.

Данила кивнул и побежал на подоспевший поезд в сторону центра.

Оперативники Сидорова прибыли раньше времени, женщина все еще продолжала сидеть без движения. Воронов знаком показал приближающимся к нему парням, что справится сам. Те покорно отошли в сторону. Без лишней нервозности, конечно, не обошлось. В отсутствие Данилы с его способностью предчувствовать «тот самый» момент Сергею было некомфортно ожидать развязки. Оставалось лишь внимательно следить за жертвой и держать себя в полной боевой готовности. Но все прошло без сучка, без задоринки. Воронов, уже не раз наблюдавший за действиями Щеглова, выполнил всё в точности так, как он. После того как женщина оказалась в безопасности, Сергей передал её одному из подопечных капитана, второй же подошел к нему и коротко сообщил последние вести от своего начальника.

Оказалось, что Сидоров не планировал сидеть сложа руки, полностью полагаясь на сверхспособности Данилы. Имея на руках имена потенциальных жертв, он, со своей стороны, организовал оперативно-розыскные мероприятия по всему метрополитену и по описанию сумел вычислить последнюю, пятую жертву. Воронов позаимствовал телефон у молодого оперативника и быстро набрал Даниле. Телефон оказался вне зоны действия сети. Воронов перезвонил Сидорову и, убедившись, что последний клиент уже в руках опытных психологов, попросил его помочь найти Данилу, который при таком раскладе с ног собьется в поисках уже не существующей жертвы.

Данила вздрогнул. Уже не первый раз он замечал за собой, что проваливается в сон. Сказывалось моральное напряжение, в котором он находился в последние дни. Плюс, давала о себе знать физическая усталость еще не восстановившегося после пожара организма.

Данила взглянул в окно. Поезд только начал движение, и он успел различить на стене название станции. Ехать до кольца было не так долго, и, чтобы не уснуть окончательно, парень решил встать и пройтись по вагону. Несмотря на это, томная усталость обволакивала его сознание, а в голове, словно тени из тумана, начали появляться невнятные образы. Мысли не хотели сосредотачиваться в одной точке, хотя Данила осознавал, что работа еще не выполнена, что он еще должен найти пятого. Он примостился возле двери, проигнорировав надпись «не прислоняться». Перед ним замелькали станции, переходы, яркие вспышки ламп в темных тоннелях. Громкий скрежет металла, сопровождающий состав при каждом повороте извилистого пути, отошел на второй план.

Внезапно перед глазами возник образ Светланы. Далёкий, туманный, но достаточно чёткий для того, чтобы пробудить в нем её последние слова. Достроить мост. Что же она имела в виду? Данила проигрывал в голове последние минуты, которые они провели в доме, где их удерживали. Но, не найдя в них ни единой зацепки, начал копаться в памяти еще глубже. Он вспоминал вечера у озера, что они проводили вместе. Станным образом вспоминалось не все, а только отдельные обрывки их бесед. В основном, ни о чём конкретном. Она рассказывала ему о себе, о своем прошлом. Об удачах и фиаско, которые выпадали на её долю. Но Данила припоминал, что на этих сеансах он гораздо больше рассказывал о себе. До знакомства с ней он никому так много не позволял узнать о своей жизни. И, чем больше он рассказывал, тем ближе она ему казалась, тем больше он ей доверял. Он начал припоминать и то ощущение полного опустошения после сеансов гипноза

со Светой. После них он не чувствовал ни тревог, ни боли, ни ощущения полной безысходности, которые преследовали его последние годы. И это чувство было самым чистым его воспоминанием. Никогда прежде он не ощущал себя столь ранимым и безоружным, в ее руках он был словно младенец — открытый, безропотный, всецело ей доверяющий.

Данила глядел в окно, припав щекой к холодной стали поручня. Мимо проносились станции, полные людей. Сигнальные огни и лампы освещения тоннеля оставляли в сознании лишь длинные полосы пустоты, стирая прежние границы реальности. Вся суматоха гигантского города оставалась там, снаружи. Данила впервые смотрел на мир столь отрешенным взглядом. Взглядом человека, безразличного к мирской суете. В голове остался лишь образ Светы. Где она? Куда теперь она пойдет, что будет делать? В этот момент он осознал, на какую жертву пошла она ради него. Она осознанно связалась с душегубами, опустила к ним на самое дно людской алчности, и всё ради того, чтобы разыскать его. Чтобы помочь, открыть глаза на истинное положение вещей. А истина ему теперь казалась до безобразия простой. Он никому ничего не должен. Он не хотел такой жизни и не просил её. Его дар — проклятье. Страшная шутка судьбы, связавшая его по рукам и ногам в этом городе, наполненном бесконечной тупостью. Жизнь дается один раз. И эту жизнь ему приходится проживать не ради себя, не ради своей семьи, которой у него, вероятно, никогда и не будет. Вся его жизнь сводилась к тому, чтобы жили другие. Жили, даже не осознавая, насколько бесценен этот дар. Их глупые проблемы не стоили того, чтобы умереть. Безответная любовь, долги, кредиты, ипотеки, болезни и смерти близких — всё то, из-за чего их скудные умы лишались воли к жизни, казалось теперь Даниле такой мелочью по сравнению с той жертвой, которую ему приходилось приносить ради их спасения. Будь его воля, он не стал бы тем спасителем, на которого теперь уповали тысячи зевак в метро. Что он получал взамен своей жертвы? Ни благодарности, ни регалий, ни работы. Вечный скиталец, единственной наградой которого служили несколько суток спокойствия. И так день за днем, год за годом. Сколько их было за все время? И ни одна душа на свете не знала, что он чувствует, что творится в его душе. Никто не мог понять его. Никто не мог его утешить. Лишь Светлана, словно ангел, услышавший его мольбы, решила протянуть ему свою руку. А теперь она сама стала изгоем в этом мире, ее связь с этими людьми перечеркнула всю её жизнь, погубила её карьеру. Теперь она, как и он — беглец вне закона. И встреча с ним ничего хорошего не привнесла в её жизнь. Он всему виной. Он причина всех её грядущих страданий. Он один виноват в том, что произошло. Имел ли он право принять ее помощь? Почему не подумал о последствиях для нее? Эгоизм затуманил его разум. Надежда на спасение теперь пропала вместе с ней. Без нее он не справится.

Данила давно проехал кольцевую. Где-то в центре он, повинувшись какому-то животному инстинкту, вышел из вагона. Он уже забыл о том, что должен кого-то спасти. Он просто стоял посередине очередной станции. Очередная отправная точка в его жизни. Что он тут делает? Зачем он вышел? Куда теперь идти? Достроить мост. Он должен достроить мост.

Данила огляделся и не поверил своим глазам. Станция, на которой он вышел, была абсолютно пустой. Поезд, привезший его сюда, с глухим шипением закрыл двери и умчался в бесконечность. Колкая тишина повисла в воздухе. Время перестало отсчитывать для него минуты жизни. В голове промелькнула мысль, а не спит ли он? Возможно ли, что посреди бела дня в метро, кроме него, не оказалось ни души? Но станция выглядела абсолютно реальной. Всё те же стены, укутанные мрамором. Всё тот же воздух, насыщенный запахом

шальной пропитки. Те же надписи на информационных табличках. Всё, как всегда, и всё до предела реально. Только теперь он остался один на один с этим монстром, погубившим столько жизней.

Данила сделал шаг, гулкое эхо прокатилось по пустой станции. Нет, это не может быть реальностью. Он закрыл глаза и попытался успокоиться. С минуту он стоял неподвижно, слушая биение собственного сердца. А когда вновь открыл глаза, обнаружил перед ними тонкую струйку невесомого тумана. Бесформенная, голубоватая субстанция повисла в воздухе, слегка покачиваясь. Данила протянул к ней руку и почувствовал приятную прохладу. Вопреки ожиданию, туман не рассеялся. словно принимая его жест за дружеское приветствие, нежная, приятная на ощупь субстанция обволокла его руку своей прохладой. Данила проследил взглядом за следом и понял, что он уходит в самый конец станции, извиваясь, словно ручеек. Он был таким притягательным, таким ласковым, что Даниле захотелось умыться им. Он сделал еще шаг, и его лицо полностью погрузилось в манящее облако. Данила сделал глубокий вдох, и все его сознание наполнилось до боли знакомым ароматом. Он узнал бы этот запах из тысячи, так пахла его мама.

Они с мамой жили одни. Однажды в детстве он сильно заболел, и ей пришлось оставить маленького сына дома, чтобы сходить в аптеку за лекарством. Высокая температура приковала его к постели и он, будучи уже в бреду, начал звать маму, но она всё не шла. Ему казалось, что мамы больше нет, что он навсегда остался один. Из последних сил он выбрался из постели и буквально дополз до маминой кровати. Рухнув на смятую постель он, рыдая, уткнулся в мамину подушку и изо всех сил прижался к ней, вдыхая родной запах. Этот запах он запомнил навсегда.

Теперь же он стоял посреди пустой платформы, окутанный нежно-голубым туманом, и впитывал в себя этот чудесный запах детства. Этот аромат принес спокойствие и благодать в его измученную душу. Он ласкал, укутывал, убаюкивал и манил за собой.

Без тени сомнения Данила пошел по следу. С каждым следующим шагом он ощущал, как всё его тело наполнялось безмятежностью. Увлекаемый этим волшебным туманом, он шел всё дальше и дальше. Позади оставались равнодушные холодные колонны станций, серые переходы, остановившиеся эскалаторы и угрюмые барельефы бесконечных пустых платформ. Чем дальше он заходил, ведомый следом, тем сильнее тот его укутывал. Туман становился всё гуще и гуще и, наконец, превратился в почти осязаемую нежную ткань. Теперь она полностью опутывала его своими чарами. Он был не в силах остановиться. Более того, ему вовсе не хотелось останавливаться. Он жаждал дойти до самого конца, узнать, что ждет его там, куда звал его след. Незаметно для себя он проделал огромный путь по бесконечным лабиринтам подземки и очутился на залитой солнцем платформе. Мысли Данилы окончательно перестали цепляться за реальность. Каким образом он оказался на этой загородной платформе, Данила не помнил. Единственное, что занимало его мысли, был этот чудесный след. Сияя и переливаясь всеми оттенками насыщенного синего, у самого конца платформы след обрывался. Густое, словно кисель, облако теперь полностью укутывало Данилу. Он стоял посреди него абсолютно счастливый и улыбался. Он чувствовал, что облако предлагает ему ту свободу, которую он так жаждал, что оно – его друг. Оставалось лишь принять этот дар, безропотно и с благодарностью. Данила повернул голову навстречу несущейся электричке. У него больше не оставалось сомнений. Туман не мог обмануть. Кто угодно, только не он.

Данила в последний раз полной грудью вдохнул родной запах, запах самой жизни,

улыбнулся и, повинувшись зову тумана, шагнул в бездну.

В ожидании известий от капитана Воронов вышел из метро на улицу. Неподалеку был большой парк, Сергей явственно ощущал его свежесть и решил пройтись. В городе уже неделю царил почти зимний холод, но, несмотря на сырость и ветер, ему было жарко. Адреналин погони никак не хотел отпускать мужчину, и тот, погружившись в свои мысли, медленно брёл в сторону леса. Судя по всему, на этот раз удача оказалась на его стороне. Никто из потенциальных жертв не погиб, но даже эта мысль никак не могла заглушить тревогу в душе Сергея. Что делать со Светой? Вот какой вопрос теперь стоял на повестке дня. Сидоров не дурак, и если ему ещё не доложили, то в скором времени это произойдет. Светлана была заодно с этими тварями. На записи видеонаблюдения, предоставленной ему информатором, было чётко видно, что в момент убийства она спокойно стояла рядом с Данилой и наблюдала, как его кто-то бьёт электрошокером. Конечно, её участие в этом деле ещё нужно будет доказать, но, так или иначе, Сидоров не сможет закрыть на этот факт глаза. К тому же, всё усугубляется тем, что она теперь, как и ее новые друзья, скорее всего, пустилась в бега.

Воронов прошел по узенькой тропинке мимо заправочной станции и свернул ко входу в парк. Он на секунду остановился, пропуская проезжающий по прилегающей дороге автомобиль, но тот как назло перегородил ему путь. Воронов хотел было обойти машину, но тут обратил внимание на водителя и буквально окаменел. За рулем была Света.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Воронов не мог вымолвить ни слова, поскольку был сильно ошарашен внезапным появлением племянницы. Такого шага от неё он никак не ожидал. Но больше всего бывшего сотрудника органов поразила её взгляд. Её глаза больше не выражали той живой радости, которую привык в них видеть Сергей. Это были глаза человека, повидавшего в жизни немало горя. Она смотрела на него холодно, как бы отрешенно. Ни капли сожаления, ни капли раскаяния. Она не могла не знать о том, что Воронов догадывается о её причастности к этому мерзкому делу. Но при этом выдавший виды мужчина не мог обнаружить в её взгляде ни намека на осознание вины.

Воронов припомнил, что однажды уже видел у племянницы подобный взгляд. Тогда он боялся, что потеряет и её. И дело было даже не в том, что она разом потеряла обоих родителей в автомобильной катастрофе – с некоторыми вещами можно свыкнуться и продолжать жить, даже если это ужасная трагедия. Но с одним Света не могла смириться: виновник аварии остался безнаказанным. Его положение и деньги превратили судебное разбирательство в фарс. Несколько сухих сводок в СМИ тоже не принесли ожидаемого эффекта. Подсудимый был полностью оправдан и освобожден из-под стражи прямо в зале суда. Случись подобное сегодня, возможно, дело приняло бы иной оборот. С развитием сетевой культуры общения общество научилось громко и ясно, во всеуслышание заявлять свои протесты. На просторах интернета свободные, раздраженные социальным неравенством блогеры подняли бы такой шум, что властям уже не смогли бы так просто уйти от ответа. Но дело было в далёких девяностых. Хрупкая, совсем еще юная девочка не могла ничего противопоставить наглой коррумпированной системе. Ничего не мог поделать и сам Воронов, даже будучи следователем. Все его попытки добиться справедливого возмездия привели лишь к служебным выговорам и непрозрачным намекам от начальства, что, мол, не на тех ты руку поднял. Свой личный протест Воронов выразил громким увольнением из

органов. Уходя «по собственному желанию», он не смог отказать себе в удовольствии громко «хлопнуть дверью». Недолго думая, Сергей слил в прокуратуру и газеты имеющийся у него компромат на своего непосредственного начальника. Управление собственной безопасности быстро проглотило наживку, и с плеч полетело несколько голов. Под чистку попали начальник Воронова и несколько его замов. Но на этом вся месть и закончилась. Выше головы, как говорится, не прыгнешь, и Сергею пришлось смириться. Но Света с тех пор так и не стала прежней. Резко повзрослевшая, она вышла из оцепенения, лишь когда нашла себя в своей работе. Он, как мог, поддерживал её все это время и даже решил было, что она вернулась в мир, стала прежним жизнерадостным и веселым ребёнком. Так ему, по крайней мере, казалось.

Но сейчас на Воронова смотрели те же глаза, полные протеста и ненависти к системе. Глаза человека, обретшего силу и возможность бороться. Воронов понял, что рана, нанесенная ей еще в детстве, так и не затянулась, что она кровоточила и жгла её сердце все эти годы, поддерживая в ней огонь борьбы. Из хрупкой девочки она превратилась в умную и расчётливую женщину, которая твердо знала, чего она хочет, и к тому же приобрела некоторые способности и возможности для реализации задуманного. Но сами же цели племянницы оставались для Воронова загадкой.

Света наклонилась к пассажирскому креслу и открыла дверь, приглашая сесть. Воронов огляделся и быстро сел в машину. Девушка резко рванула с места, и уже через пять минут они летели по МКАДу.

— Когда ты догадался? — первой нарушила молчание Света.

Воронов взглянул на нее и с тоской в голосе ответил:

— Когда пропал Филюшкин. Его я подозревал с того момента, как ты подкинула мне идею о том, что самоубийства не случайны. То, что он способен на это, я понял после того, как ты попала в больницу. От вашей глупой выходки подозрения лишь усилились. Сидоров не стал меня тогда слушать, и приставить слежку к нему мы не успели, а разорваться на него и Данилу я не мог физически. Пришлось заняться спасением парня, а уж затем вернуться к профессору.

— А когда он пропал, что ты подумал?

— Решил, что они заматают следы, убирают свидетелей. Но... — Воронов запнулся.

— Но тогда произошел очередной суицид, — продолжила за него девушка.

— Да. Профессор пропал, а смерти продолжились. В тот момент меня кольнуло, что ты — его ученица, и вполне могла бы выполнять ту же работу. Но мысль эта была беспочвенна и родилась, скорее, от безысходности, как маловероятный вариант, который, в то же время, нельзя было исключать полностью.

— И когда же ты понял, что это я?

— Достал видеозаписи с последнего места преступления. Там была ты. Даже не пряталась.

— Ой, как неосмотрительно! — саркастично пропела Света с ехидной улыбкой. Воронов взглянул на нее в недоумении.

— Хочешь сказать, ты засветилась специально?

Света обронила пару «ласковых» слов в адрес подрезавшего их внедорожника и мельком взглянула на Сергея.

— Мне нужно было, чтобы ты стал меня подозревать именно в тот момент. Я знала, что ты начнешь меня разыскивать и первым делом пробьешь меня по телефону. Так ты нашел

Данилу. Иначе его нельзя было вызволить, а вызволять было крайне необходимо.

Сергей ничего не понимал. Мысли со скрипом пытались выстроиться в логические цепочки, но обрывались где-то на полпути. Было очевидно, что его племянница затеяла двойную игру, но итоговый расклад никак не вырисовывался в его голове.

— Вадим Юрьевич не по своей воле работал на них, его шантажировали. Я узнала об этом случайно. Последнее время он вёл себя очень странно. Был рассеян, часто задерживался на второй работе допоздна, иногда заговаривался. Было очевидно, что в его жизни что-то происходит, но от прямых вопросов он уходил и открываться не желал. В один из таких дней он оставил на работе телефон, и на него начали приходить сообщения. Я из любопытства заглянула, а там... В общем, там были указания в ультимативном тоне. Имена и даты. Ничего конкретного, но мне эти сообщения показались странными. Номер не определялся, и долгое время я не могла выйти на людей, с которыми он связался. Как-то раз я стала свидетелем неприятного разговора. Ему позвонили из пансионата для престарелых, где он консультировал. Он вышел из ординаторской, но я все же услышала, что разговор шел на повышенных тонах. Обрато он вернулся раздраженным и ничего не сказал, хотя обычно мы обсуждаем какие-либо спорные вопросы по его работе. Я поняла, где собака зарыта, и стала собирать информацию об этой организации. Несколько раз я следила за Вадимом Юрьевичем и уже через неделю собрала достаточно сведений о тех, с кем он имел дело. Я не учла лишь одного — служба охраны там тоже непростая. Судя по всему, отъявленные головорезы. Меня быстро вычислили, я пару раз замечала за собой слежку. В какой-то момент я даже хотела обратиться к тебе, но они опередили меня. Как оказалось, я давно была в поле их зрения. Профессор начал отказываться от работы с ними, и их шантаж переставал на него действовать. Он даже пригрозил обратиться в полицию, рискуя потерять свободу, лишь бы с семьей ничего не случилось. Тогда в моей голове и созрел этот план. Я хотела вытащить Вадима Юрьевича из их лап и сдать их с потрохами. Для этого я сама пришла к ним в головной офис и потребовала встречи с шефом. Меня встретили так, словно давно ждали.

Света отвлеклась на дорогу, чтобы перестроиться на съезд с кольцевой, и направилась в сторону области. Сергей огляделся. Теперь они ехали по шоссе, которое вело к их даче.

— Что же ты им предложила?

Девушка взглянула на часы.

— Успеваем, — бодро сказала она, скорее себе, нежели Воронову, и продолжила.

— Я предложила им себя. К тому моменту я уже догадывалась, чем именно они там занимаются и зачем им был нужен профессор. Мое предложение их заинтересовало. Я всё представила так, будто мне нужны деньги, а работу Филюшкина я могла бы выполнять сама за небольшой процентик. Единственным условием, которое я им поставила, было полное освобождение Вадима Юрьевича от шантажа. Я была слишком самонадеянна. Мой план казался таким чётким, что я и не подумала взвесить всё ещё раз. Они оказались гораздо хитрее, везде перестраховывались. Со мной тоже решили подстраховаться. Мол, выполнишь первый заказ — отпустим Филюшкина, а нет — убьем. Тогда они его уже похитили и удерживали на той самой даче, где ты нашел Данилу. Сроки они поставили настолько короткие, что я не успела придумать, как отказаться от собственного предложения. Пришлось уповать на то, что Данила и на этот раз сможет выполнить свою работу.

Света скомкала последнюю фразу, видимо, переживая из-за своей оплошности.

— Я думала, раз уж ты теперь с ним, то все пройдет гладко, думала, ты сможешь ему

помочь. Но когда увидела, что натворила... — она опять замолчала.

— Да уж, — выдохнул Воронов, — натворила ты дел изрядно. Ты понимаешь, что человек погиб?

— Да, понимаю! — неожиданно резко ответила Света. — Но и твои хваленые менты тоже всё понимают. Всё понимают, всё знают, а делать ни хрена не делают! Я решила, что если я это не остановлю, то никто и не почешется. Их только свои задницы интересуют и задницы тех, кто им платит. А на остальных им наплевать! Всем на всё наплевать. Хоть полстраны друг друга поубивает, никто не пошевелится.

— Зря ты так, — горько ответил Воронов. — Надо было мне сказать. Мы с Сидоровым уже раскручивали их.

— Да? А где твой Сидоров был, когда маму с папой убили? Сидел сложа руки? Выполнял приказ? Ни хера он не делал, твой Сидоров! Никто ничего не делал! Никто понимаешь? Даже ты ничего не мог сделать!

На глазах девушки выступили слезы. Она, словно досадуя на это, с остервенением вытерла их кофтой и придавила на газ. Какое-то время ехали молча. Затем она продолжила:

— Я была там. Я видела всё. Видела, как тебя били, как Данилу ударили шокером тоже видела. Но сделать уже ничего не могла. У меня и мысли не было, что они организуют целую облаву на вас. Я недооценила их, и лишь в этом моя вина.

Сергей молчал. Он хорошо знал свою племянницу и понимал, что сейчас точно не время взывать к её совести. Сейчас она полностью убеждена в своей правоте. И еще больше он досадовал на то, что понимал — отчасти она права. Если бы не она, Сидоров ещё долго собирал бы трупы под поездами. Она лишь ускорила процесс. Приблизила развязку... Воронов, чтобы как-то вернуть её в русло повествования, спросил:

— Значит, они заставили тебя подводить людей к суицидам, шантажируя жизнью Филюшкина. Что еще они заставляли тебя делать?

Света утерлась рукавом и шмыгнула носом совсем уж по-детски. Маленький и незначительный жест, который, тем не менее, показался Сергею таким милым, таким родным. Он вспомнил её маленькую. Точно так она шмыгала носом, будучи ребенком, когда плакала и жаловалась любимому дяде на свои детские обиды, а он утешал её. Сергей вдруг понял, что перед ним совсем ещё молодая девочка, только со студенческой скамьи. Девочка, попытавшаяся взвалить на свои хрупкие плечи неподъемный груз. Сделать хоть что-то, чтобы мир вокруг стал лучше, справедливее. И делала она это, как могла.

— Им сильно мешал Данила, — перебила она ход его мыслей. — Сам того не желая, он перешел дорогу очень влиятельным людям. Как я поняла, под организацию всего мероприятия шеф взял немаленькую сумму у местных авторитетов, а стараниями Данилы отдавать ее стало нечем.

— Это мы и без тебя поняли, — ответил Сергей. — Они тебя привлекли, для того чтобы разыскать его?

— Нет. Убить.

— Но он жив и почти здоров. Как тебе удалось столько оттягивать этот заказ? Он сегодня спас четверых. И сейчас бегаёт по метро, пятого разыскивает.

— Никого он уже не разыскивает. Я сделала всё, как они велели, — тихо ответила Света и вновь посмотрела на часы. — Через семнадцать минут он покончит с собой.

В отличие от брата, Фунту московское метро всегда нравилось. Стерлинг постоянно ныл, что народу много — не протолкнуться, бомжи на весь вагон благоухают так, что вокруг вакуум образуется, а людям приходится жаться в другом конце вагона друг к дружке, лишь бы оказаться подальше от этого запаха. Фунт же был более сдержан и в подобных вещах умел находить положительные стороны. Подземка представлялась ему своего рода кровеносной системой мегаполиса, в которой люди играли роль эритроцитов. Городу нужны были эти маленькие жалкие клеточки. Каждый по отдельности, они не представляли никакой ценности. Но вот толпа таких людей-клеток — это и есть та самая живительная сила города, которая не давала ему стареть. Такое сравнение макро- и микроорганизмов позволяло Фунту видеть полную картину мироздания. Люди — клетки, Москва — организм. Без клеток организм погибнет, задохнется. Некому будет приносить кислород, в данном случае — деньги. Не будь налогоплательщиков и работников, город загнулся бы за пару месяцев. Задохнулся бы в собственной вони, вдавленный глубоко под землю собственной массой. Людям-клеткам, в свою очередь, был необходим хозяин-организм. Без него их передвижения были бы просто хаотичным набором направлений и путей, город же заставлял их двигаться туда, куда ему было нужно. Миллионы горожан каждый божий день выползали из своих теплых углов и спускались под землю, для того чтобы добраться до ненавистного места, чтобы выполнить там ненавистную им работу, и все ради того, чтобы оплатить свое жалкое существование в этом жирном организме. Платя огромные налоги и снимая безумно дорогое жилье, они в массе своей обрекали себя на бесконечную погоню за призрачным счастьем. Навязанный им образ жизни никак не мог устроить нормального человека, но, вот парадокс, большинство из них даже не догадывались, что они всего лишь средство для поддержания жизни чужого организма. Некоторые из них барахтаются более интенсивно и, при хорошем раскладе, через несколько лет исправной службы и выплат дани обретают свободу в виде маленьких железных коробочек — автомобилей. Мнимая свобода обрекает их на бесконечные пробки и еще более масштабные поборы в виде транспортных налогов, штрафов, платных парковок и беспрестанно дорожающего бензина. Особо нетерпеливые клеточки даже умудряются ввязнуть в кабалу кредитов ради такой свободы. И опять парадокс — становятся счастливее. Мнимое счастье, приобретенное на деньги, которых ты еще не заработал, но, тем не менее, бесконечно греющее душу и тешащее самолюбие.

Фунт смотрел на всех этих людей-клеток с жалостью и восторгом одновременно. С одной стороны, подобная эксплуатация людей городом была ему противна. Но, если посмотреть на это с другой стороны, становилось понятно, что насильно никто никого не держит. Никто не приглашал этих глупых клеточек бегать сломя голову в поисках счастья в этом огромном железобетонном организме. Никто, в конечном итоге, не держит их и после того, как они приехали в мегаполис. Хочешь свободы — собирайся и вали себе обратно в селезенку или печень, не важно, откуда ты там родом. Но нет же, будут сидеть тут, в сердце страны, и накачивать своим почти бесплатным трудом его и без того непомерно раздутые потребности. Фунт восхищался этим фактом. Каким же нужно быть гением, чтобы одурачить сразу столько людей?!

Себе же он отводил роль лейкоцита — небольшой иммунной клетки, борющейся по мере сил своих с клетками, «прущами» против системы. Такой вот уродской клеткой, по его

мнению, и был объект его слежки. Фунт уже два часа следовал за этими двумя отбившимися от рук эритроцитами. Щеглов и Воронов, будто заведенные, бегали по всей подземке и всячески мешали его организации нормально зарабатывать. Команды действовать Фунт не получал, и его заданием на сегодня было проследить за маневрами этих двоих, по возможности, не попадаясь им на глаза. Чем он, собственно, и занимался. Меняя образы, словно в театре одного актера, он следовал за ними буквально по пятам. Видел чудесное спасение одного, затем другого суицидника. Сменил образ – быстро снял парик, вывернул двухстороннюю куртку наизнанку и нацепил кепку с дурацкими клапанами для ушей. Затем продолжил слежку. После спасения третьего опять на ходу сменил образ, теперь он был инженером в очках и с усиками. Сумка через плечо, битком набитая реквизитом для смены внешности, позволила ему оставаться незамеченным на протяжении всего дня. Несколько раз Фунт невозмутимо ловил на себе взгляд Воронова, но тот, видимо, так и не почувял слежку, чем сильно потешил его самомнение как актера.

Чем дальше длилась слежка, тем сложнее было оставаться незамеченным. Особенно трудно было на станции «Тропарёво», где народу было мало по сравнению с центром, в котором затеряться в толпе глупых эритроцитов не составляло большого труда. Но тут случилось маленькое чудо – объекты слежки разделились. Следить за Вороновым команды не было, и Фунт с легким сердцем отправился следом за Щегловым. План шефа был до безобразия простым. Стерлинг остался с профессором Филюшкиным и по звонку должен был привести его на встречу с Данилой в указанное время и место. Фунт же должен был проследовать за этой занозой в заднице и, убедившись в том, что работа самонадеянной девчонки выполнена, убрать обоих.

Капитан Сидоров заметно нервничал. Служебная «Волга» захлебывалась, выдавая максимум своих сил, но, несмотря на все старания водителя, к цели они двигались, казалось, медленнее черепахи. Телефон Воронова по-прежнему не отвечал. Анонимная наводка застала его врасплох аккурат после того, как он отчитался перед начальством о проделанной за день работе. В сообщении был адрес загородной железнодорожной станции, и, судя по всему, именно там ожидалась развязка всей этой запутанной истории. Кому-то удалось собрать в одном месте почти всех её участников, включая и самого организатора. Номер, с которого пришло сообщение, не определился. Сидоров, конечно, догадывался, кто именно скинул ему эту наводку, но убедиться в своих догадках не имел возможности, так как времени было в обрез. Он поминутно заглядывал в смартфон, оценивая шансы успеть вовремя. Время от времени ему приходилось подгонять уставшего сержанта, но тот и без того выжимал из бедной машины все соки.

На место прибыли минут за десять до назначенного времени. Капитан оставил подчиненного у одного из входов на платформу, а сам побежал к дежурному по станции, чтобы отдать несколько распоряжений. Наконец он вышел на перрон. Огляделся. Платформа была почти пустой. Днём в сторону области двигалось не так много пассажиров, да и станция, судя по всему, была второстепенной, многие электрички проносились мимо неё без остановки.

Мелкий дождь, накрапывавший весь день, закончился, вышло солнце и осветило безлюдную платформу. Капитан властно забарабанил в дверь билетной кассы. Сунув в нос кассирше удостоверение, он попросил её удалиться с платформы, а сам занял ее место в тесной каморке. Теперь его взору открывалась вся панорама, а его самого можно было

заметить, лишь вплотную приблизившись к его убежищу. Сидоров закурил.

Ждать пришлось недолго. Не успел он выкурить сигарету, как прибыл первый участник действия – из подошедшей электрички медленно вышел Щеглов. Парень огляделся по сторонам, словно изучая обстановку, но, не заметив ничего интересного для себя, зафиксировал свой взгляд на какой-то дальней точке перрона. Словно замороженный, покачиваясь, он прошел мимо временного убежища капитана, не замечая его. Сидоров обратил внимание на взгляд молодого человека. Его глаза не выражали ничего. Полная пустота и безразличие ко всему. Парень подошел к самому началу платформы и встал в опасной близости к краю. Капитан хотел было окликнуть парня, но, приоткрыв форточку кассы, заметил двух мужчин. Видимо, они зашли на перрон с другой стороны и теперь стояли метрах в десяти от Щеглова, не приближаясь к нему. В одном из них Сидоров узнал профессора Филюшкина, а, стало быть, второй был его надзирателем. Профессор выглядел подавленно. Поминутно озираясь по сторонам, он все чаще утыкался взглядом себе под ноги. Видимо, от него не стали скрывать его истинную роль на сегодняшнем спектакле — роль жертвы.

Спустя минуту платформа вновь опустела. Последние пассажиры, прибывшие вместе с Данилой, разбежались по своим делам, остались лишь участники спектакля. Сидоров сосредоточил свое внимание на происходящем, стараясь не упускать из виду ни Щеглова, ни профессора с надзирателем. Спустя еще минуту мимо капитана вальяжно прошагал грузный мужчина в дорогом костюме. За ним, шагах в пяти, шёл парень. Ни тот, ни другой не обратили на Сидорова никакого внимания. И так, почти все в сборе, оставалось дожидаться Свету, но вскоре на платформу прибыла и она. Лицо капитана омрачилось, когда он увидел, что за ней следом идёт Воронов. Он-то здесь какими судьбами? Участие старого приятеля стало для капитана полной неожиданностью, скорее, даже неприятностью, поскольку такой поворот сюжета его игре мог лишь навредить. Ладно, подумал капитан, посмотрим, чем дело кончится.

Выходя на платформу, Воронов обратил внимание Светланы на знакомого сержанта, дежурившего возле входа.

— Видимо, Сидоров уже прибыл. Это ты вызвала его?

— Да, я отправила ему сообщение. Без его архаровцев нам не вытащить ни Щеглова, ни профессора, — ответила Света, заметно волнуясь.

Выйдя на саму платформу, они увидели в её начале некое подобие небольшого митинга. У самого края стоял Данила, немного поодаль, словно из партера, за ним наблюдали четверо мужчин. Трех из них Воронов узнал сразу, это были профессор Филюшкин и два молодых наемника, которых ещё не так давно Сергей мутузил в метро. Четвертый же грузный мужчина был ему незнаком, но, судя по виду, это и был главный идеолог общества анонимных суицидников. Сергей напряг профессиональную память, но так и не смог выудить из нее имя искомого объекта. Мозг бывшего следователя был приучен к фотографическому запоминанию. Стоило какой-либо информации попасться на глаза Воронову, как она тут же записывалась на подкорку, чтобы в нужный момент быть извлеченной и использованной по назначению. Сейчас же – никакой ниточки или зацепки. Видимо, этот персонаж в столице недавно, мысленно сделал вывод Сергей.

Вальяжно покачиваясь из стороны в сторону и лениво обводя происходящее вокруг взглядом, грузный мужчина всем своим видом пытался показать, кто в настоящий момент

является хозяином положения.

По дороге Света рассказала Воронову о своем плане. Она рассчитала время таким образом, чтобы каждый участник выдвинулся к месту встречи ровно в тот момент, когда получит от нее сообщение с адресом. Она знала, где находится загородная резиденция злоумышленников, а также знала, сколько до места добираться капитану Сидорову, а посему, вовремя отправив действующим лицам сообщения, она планировала собрать всех в одном месте с таким расчетом, чтобы добиться паритета в раскладе сил. Сейчас соотношение сторон полностью её устраивало и, судя по спокойному виду Сергея, его тоже. На платформе собрались практически все действующие лица плюс капитан Сидоров, видимо, где-то в засаде. Это добавило девушке уверенности и, пребывая в довольно приподнятом настроении, она посмотрела на часы, прежде чем подойти вплотную к Даниле.

— Я вижу, Светлана Владимировна, вы не удосужились соблюсти правила договора, — первым нарушил молчание шеф, буравя взглядом Воронова.

— Вы тоже пришли не один, — парировала Света, — так чего же мне подставляться?

— Что ж, дорогуша, видимо, нас ждет неприятная беседа, поскольку я догадываюсь, что основной пункт сделки вы тоже не собирались выполнять.

Света ехидно улыбнулась, но вместо ответа посмотрела на часы и медленно приблизилась к Даниле, который всё это время оставался безучастным ко всему происходящему на платформе.

— Я так понимаю, вам всё же удалось загипнотизировать бедолагу. Как же вы заставили его прийти на это место?

Света приблизилась ещё на полметра к Щеглову. Она смотрела не на него, а чуть дальше, пытаясь не упустить момент появления поезда. Время истекло, и через мгновение мимо них по расписанию должен был пролететь аэроэкспресс. Воронов оставался в шаге позади племянницы и глаз не спускал с противного толстого мужика, ведущего со Светой беседу. От него не ускользнула мысль, что в данной игре блеф не уместен, но тогда полное спокойствие и расслабленность бандита ему показались совершенно нелогичными. Или он что-то упустил из виду? Сергей быстро огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не увидел. Какой же козырь в рукаве у этого жирного борова? Газель с бойцами? Снайперы?

— Как раз этого добиться не составило большого труда, господин Игнатов, — Света на секунду отвела взгляд от Данилы и лукаво подмигнула шефу. Звук собственного имени на мгновение заставил его наглые глаза сузиться, но в следующий момент он вновь взял эмоции под контроль.

— Я впечатлен. Моего настоящего имени не знали даже мои подчиненные, — спокойно ответил Игнатов. — Даже не буду спрашивать, как вам удалось откопать его. Меня больше интересуют ваши способности гипнотизера.

— Даниле я действительно долгое время внушала мысль о суициде, это заняло не один день. Каждый наш сеанс я добавляла в программу крупницы задания, которое он должен был выполнить, и именно благодаря вашей жадности, господин Игнатов, мне хватило времени довести свою работу до завершения. Оставалось лишь дать ему ключ на запуск программы, к чему вы сами меня и принудили. Помните ваш загородный сарай, куда вы нас специально поместили для этого?

— Помню, как же не помнить, вы тогда исправно снабжали нас будущими покойниками, — съязвил шеф, бросив взгляд на Воронова и пытаясь понять по его реакции, знает ли он о том, что Света работала на него. Воронов и глазом не моргнул, стараясь не

потерять нить игры. Шеф же сделал вывод: знает.

— Я заранее знала, где и как закончится эта история. Сложнее было выманить вас самого.

— И вы решили, что я полностью вам доверюсь? Что поверю в то, что вы собственными руками устраните главную угрозу моему бизнесу?

— А что вам оставалось делать? У нас сложилась патовая ситуация. Вы удерживаете профессора, — Света кивнула в сторону Филюшкина, — в моих же руках оказался Данила. Я не смогла добраться до своей цели, вы не смогли добраться до своей. Сейчас я вам предлагаю равноценный обмен.

— Я весь внимание! — дружелюбно развел руками шеф.

— Одну минуту, — отрезала Света и сделала последние два шага в сторону Щеглова. Напряжение, висевшее в воздухе во время беседы, никому не позволило вовремя увидеть приближение состава. Поезд летел с такой бешеной скоростью, что, опоздай Света хоть на миг, Данилу бы уже ничто не спасло. Машинист состава в последний момент увидел на платформе людей, стоящих в опасной близости к краю, и подал предупредительный сигнал. Именно под этот протяжный громогласный гудок Света и выдернула, уже шагнувшего навстречу смерти, Данилу обратно на платформу.

Присутствующие не двинулись с места, когда девушка и парень дружно повалились им под ноги, отшатнувшись от громяющего аэроэкспресса. Данила был без сознания, а Света, оттянув его на пару метров от края платформы, как ни в чём не бывало встала и вновь обратилась к шефу:

— На чем мы остановились?

— Вы рассказывали, зачем вам понадобился весь этот цирк, — мягко ответил грузный мужчина, заложив руки в карманы брюк. — Вы же понимали, что мы вас не отпустим просто так. Притащили с собой дядю, этого святого наивного человека, и решили, что справитесь с нами голыми руками? Вы же могли просто прислать Даниле сообщение, как и всем нам, да и место встречи можно было выбрать более людное, чтобы уж наверняка убедиться, что мы вас не тронем. Нет же, вы предпочли все усложнить.

— У меня было две цели. Первая — держать вас до поры до времени в полной уверенности, что я на вашей стороне. А вторую я вам не обязана называть, поскольку она вас никак не касается. Всё кончено, господин Игнатов. Наши люди уже, должно быть, окружили платформу или вот-вот придут. Вам незачем усугублять свое положение еще несколькими трупами. Отпустите профессора и бегите, может быть, вам ещё удастся скрыться, хотя вас всё равно так или иначе найдут.

Шеф потушил наигранную улыбку, всё это время не сходящую с его лица, и, как только Света закончила, спокойно ответил:

— Вы все правильно рассчитали, Светлана Владимировна. Мы все собрались там, где вы хотели и когда вы этого хотели. Но, вот ведь какая ирония судьбы, именно в этом вы и ошиблись.

Света вопросительно взглянула на Игнатова. Воронов напряг все свои инстинкты, чтобы быть готовым к любым неожиданностям. А грузный мужчина в дорогом костюме с металлом в голосе продолжил:

— Вы понятия не имеете, где и когда закончится эта история, — с этими словами он посмотрел за спины Светы и Сергея. Оба рефлекторно оглянулись. Позади стоял капитан Сидоров с пистолетом наперевес и держал на прицеле Воронова. Послышались щелчки двух

передернутых затворов – это вооружились Фунт и Стерлинг.

Данила не мог заставить себя открыть глаза. Тело не хотело слушаться, мысли не спешили оформляться в мышление. Он чувствовал, как чьи-то сильные руки подхватили его и потащили куда-то. Несколько раз парень проваливался в забытие и вновь возвращался в состояние, близкое к пробуждению. Наконец его оставили в покое. Он начал ощущать своё тело, но глаз открыть так и не мог. Щека упиралась во что-то твердое и холодное, слышно было, как рычит мотор, ощущалась тряска. Он безвольно мотался из стороны в сторону и на очередном ухабе чувствительно приложился скулой о пол. Холод и дискомфорт, в конце концов, привели его в чувство, и он с огромным трудом приоткрыл глаза. Синего тумана вокруг уже не было, он лежал ничком на полу какого-то грузовика. Сквозь небольшие дыры в тенте пробивались тонкие лучи света, выхватывающие из мрака мириады пылинок, которые медленно проплывали в свете этих маленьких прожекторов. Сил подняться не было, но мысли кое-как начали приходить в движение и выстраиваться в логические цепочки. Судя по всему, он находился в фургоне. Но куда его везли? Кто вёз? Наконец, он понял, почему не может пошевелиться. Руки за спиной ощущали холод наручников, пальцы на ногах уже изрядно занемели, и чувствовалось довольно сильное покалывание в ступнях. Он связан. Это не могло сулить ничего хорошего. Последнее, что он помнил чётко, было то, как они с Вороновым искали кого-то в метро. Затем он остался один. Далее какой-то синий туман и больше ничего. Провал. Что же произошло? Нашел ли он последнего суицидника? Кто и с какой целью его связал? Вопросы начали всплывать в его голове сами по себе, но, не находя на них ответа, Данила почувствовал страх, сжавший его нутро. Подступала тошнота – то ли от некомфортного положения, то ли от сильного запаха выхлопов грузовика.

Приподняв голову, парень обнаружил подле себя еще одного человека, это был какой-то мужчина в полицейской форме. Причем связан он не был, но его тело так же безвольно моталось по кузову. Очередной лучик света полоснул его соседа по затылку. Голова бедолаги была мокрой и совсем уж неестественно билась о ребристый пол фургона. Данилу вновь уколол страх. Вот почему его друг по несчастью не был связан: он был мёртв. Тут же приторно-сладкий запах крови ударил в нос Даниле, подтверждая его догадку. Паника начала одолевать парня. Он лежал так близко к покойнику, что стало вдруг невыносимо страшно. Хотелось отодвинуться от него, перестать чувствовать этот ужасный запах, но связанные руки и ноги позволяли лишь извиваться. Кое-как Даниле удалось перевернуться на бок и немного отодвинуться от незнакомца.

Кузов начало трясти еще сильнее, грузовик то и дело шел юзом. Видимо, едем по бездорожью, подумал Данила. Значит, скоро остановка. И действительно, через несколько минут машина, скрипнув тормозами, резко остановилась. Двигатель заглох. Открылись двери кабины и тут же с грохотом захлопнулись. Двое, судя по звуку шагов, направились к кузову, где находился Данила. Данила прилёг обратно, сделав вид, что не приходил в сознание. Возможно, получится разжиться какой-нибудь информацией.

— Жмурика оставь в кузове, второго в подвал давай, — приказал молодой мужской голос.

Заскрипели ставни, борт с лязгом открылся, и крепкие руки, не церемонясь, потащили Данилу за ноги. Тяжелым мешком парень рухнул на холодную землю, но ни единым звуком не выдал присутствия сознания. Двое мужчин схватили его под локти и потащили куда-то

прочь от машины. Наконец, тяжело дыша, они приволокли Данилу к ветхой сараюшке.

— Шеф велел его не убирать пока. Надо разузнать, кому ещё известно то, что известно ему. Остальных сейчас сюда же привезут.

— Ясно. Давай в подвал его пока.

Парни втоптали Данилу в темное помещение, и по звуку Данила понял, что открывают металлическую крышку подвала. Затем совсем неаккуратно его спихнули вниз. Ступени были деревянными, но довольно крутыми. Было крайне сложно свалиться, изображая полную потерю сознания, но так, чтобы не сломать себе пары-другой ребер. Тем не менее, Данила отделался легкими ссадинами и, возможно, подвернутой лодыжкой, так как основной удар все же пришелся на ноги, а их Данила почти не чувствовал из-за слишком тугих веревок.

Крышка захлопнулась, послышался лязг шпингалета, затем повисла гулкая тишина. В сарае эти двое не остались, не было слышно ни разговоров, ни чьего-либо присутствия. Поэтому Данила решил пошевелиться и принять более удобную позу. «Второй раз за неделю оказываюсь в плену, а я ныл, что жизнь скучна и однообразна», — отшутился сам с собой Данила, скорее для придания бодрости духа, нежели для развлечения. Ситуация по сравнению с той, когда его держали на старой даче, совсем уж невеселая. Во-первых, его планируют убить сразу после допроса, вероятно, с пристрастием. Во-вторых, сюда привезут ещё кого-то. Пока это всё, что удалось выяснить. Что ж, уже неплохо. По крайней мере, не так обидно будет. Интересно, кого имел в виду этот парень, говоря, про остальных. Очевидно, Свету, Воронова и Филюшкина. Хотя за последнего ручаться Данила не мог, поскольку был уверен, что профессора давно убрали.

Минут пять Данила потратил на то, чтобы просто встать на ноги. Сделать это было практически нереально, поскольку ноги были туго стянуты веревками и уже изрядно онемели. Тем не менее, Даниле удалось принять более или менее устойчивое положение, опершись спиной о стену. Еще несколько минут потребовалось на то, чтобы перестала кружиться голова. Как раз в то же время откуда-то снаружи донесся рев мотора и тихий скрип тормозов. Захлопали двери, послышались шаги. Сарай с грохотом распахнулся, и тут же в маленьком подвальчике, где находился Данила, зажглась тусклая лампа. Данила не успел принять лежачее положение, когда крышка подвала резко распахнулась.

— А, так вы уже пришли в себя, гражданин Щеглов?

На миг Данила возликовал, услышав знакомый голос капитана Сидорова. Неужели его все-таки спасут? Но ликование длилось недолго. Только Данила хотел было радостно ответить, как сверху в подвал один за другим рухнули два человека с мешками на головах. Первым, судя по одежде и комплекции, был Воронов, за ним упала Света.

Данила смотрел на эту картину, не в силах преодолеть оцепенение. Что угодно он ожидал увидеть, но только не это. Их троих схватил и засунул в этот вонючий подвал не кто иной, как сам капитан Сидоров — лучший друг Воронова. Данила перевел взгляд на друзей. Света лежала без сознания, и парень уже не сомневался, что это была именно она, так как узнал ее одежду и туфли. Воронов же начал тихо скрежетать зубами и попытался перевернуться на бок. Данила изловчился и подполз к Сергею. Зубами он стянул с него холщовый мешок и тут же отшатнулся. Вместо знакомого хмурого лица на него смотрело одно сплошное кровавое месиво. Левый глаз мужчины заплыл от огромной гематомы, из носа небольшой струйкой стекала и размазывалась по шее кровь. Рот тоже был в крови, то ли от разбитой губы, то ли от выбитых передних зубов. Воронов приоткрыл правый глаз и

попытался сфокусироваться. Увидев лицо Данилы, он, ничего не сказав, стал делать попытки перевернуться на спину. «Старается разглядеть Свету», — догадался Данила и тем же манером подполз к девушке. Та была без сознания, и снять с её головы мешок не удавалось довольно долго. Воронов тем временем уже смог добраться до стены и опереться на неё, тяжело дыша. Данила снял, наконец, мешок со Светы, мысленно поблагодарив небеса, что с её лицом всё было в порядке, и уселся напротив Воронова. С минуту они просто молча глядели друг на друга.

— Не запрокидывайте голову, — сказал Данила, — крови наглотаетесь.

Воронов ничего не ответил, но голову опустил. Теперь кровь из сломанного носа вытекала гораздо интенсивнее, мокрое пятно на груди стало быстро увеличиваться.

— Ничего, сейчас начнет утихать, — постарался приободрить Воронова Данила, — нас на ОБЖ в школе учили.

— Не мели чушь, — огрызнулся Воронов, заметно просвистывая слова сквозь выбитые зубы, — я не за себя пекусь.

Он поглядел на племянницу, безропотно лежащую на сыром бетонном полу — скованную наручниками, сломленную. Уже дважды в её судьбе люди, связанные с силовыми структурами, ломали ей жизнь. И если в первый раз Воронов смог простить своим коллегам их безвольность, то сейчас происходящее целиком и полностью оправдывало всю накопившуюся ненависть Светы. Она оказалась права, и Воронову было досадно осознавать это. Ему казалось, что к старости он стал лучше понимать людей, их мотивы и поступки, но сейчас он был раздавлен. Предательство, возможно, единственного человека на земле, которого он мог назвать другом, полностью выбило из-под него фундамент.

Данила не стал спрашивать Воронова о событиях последних часов. Видя, в каком состоянии находится его бывший телохранитель, парень заставил свое любопытство умолкнуть. Внезапно Света стала подавать признаки жизни. Она застонала и, не осознавая, что связана по рукам и ногам, попыталась перевернуться на спину, но, лишь процарапав щеку о шершавый бетон, видимо, от боли открыла глаза и окончательно пришла в себя.

— Где мы? — хриплым голосом спросила девушка, найдя взглядом Сергея.

— В жопе, — резюмировал Воронов.

Света так и осталась лежать лицом вниз. Данила же, подумав, сказал:

— Не думаю, что всё так плохо.

Сергей и Света обернулись на голос и вопросительно уставились на него.

— Сами подумайте, — начал Щеглов, — нас связали, везли чёрт-те сколько. Запихали всех вместе в эту дыру и при этом оставили в живых. Парню, что ехал со мной в фургоне, повезло меньше.

— Какому парню? — удивилась Света.

— Я очнулся в фургоне связанный, а рядом со мной лежал какой-то парень в форме с пробитой головой.

— Не пробитой, а простреленной, — перебил его Сергей. — Когда тебя запихивали в кузов «Газели», а меня дубасили те двое отморожков, я услышал выстрел. Если честно, я был уверен, что это тебя порешили.

По спине Данилы пробежал холодок. До этого момента он не воспринимал всю эту ситуацию, как нечто реальное, скорее, он был сам для себя отрешенным наблюдателем, словно в кинотеатре. Теперь же, когда о его гибели сказали вслух со стороны, опасность стала практически осязаемой. Данила немного помолчал, но, переборов подкативший страх,

продолжил.

— Тем более. Ничего не знающего полицейского убили среди бела дня, видимо, просто потому, что он был свидетелем. А нас оставили в живых.

— К чему ты клонишь? — Сергей начинал терять терпение.

— Значит, им от нас ещё что-то нужно.

— Но что? — тихо спросила Света. — Мы проиграли. Не учли, кто на чьей стороне. Оказались одни против банды, за которую ещё и твой дружок выступил, — последняя часть реплики явно адресовалась Сергею. Тот промолчал. — Казалось бы, избавляйся от свидетелей, и концы в воду.

— Щеглов прав, — глухо рыкнул Воронов. — Не все у них гладко вышло. Видимо, мы чего-то не знаем, да и, скорее всего, не узнаем уже.

Сергей закашлялся – видимо, слишком много крови попало в горло. Отдышавшись, он все же продолжил с какой-то странной интонацией, больше похожей на злорадство.

— В одном ты, парень, ошибаешься. Всё гораздо хуже, чем ты думаешь.

— Почему? — спросил Данила.

— Потому что пытаться будут. Оставили нас в живых — значит, нужна информация. Оставили вместе — значит, начнут пытаться самого слабого.

— Кого? — дрожащим голосом спросила Света. — Меня?

— Меня, кого же еще.

— Самого слабого? — переспросил Данила.

— Да. Пытка – это не всегда причинение физической боли, пацан. Оглянись. Тут находится самое дорогое, что есть у меня в этой жизни — моя кровь, моя единственная родня. Моя Света. Вот её и будут истязать. А вопросы будут задавать нам с тобой. Потому что знают: и тебе, и мне она дорога. Так что, я повторюсь, мы в жопе, поскольку больше, чем они, мы всё равно не знаем.

Наверху послышались голоса. Лязгнул металлический шпингалет, и люк подвала распахнулся. По крутой лестнице аккуратно спустился капитан Сидоров, а сверху ему подали складной стул. Капитан молча схватил Свету и усадил рядом с Вороновым, затем волоком притащил к той же стене и Щеглова. Разложил стул, поставил его в центр подвала и сел напротив пленников.

Молчание прервал Воронов.

— Где Филюшкин? — чуть присвистывая, прорычал он, глядя на Сидорова исподлобья.

— Нам он не нужен больше, — спокойно ответил капитан, — вернее, он наверняка не знает того, что знаете вы.

Все оживились. Света, до этого сидевшая, потупив взгляд, вопросительно уставилась на дядю. Тот по-прежнему не сводил глаз с бывшего коллеги. Данила же, взиравший на всю картину несколько отрешенно, теперь с большим любопытством смотрел на Свету.

— Так, — оценил ситуацию капитан, — очевидно, что информацией владеет только один из вас.

Капитан встал со стула и начал медленно расхаживать перед пленниками, рассуждая вслух.

— Филюшкин ничего не знает, он был выведен из игры уже давно. А вот вы трое... — он злобно покосился на Воронова. — Вы трое могли и накосячить.

— Что ты имеешь в виду? — Воронов плюнул кровью под ноги капитану. Сидоров брезгливо поморщился, но не отступил ни на шаг.

— А то, падла! — он молниеносно подлетел к Сергею и схватил его за горло одной рукой. Данила изумился такой реакции, но еще больше он изумился тому, что у Сидорова оказались на удивление большие и сильные ладони. Такую шею, как у Воронова, не так-то просто было и двумя руками обхватить, Сидоров же умудрился врезаться своими пальцами прямо в кадык Сергею. Страшно стиснув зубы, он подтянул его синееще лицо к своему и продолжил. — А то, что про наш маленький спектакль узнал кто-то ещё. И, кроме вас, включить в игру третью сторону было некому.

Капитан ослабил хватку и неприязненно оттолкнул Сергея от себя. Тот сразу же закашлялся.

— Мне стало известно, что какие-то люди были замечены в зоне нашей стрелки на станции. Подозрительные люди не вмешивались, но и не отставали. Пока мы распихивали вас по машинам, они пристально следили за нами. Благо, шефу хватило ума подстраховаться на этот случай и расставить своих людей по периметру, один из снайперов их и заметил. Ребята в штатском, но с наушничками. «Газелька» неприметная неподалеку, стало быть, группа организованная. И мне теперь жуть как интересно, против кого я играю?

Воронов заулыбался.

— Совесть тебя гложет. Параноиком теперь станешь, Володя, каждого куста будешь бояться. Тебе же нас грохнуть придется, вот ты теперь и ссышь. Я же сразу понял, что ты нас не просто так сюда притащил.

Сидоров, полоснув холодным взглядом по лицам заложников, остановился посередине подвала.

— Хочешь сказать, не знаешь ничего?

— Нет, но раз ты говоришь, значит, есть повод. Ты ж профессионал. Только теперь, козлина, сам выпутывайся. Сам узнавай, кто на вас вышел, кто вас пасти начал. Подумай, мозгами пораскинь, если есть у тебя ещё, чем раскидывать.

— А ты меня, сука, не учи. Я побольше некоторых хлебнул. Тебя когда поперли, я, думаешь, в малине был? Думаешь, меня за дружбу с тобой по головке погладили? Да если бы

начальство, опять же, по твоей милости не сняли, не сносить мне головы тогда. А у меня, Сережа, семья была, дети... Ты ушел, а мне после той истории крылышки-то пообрезали.

— Так ты обиделся, что ли? — перебил его Воронов. Зассал против системы переть и расстроился, что у меня вышло?

— А ты представь себе, ДА! Да, Сережа, да! Ты ушел, дверкой хлопнул, а толку-то? Что сестру вернул? Справедливости добился? А от меня жена ушла и детей забрала. Потому что жрать нечего было. Потому что неудачника во мне разглядела.

На этих словах Света чуть заметно вздрогнула и вся напряглась. Данила, плечом ощущая её тепло, почувствовал, как она задрожала.

— Ничего ты не добился! — продолжил Сидоров. — Ты даже не представляешь, как подставил нас! Пол-отделения кормилось на тех харчах, да ты и сам с них получал каждый месяц. Ушел, сдал всех. Да ты всем воздух перекрыл, Воронов, ты понимаешь это? Меня понизили, и после той истории, пять лет трахали мозг проверками. Мне полтинник скоро, а я всё капитан.

Сидоров был явно на взводе. Он вновь начал ходить из стороны в сторону.

— Справедливости захотелось? Возмездия? — он уже практически кричал. — Нет в нашей стране справедливости! Ты, когда в ментовку шёл работать, о чём думал? Закон и порядок защищать шёл? Ты карман свой набивать шёл! Как и все мы. Только в какой-то момент у тебя проснулось, не знаю, достоинство, что ли? Что там обычно просыпается?

— То, что у меня проснулось, у тебя всегда в коме было, — злобно прорычал Воронов. — И ты решил на старость заработать, да? Отделом дали покомандовать? А тут такое дельце. Так?

— А хоть бы и так! — отрезал Сидоров. — А именно так! Почему нет? Почему я всю жизнь за копейки жопой рисковать должен? Ради чего? Часики фирмы «Полёт» да пенсия? И мне тоже пожить захотелось, а тут предложение такое. Сами, представляешь, Сереж, сами пришли! Сами предложили! Ты наглости такой в жизни не видел. Так и сказали, мол, мы людей будем мочить чисто да их квартиры забирать, а вы, товарищ капитан, на это глазки подзакроете и кого надо подмаслите, в случае чего. А мы вам за это...

— Чего, старость безбедную обещали? — Воронов даже расхохотался. — Ты лох, Вова, и как лоха тебя обули. Они миллионами ворочают, а тебя за копейки под монастырь подвели. Боишься ты, Вова, ой как боишься теперь. Ты ж убийца теперь! И был бы одним из самых страшных, серийных, если бы не пацан этот, — Воронов кивнул на Данилу, и тот, все время сидевший притихший, почувствовал на себе звериный оскал капитана. Сидоров уставился на Щеглова.

— А может, это ты с кем-то связался, а?

Данилу обуял страх. Таким капитана он ещё не видел. Свирепая ярость чёрной пеленой легла на его лицо, причем это было не метафорой. Лицо капитана действительно будто потемнело. Глаза налились красным, а с губ не сходила странная, почти страдальческая улыбка. Резкое преображение Сидорова Даниле больше всего напомнило те изменения, которые он наблюдал у своих подопечных перед смертью. Только, в случае с его противником, необъяснимой дымкой, словно полупрозрачной маской, было подёрнуто лишь его лицо, а не всё тело. Парень ничего не мог сказать. Он понятия не имел, о чем говорил капитан. Обо всех событиях знали только они трое, а сам он ни с кем и никогда это дело не обсуждал. Да и не с кем было. На работе его за подростка принимали, а друзей у него и в помине не было. Капитан, между тем, подошел вплотную к Щеглову и впился взглядом в его

глаза.

— Нет, — протянул он, — ты ничего не знаешь. Щенок еще, кишка тонка. Я с первой нашей встречи в тебе тряпку распознал. Один ты ничего не мог придумать. Выходит, нужная информация спрятана лишь в двух головах.

Сидоров перевёл взгляд на Свету и Воронова. Но те уже не смотрели на него. Оба лихорадочно думали. Что имел в виду капитан? О какой слежке твердил? Было очевидно, что для них троих ситуация патовая. Капитан выдержал минутную паузу и, вздохнув, выпрямился во весь рост.

— Значит, по-хорошему говорить не хотим. Ладно, придется работать по старинке.

С этими словами Сидоров достал из кобуры пистолет и, быстро передёрнув затвор, навёл ствол на Воронова.

— Своей смерти ты явно не боишься, всю жизнь под пулями ходишь. А вот как насчёт... — капитан медленно перевёл дуло пистолета на Свету, — как насчет неё? За кровиночку-то, поди, сердечко кровью обливается?

Палец скользнул на спусковой крючок.

— Считать не буду. Просто убью её.

— Стой! — Воронов попытался было встать, но тут же получил страшный удар ногой по разбитому лицу. Кровь с новой силой побежала из разбитой губы. — Стой! Не знаю я ничего. Клянусь тебе. Ничего не знаю! С тобой только работал. Сам же знаешь!

Данила вжался в стену. Кровь прилила к вискам и страшно запульсировала, к горлу подкатила тошнота, и он понял, что вот-вот потеряет сознание. Сквозь шум в ушах он услышал последние слова Светы.

— Все равно сдохнешь, тварь! Не боюсь я тебя, слышишь? Ничего не...

Раздался хлопок, оглушительный звон заполнил всё сознание Данилы. По лицу его стекало что-то тёплое, плечо ощутило, как обмякло тело Светы. Ужас произошедшего затуманил его взор, но сквозь туман он услышал нечеловеческий вой. Преодолевая боль, Воронов вновь попытался встать, но, связанный по рукам и ногам, он смог лишь немного приподняться. Тут же раздался второй выстрел, и Воронов повалился под ноги Сидорову. Капитан медленно навел пистолет на Данилу.

— Тебе точно нечего сказать?

Данила поднял взгляд на капитана, но в горле пересохло, и ответить он ничего не смог.

— Что ж, без вас разберусь.

Прогремел выстрел, и Данилу накрыла тьма.

Серенькая неприметная «Газель» с надписью «Техпомощь», припаркованная у обочины, стояла на аварийке. Неподалеку от неё, также моргая поворотниками, расположился неприметный ПАЗик с зашторенными окнами. Внутри автобуса располагались пятнадцать бойцов, упакованных по самому последнему слову техники. Вечерело. У каждого бойца на шлеме было устройство ночного видения, а в шлемах – встроенная связь. Командир подразделения уже проинструктировал подчиненных. Операция готовилась несколько недель, и сегодня руководство наконец-то дало отмашку к действию. Основная часть бойцов спецназа не догадывалась, чей конкретно особняк на Рублевке им придется штурмовать. Их делом было выполнить приказ – для этого их готовили, для этого они погоны надевали.

В «Газели», тем временем, кипела интенсивная работа айтишников. Нужно было во что бы то ни стало запеленговать сигнал телефона объекта. К тому же, телефон был прошит таким образом, что выполнял функцию записывающего устройства. Все, что говорилось и происходило в радиусе трёх метров от него, записывалось и сохранялось в облаке. Последний раз его удалось обнаружить именно в этом районе несколько минут назад, потом сигнал пропал. Конечно, руководитель операции точно знал, за каким именно глухим забором следует искать бывшего сотрудника полиции. Информации было предостаточно, но, для того чтобы взять с поличным всю банду разом, было необходимо удостовериться, что похищенные находятся за тем самым забором. Потеря сигнала могла быть вызвана техническим сбоем. Сигнал со спутника не проходил, значит, их держат в подвале. По рации о возможном месте заключения было доложено руководителю группы захвата, это было сделано на случай штурма без подтверждения наличия объекта на территории.

Наконец была объявлена пятнадцатиминутная готовность. Если за это время сигнал не восстановится, будет отдан приказ о штурме. Рискованно, конечно, но иначе можно было опоздать. Оперативных данных хватало, чтобы иметь представление о главаре банды. К тому же, из последней сводки стало известно о причастности к деятельности банды капитана полиции Сидорова. К слову сказать, эта персона сразу не понравилась руководителю операции. Знакомясь с делом, в первую очередь бросался в глаза тот факт, что, имея на руках нескольких свидетелей и ряд неопровержимых доказательств незаконной деятельности ОПГ, Сидоров не предпринимал никаких действий по их задержанию, что, естественно, осложнило ход всей операции. Теперь, помимо задержания преступников, необходимо было вынудить продажную тварь раскрыться, поймать с поличным. Именно поэтому после событий на платформе руководителем операции был дан отбой, было решено слегка усыпить бдительность преступников. Группу даже специально придержали, чтобы дать возможность бандитам оторваться от слежки, таким образом им просто спутывали карты. Теперь они не знали, против кого играют. Если спецслужбы, то поди разберись, почему отстали? Если другие бандиты, то кто именно? Риск, конечно, был, но для группы такого уровня он был вполне оправдан. В любом случае, команда «наизготовку» была отдана, оставалось только лишь ждать.

Ни боли, ни каких-либо других ощущений в момент выстрела Щеглов не испытал. Просто одна картинка резко сменила другую, словно кто-то сел на пульт от телевизора и случайно переключил канал. По всем раскладам, после прямого выстрела в голову Данила не

должен был ничего чувствовать. Но парень странным образом слышал и чувствовал свое дыхание, ужасно быстрое и глубокое, словно после двухминутной задержки воздуха. Перед глазами по-прежнему была тьма. Что произошло, он умер? Судя по тому, что он помнил всё произошедшее до мельчайших подробностей, нет. Мёртвые ведь не должны помнить, да и чувствовать ничего они не должны. А Данила сейчас явно испытывал набор не самых приятных, но всё же вполне реальных ощущений. Руки и ноги затекли, словно он был... Данилу обожгла мысль: связан? Да, действительно, он был связан до событий, произошедших в подвале. Перед глазами была тьма. Так ведь и это объяснимо — когда его швырнули в подвал и захлопнули дверь, было крайне темно. Парень ничего не понимал. Если так выглядит смерть, то это самое скучное мероприятие в его жизни. Всё, что угодно он ожидал увидеть после смерти, вплоть до полного отсутствия каких-либо ощущений, но только не это. Получалось, что после выстрела в голову он продолжал лежать в том же самом подвале, скованный наручниками, со связанными ногами. Данила попытался определить, где находятся Света и Воронов. Попытался пошевелиться — удалось. Как мог, он начал извиваться всем телом по холодному полу своей темницы, но, к своему изумлению, не нащупал своих сокамерников. На минуту подкатил страх. Соображал он сейчас туго, и происходящее никак не вязалось с тем, что произошло пару минут назад. Данила отчётливо помнил, что капитан Сидоров допрашивал их вот в этом самом подвале. А затем хладнокровно убил. Сначала Свету, затем Воронова и в конце его самого. Но как тогда объяснить то, что Данила все ещё жив? Ведь всё выглядело настолько реально, что в голове даже тени сомнения не возникало в подлинности произошедшего. Этот допрос, эти выстрелы, даже кровь Светы, горячей кашей стекавшая по его лицу. Стоп. Кровь! Точно! Если всё произошедшее было реальностью и капитан действительно прострелил в этом маленьком подвале три черепа, повсюду должна была быть кровь. Море крови! Догадка приободрила Данилу. Сейчас он лежал лицом на абсолютно сухом полу. Ни запаха, ни каких-либо других признаков крови не было.

Вдруг растерянность Данилы прервал звук мотора и уже знакомый скрип тормозов. Захлопали двери, послышались шаги. Щеглов замер, не в силах унять волнение. Сам себе он тихо сказал: «Сейчас откроют сарай, — и тут же послышался грохот открывающихся дверей. — Включится лампочка, — та не заставила себя долго ждать, осветив обшарпанные стены. — И откроется люк». Все мини-пророчества сбылись с точностью до секунды, что повергло парня в настоящий ступор.

— А, так вы уже пришли в себя, гражданин Щеглов?

Парень вздрогнул, услышав знакомый голос, но не от того, что услышал его, а от того, что уже знал, что услышит именно эту фразу. Он уже точно знал, что произойдет дальше. И действительно, как и в прошлый раз, сверху по очереди свалились связанные Воронов и Света.

Воронов начал копошиться, вновь стараясь принять удобную позу. А Света, как и в прошлый раз, лежала без сознания.

«В прошлый раз?» — Данила поймал себя на мысли, что уже начал отождествлять происходящее сейчас со своим странным воспоминанием. Значит, то, что произошло, не было реальностью? Или было ею лишь в его воображении? Тогда как объяснить то, что всё, что сейчас творится, с ужасающей точностью повторяет те страшные события в его голове? Парень отполз подальше, качая головой. Нет, так не бывает! Это просто немыслимо. Он с точностью до секунды может предсказать свою смерть и смерть своих друзей? Мысль

поразила Данилу и на время заставила выключиться из реальности, парень закрыл глаза и постарался отдышаться. В голове вновь раздался грохот выстрела, перед глазами вновь всплыли картины страшной расправы над Светой и Вороновым. Раз за разом эти мгновения проносились перед глазами Данилы, словно заевшая пластинка. Ускоряя свой бег и врезаюсь в его сознание, они словно старались проделать брешь в его мыслях и вырваться наружу, воплотившись в реальность.

— Щеглов... Это ты? — голос Воронова заставил парня вернуться к реальности. — Ты чего молчишь?

— Да, это я, — не веря своему счастью, произнес Данила. Ведь ещё несколько минут назад он был уверен, что их всех больше нет на этом свете.

— Это я! Я!

— Помоги мне. Ты можешь двигаться?

Данила вспомнил, как в своем видении зубами стягивал холщовый мешок с головы Воронова, и, вновь проделав те же действия, изумленно уставился на друга.

— Ты чего лыбишься? — Воронов недоверчиво смотрел на Данилу. — Голову отбили?

Парень слегка замялся, осознав, что в данных обстоятельствах действительно выглядит довольно странно, но был не в силах сдержать улыбку на лице. В его голове зарождалась мысль, но для того, чтобы её проверить, времени почти не было. Через несколько минут, судя по воспоминаниям, в этом подвале произойдет нечто ужасное.

— Ничего, — сказал Данила, — просто... — он вновь заулыбался, теперь уже глядя на Свету. Девушка приходила в себя и начала шевелиться. — Просто мысль есть одна.

Он подполз к Свете и помог ей снять с головы мешок. Та уставилась на него с таким выражением лица, словно призрак увидела.

— Я что-то пропустила?

— Нет, — ответил Данила, уже не пытаясь сдержать улыбку.

— Тогда чего ты сияешь? — с недоверием спросила девушка.

— Мозгами дерябнулся, — ответил за Данилу Воронов. — Мы в полной жопе, а он счастлив. Чокнулся. Бывает в экстремальных ситуациях.

— В жопе, — повторил Данила, улыбаясь ещё шире, — ты так тогда и сказал.

— Когда? — хором спросили Света и Сергей.

Данила собрался с мыслями и буквально выпалил:

— Слушайте внимательно, времени нет. Сейчас в подвал спустится Сидоров. Начнется допрос. Его интересует третья сила, которая вмешалась в их дела. Я понятия не имею, что именно он имеет в виду, только они считают, что кто-то из нас натравил на них неизвестную им структуру. Информации он не получит, а потом...

Света чуть заметно вздрогнула.

— Что потом?

— Убьёт он нас потом, — завершил за Данилу Воронов. — Только мне непонятно, откуда у тебя такая информация?

Данила перевел взгляд на Сергея и тихо ответил:

— Я только что это пережил.

— То есть ты представил, как нас будут убивать? — уточнил Сергей.

— Нет, я там был. Я видел это, я чувствовал это. Я сам умер. Потом темнота. Открываю глаза — и всё, словно фильм перемотали на несколько минут назад. Я опять в подвале. Привезли вас. И вот сейчас придет капитан.

Воронов недоверчиво посмотрел на Свету, не в силах переварить и поверить сказанному, но в глазах племянницы он увидел полный восторг. Ему казалось, что она полностью разделит его мнение по поводу душевного здоровья Щеглова, но она, по-видимому, полностью поверила во всё, что поведал Данила.

— Я ничего не понимаю. Это типа предвидения?

— Да, — ответила Света и после небольшой паузы продолжила, обращаясь уже к Даниле. — Когда я задумала избавить тебя от проклятья предчувствовать самоубийства, я воспользовалась подсказкой, которую ты сам мне подкинул.

Данила вопросительно посмотрел на Свету.

— Ты говорил, что если твоих клиентов попытаться разбудить или растормошить задолго до последнего прыжка, то ничего не случится. Их желание покинуть этот мир лишь отодвинется на несколько минут, но не более того. Они все равно покончат с собой. Но если им дать совершить этот шаг, позволить дойти до ручки, дать им испытать сильнейший стресс в их жизни, то они, если можно так сказать, исцелятся. Я предположила, что способность Данилы предвидеть эти события сродни самому самоубийству. Именно поэтому ты испытывал такую сильную душевную боль, когда не успевал спасти их. Ты словно брал на себя их эмоциональный взрыв, и это убивало тебя. Рано или поздно ты дошел бы до грани, за которой потерял бы рассудок.

Данила вдруг посерьезнел. Он начинал понимать, к чему клонит Света.

— Хочешь сказать... — начал он, но Света его перебила.

— Да. Я специально подвела тебя к последней черте. Я сама запрограммировала твое сознание на суицид. Каждый наш сеанс гипноза заканчивался новой вводной, которую ты должен был выполнить, как только получишь команду.

Одними губами Данила прошептал:

— Мост через озеро.

— Да. Это была команда на смерть. Я знала, где и когда ты должен был погибнуть, и моя идея заключалась в том, чтобы вытащить тебя из этого замкнутого круга. Так же, как ты сам вытаскивал своих подопечных многие годы. Я просчиталась. Видимо, этот метод на тебе возымел обратный эффект. После такого стресса ты не потерял свой дар, а раскрыл его потенциал полностью. Вероятно теперь ты можешь предвидеть гораздо больше, чем раньше.

— Это, конечно, замечательная теория! — воскликнул Воронов. — Только как она нам поможет теперь? Напомню, мы тут, в подвале, связанные. Лично у меня уже ноги онемели.

Данилу словно ледяной водой окатило. Света пыталась его убить и тем самым спасти его жизнь. Мысли завертелись в его голове. Он не может допустить то, что должно произойти. Не сегодня, не сейчас.

Воронов изобразил на лице страдальческую гримасу, хотя изображать ничего и не нужно было, разбитое лицо то и дело перекашивало от боли.

— Хотя стой! — воскликнул Сергей. — Как ты сказал, третья сила?

— Да. Сидорова интересовало, кому ещё мы рассказали о том, что происходит в фирме, которую он прикрывал.

— Помнишь, в метро на перроне я тебе телефон дал?

Данила напряг память и утвердительно закивал головой.

— Он ещё при тебе?

Щеглов попытался припомнить, обыскивал ли его кто-нибудь по пути сюда, но, так ничего и не вспомнив, заёрзал по полу. Руки были связаны за спиной, а телефон он мог

положить только в передний карман брюк. С трудом он перевернулся на живот и с облегчением ощутил в левом кармане твердый предмет.

— Да, он на месте, меня не обыскивали.

— Это телефон Сидорова, — сказал Воронов. — Если за ним кто-то охотится, то есть вероятность, что и телефон прослушивают.

— И как нам это поможет? — спросила Света.

— Нужно выбраться из подвала, — сделал вывод Сергей. — Отсюда сигнал может быть слабым.

Но его мысли прервал звук открывающегося люка, в подвал спустился капитан Сидоров. Кто-то сверху протянул ему стул, и он сел напротив своих заложников. Ситуация повторилась с точностью до секунды.

Как и в прошлый раз, молчание прервал Воронов вопросом о судьбе профессора. Данила, проматывая весь диалог в голове, с ужасом понимал, что развязка неумолимо близится, и начал лихорадочно думать. Как им выбраться наружу? Как отодвинуть страшную минуту расправы? Беседа подходила к моменту, когда Сидоров обратил внимание на Данилу.

— А может, это ты с кем-то связался, а?

Данила смотрел на капитана полными отчаяния глазами. Он понимал, что никто никого не выпустит. Теперь у Сидорова был лишь один путь — избавиться от лишних свидетелей. Да и информация о том, кто теперь за ним следит, его не сильно интересовала. Рано или поздно он сам поймет, с кем имеет дело. Данила понимал, что весь этот допрос проводится капитаном исключительно для того, чтобы хоть как-то оправдать ту жестокость, на которую через несколько минут он пойдет. Неожиданно парень выпалил первое, что взбрело ему в голову:

— Я скажу.

Сидоров изумленно уставился на Данилу, он явно не ожидал такого ответа. Данила же теперь искал в голове любые факты этой истории, для того чтобы придумать максимально правдоподобную ложь и хоть немного потянуть время.

— Но только при одном условии.

— Я слушаю, — участливо произнес Сидоров.

— Я понимаю, что вы нас всех убьете, — Данила немного запнулся, мысли никак не хотели выстраиваться в логические цепочки.

— Ну, продолжай, продолжай! — нетерпеливо воскликнул заинтригованный капитан.

— Я ... — парень сделал глубокий вздох. — Я люблю её.

Сидоров опешил. Отстранившись немного от Щеглова, он взглянул на Свету.

— Её?

Данила потупил взгляд, на щеках вспыхнул неподдельный румянец. Он вновь посмотрел на капитана и продолжил.

— Да. Я уже давно влюблён в неё. Не знаю, что она сделала со мной, но после всех вечеров, что мы провели вместе, решая мои проблемы, я понял это.

— И что же ты от меня хочешь? — с усмешкой спросил капитан. — Поженить я вас не смогу, саном не вышел.

— Я ничего не хочу. Просто не хочу видеть её смерть.

Сидоров вновь посмотрел на Свету. По щекам девушки катились крупные капли слез. Сыграть такое было невозможно, и ему пришлось поверить.

— Что ж, я полагаю, симпатия у вас взаимная. Но, увы и ах, я не могу поддаваться на сантименты. Вы, так или иначе, покинете этот свет. Чего ты хочешь?

— Убей меня не здесь? Во дворе, в лесу, на чердаке — где угодно, только не у неё на глазах.

— Ну что же, — Сидоров изобразил сомнение, — последнее желание приговорённого — закон. Так и быть, пристрелю тебя во дворе. Выкладывай, что знаешь.

Данила собрался с мыслями, посмотрел на Свету и мысленно повторил то, что минуту назад сказал вслух: «Люблю».

— Я работаю в транспортной компании, слесарем.

— Это я знаю. Дальше.

— Со мной работает один человек, Николай Патрушев. Он бывший сотрудник спецназа ГРУ.

Капитан слегка прищурился, сопоставляя факты.

— Это я тоже знаю. Продолжай.

— Когда вся эта история закрутилась, и вы меня взяли в оборот, я не знал, что делать, у меня в голове всё перемешалось. Вы, бандиты, слежка, опасность... Я испугался. Нужно было что-то делать. Обратиться мне было не к кому, и я решил спросить у него совета, как быть.

— Твоего алкоголика Патрушева я знаю, наводил справки, когда на тебя вышел. Что же он тебе посоветовал?

— Да ничего особенного. Я ему не всё рассказал, только то, что у меня проблемы с полицией и бандитами. Он выслушал меня, но толком так ничего и не сказал. Лишь руками развел, мол, уже давно не при делах и ничем помочь не может. Это всё, что я знаю. Больше я ни с кем не разговаривал.

— Хочешь сказать, этот твой Патрушев решил в итоге старые связи поднять ради тебя?

— Не знаю. Я сказал всё, что мне известно. Больше мы с ним не виделись, и на работу я больше так и не попал.

Сидоров отвёл взгляд в сторону, словно взвешивая полученную информацию, затем вновь посмотрел на Данилу.

— Информация, конечно, так себе, не это я хотел услышать. Вряд ли старый отставной вояка решил из-за тебя старые связи налаживать. Ладно, приму к сведению.

Капитан достал пистолет. У Данилы защемило в груди, он вжался в стену и зажмурился.

— Сука ты, Сидоров, — прорычал Воронов. — Даже убить достойно не можешь.

— Поговори мне тут.

Следователь подошел к Даниле, схватил его за шиворот и одним сильным движением поднял на ноги. Данила уперся затылком в стену.

— Только без глупостей, Ромео.

С этими словами он достал короткий охотничий нож и перерезал веревки на ногах.

— Пошел!

Он ткнул Данилу пистолетом промеж лопаток и повел дулом в направлении крутой лестницы. Ватные ноги не хотели подчиняться, но, пересилив боль, парень неуверенно стал подниматься вверх. Следом поднялся Сидоров. Возле сараюшки стоял какой-то старик в лохмотьях.

— А, уже имидж сменил, — с усмешкой сказал капитан старику. — Ладно, веди его на задний двор. Сейчас кончать будем.

— Может этих, — старик ткнул в подвал пальцем, — тоже наверху того?

— Эти пусть сидят.

— Трупы-то потом как поднимать?

— Пусть сидят! — прикрикнул Сидоров. — Ничего, не надорвётесь.

Странный дед, кряхтя и охая, повел Данилу на задний двор роскошного особняка. Они обогнули высокий кирпичный дом и остановились рядом с гаражом.

— Сюда встань, — старик указал на небольшой пятачок аккуратно постриженного газона. Подошел Сидоров. Данила получил не очень сильный удар по ногам и вынужденно

упал на колени.

— Больше ничего сказать не хочешь?

Парень промолчал. Всё, что мог, он сделал. Времени он у смерти отнял не так много, как хотелось, но всё же у его друзей появился призрачный шанс на спасение. Своей жизни он не жалел и даже не вздрогнул, ощутив холодное дуло пистолета у затылка. Единственным, о чём он действительно переживал, было то, что он не смог напоследок сказать Свете о том, что сказанное в подвале было правдой.

— Товарищ майор, — обратился к начальнику молодой айтишник, прижимая к уху наушник, — есть сигнал с телефона. Заложники живы.

— Отлично. Приступаем.

Данила крепко зажмурил глаза и напрягся всем телом. Слишком уж часто за последнее время ему приходилось умирать, такое хобби кого угодно заставит нервничать. Капитан не стал тянуть с казнью, и мгновение спустя уши парня заложило от оглушительного хлопка. Он был гораздо громче тех выстрелов, что он слышал в подвале, когда его убивали в первый раз. Одновременно с выстрелом грудь Данилы обожгло, и парня буквально швырнуло вперед. На этот раз боль не просто сопровождала смерть, она буквально разрывала сознание Данилы на части. Руки парня по-прежнему были скованы за спиной наручниками. Он открыл глаза. Взгляд застилала белая пелена, сквозь которую бледно-зеленой кашей виднелся газон, в который он уткнулся лицом. Даниле захотелось в последний раз ощутить запах свежей травы, но никаких запахов ощущать он уже не мог. Дыхание перехватило, и он тщетно хватал воздух ртом. Шевелиться Данила тоже боялся, поскольку горячая, жгучая боль, разливающаяся по всей груди, угрожала окончательно поглотить остатки его сознания. А ему еще так хотелось пожить! Пусть всего минуточку, пусть вот так, уткнувшись в мокрую траву лицом, но пожить. Странный предмет жизнь, подумалось Даниле. Когда ей ничто не угрожает, мы даже не задумываемся о ней. Воспринимаем, как что-то само собой разумеющееся. Принимаем не как дар, а как данность, не ценя ее по достоинству. Еще мгновение, и воздух в лёгких начал превращаться в углекислый газ. Боль отступила, и на ее место пришла печаль. Острое сожаление о непрожитых моментах, нереализованных возможностях. Еще вчера его жизнь казалась ему пустой и никчемной, а сейчас он горько сожалел о том, что потерял её. Данила не знал, как и с кем поделиться этой печалью, а поделиться хотелось так же сильно, как и жить. Постепенно картинка перед его глазами стала темнеть, веки начали моргать гораздо медленнее – сейчас они больше напоминали занавес, который нерадивый режиссёр никак не мог закрыть окончательно. Актер всё прощался и прощался со зрителем, а занавес всё не закрывался, но каждое новое его открытие было короче, чем предыдущее. Наконец на Данилу навалилась дикая усталость, глаза открывать больше уже не хотелось. Сердце начало стучать в висках, его шум нарастал с пугающей силой. А потом все стихло.

— Он всё еще без сознания?

— Врачи говорят, угроза миновала, но он потерял очень много крови.

— Он нужен нам.

— В качестве кого?

— Во-первых, как важный свидетель. Без его показаний дело, конечно, не развалится, но он нужен нам для полной картины.

Данила не сразу понял, что речь идет о нём. Голоса доносились издалека, словно из параллельной реальности. Причем голоса незнакомые.

— Смотри, зашевелился.

Щеглов напрягся, но открыть глаза так и не удалось. Постепенно звуки стали более резкими, он почувствовал, что к нему кто-то подошел.

— Щеглов, ты как, оклемался? — спросил смутно знакомый голос, слегка присвистывая его фамилию.

— Я жив? — едва слыша собственный голос, спросил в ответ Данила.

— Живее всех живых, — с ноткой радости ответил второй голос, который Данила не узнал вовсе.

— Где я?

— В госпитале, — ответил шепелявый, в котором Данила, к своему удивлению, признал Воронова. Это открытие придало ему сил, и она даже смог приоткрыть глаза. Палата была залита ласково пригревавшим солнечным светом. — Тебя буквально с того света вытащили.

Данила перевёл взгляд в направлении голоса и увидел перед собой Воронова. Тот был одет в больничную пижаму, что само по себе было для него странно. Рука его была загипсована и висела на груди, держась на смотанном в жгут бинте. Лицо Сергея уже не выглядело, как кровавое месиво, каким его запомнил Данила, но все ещё хранило следы сильных побоев. Глазницы были густо окрашены гематомами, а левый глаз был налит кровью, что придавало и без того суровому лицу Воронова оттенок свирепости. Но всё изменилось, лишь только он улыбнулся беззубым ртом. Данила не смог сдержать ответной улыбки.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь обрадуюсь, увидев тебя таким.

— Каким, живым? — весело отозвался Воронов. — Но-но, поговори мне тут еще... Вот встанешь на ноги, я тебя быстро уму-разуму научу.

— Ладно, товарищи, — вмешался в дружескую перепалку незнакомец, — не стоит сыпать угрозами, только выпутавшись из такой передраги.

Данила посмотрел на спутника Воронова.

— Кто вы?

— Прошу извинить мою бестактность, молодой человек. Я не представился. Полковник ФСБ Голицын Валентин Эдуардович.

— ФСБ? — слегка смутившись, переспросил Данила. — Так значит, капитан Сидоров имел в виду вас, когда выпытывал информацию?

— Да, брат, — вмешался Воронов. — Как оказалось, ты популярен не только среди бандитов.

Данила вопросительно уставился на Воронова, но того опередил полковник Голицын, невысокий сухонький мужчина достаточно преклонного возраста. Он деликатно кашлянул в кулак и ответил за Сергея:

— Эмм, да. Ваш товарищ прав, гражданин Щеглов. Мы за вами давненько приглядывали. Ваши, так сказать... — мужчина слегка запнулся, — способности привлекли наше внимание задолго до кульминации всей этой истории. Около полугода мы изучали вас и ваши, эмм... методы.

— Методы? — Данила не сразу понял, о чём речь.

— Да, изучали вашу работу, ваши связи. Искали источники информации и пытались понять, как именно вам удается вычислять потенциальных жертв. Мы даже приставили к вам своего человека для более детального изучения вашего психологического портрета.

— Своего человека? — Данила начал запутываться. — Кого, Воронова, что ли?

— Нет, к сожалению, гражданин Воронов не является нашим сотрудником. Более того, нам пришлось проанализировать немало информации, чтобы понять, что он не состоит в сговоре с вышеупомянутым капитаном Сидоровым.

— Тогда о ком речь?

— Шесть месяцев назад на место вашей работы был внедрен наш сотрудник, Шемякин Николай Степанович. Знаете такого?

— Дядя Коля? — изумился Данила.

— Он самый, — подмигнул Даниле полковник. — Мы от него много информации о тебе получили. Сотрудник он опытный, и всё нам про тебя поведал. Кстати, именно ему вы все и обязаны жизнью.

Слово «все» приятно отозвалось в сознании Данилы. Значит, Света тоже жива... Улыбка невольно тронула его лицо.

— В смысле, обязаны жизнью?

— Когда вы пропали из виду, именно его группа вышла и на товарища Воронова, и на капитана Сидорова, и на всю его шайку-лейку. В нашем распоряжении оказались все ваши данные, включая мобильные телефоны и средства передвижения.

— Но у меня с собой телефона не было, — возразил Данила.

— Вашего не было, а вот телефон капитана Сидорова, переданный вам в метро вашим другом Сергеем, оставался с вами до самого конца. Именно благодаря ему мы были в курсе всего, что происходило на той платформе, где вы чуть было под поезд не угодили. Единственное, чего мы не знали, это где находится, так сказать, штаб-квартира всей этой крысиной организации. Главаря мы, кстати, уже прижали к стенке. Почти всех повязали, так что вам больше ничто не угрожает.

— Всех? И Сидорова?

Воронов кашлянул и тихо произнес:

— Убили Володьку. Жаль дурака.

— Убили?

— Да, — подтвердил полковник Голицын, — перестарались мои архаровцы. Хотя, если бы не их действия, то он, скорее всего, успел бы вас убрать. Снайпер снял его в самый последний момент, когда он уже взвел курок, чтобы вас, так сказать...

— Так вот почему он выстрелил мне не в голову, а в спину... — в пустоту пробормотал Данила.

— Он просто был ослеплен свето-шумовой гранатой и начал палить куда попало, вот нам и пришлось его ликвидировать. Ваше же ранение, к счастью, оказалось не смертельным. Но зато в наши руки попались почти все остальные члены банды.

— Что значит «почти»?

— Эмм, главарю скрыться так и не удалось, он уже всю показания дает. Также были задержаны практически без сопротивления семеро его охранников. Изъято несколько единиц огнестрельного оружия и, самое главное, вся их подпольная бухгалтерия — имена инвесторов и списки жертв. Кстати, если бы не вы, эти списки были бы куда масштабнее, скажу я вам.

— Кому же удалось уйти? — не понял Щеглов.

— Вот тут мне, конечно, за сотрудников стыдно немного, — покаялся полковник. — После штурма усадьбы и короткой перестрелки была зачистка, в ходе которой и были задержаны все члены группировки. Среди них в доме оказалась пожилая пара, муж с женой. Как они представились — клиенты фирмы, подписавшие договор пожизненной ренты. Стариков трогать не стали, только препроводили их в служебный ПАЗик, что называется, до выяснения. Ну, пока суть да дело, эти гаврики наш автобус взяли и умыкнули. Бросили на ближайшей железнодорожной станции и скрылись в неизвестном направлении.

— Знаю я их, — сказал Воронов. — Братья-близнецы, работали на главаря. Хитрые черти, любят маскарад. Переодевались постоянно, когда я сам за Щегловым следил.

— Ну, ничего, — ответил полковник, — далеко не уйдут. Личности мы выясним да в розыск их объявим.

Данила слегка отвел взгляд в сторону и тихо спросил:

— А что со Светой?

Воронов помрачнел и отошел к окну. Полковник Голицын ответил за него.

— Горина Светлана Владимировна сейчас тоже под следствием находится. Всю вину она взяла на себя, но следствием уже установлена и вина профессора Филюшкина. Его совесть запятнана куда сильнее. К слову, она сделала это, когда узнала о его состоянии здоровья. Уже в изоляторе у профессора случился обширный инсульт, и он в данный момент находится в реанимации. Прогноз неутешительный, в ближайшее время ему вряд ли придется отвечать за свои действия.

Данила ничего не ответил, лишь закрыл глаза. Представлять Свету в роли подсудимой ему было мучительно больно, да и новость о профессоре не радовала.

— Ну, вы не переживайте, — постарался приободрить Данилу Голицын. — Светлана Владимировна активно сотрудничает со следствием, и её мотивы нам уже известны. Она, конечно, не избежит наказания, но, тем не менее, суд учтёт в своем решении все факты. Именно поэтому нам необходимо подробно побеседовать с вами.

— Я расскажу все, что знаю, — холодно ответил Данила.

Полковник кивнул и направился к выходу. У двери притормозил немного, словно задумавшись, затем обернулся и сказал:

— Кстати, гражданин Щеглов, на ваш счёт у нас тоже есть планы. Мы не просто так обратили внимание на ваши нестандартные способности. Не пропадайте.

Он подмигнул Даниле и вышел. В палате воцарилась тишина. Воронов по-прежнему стоял спиной и молча смотрел в окно.

— Много ей светит? — спросил Данила тихо.

— Поживем — увидим, — сухо ответил Воронов и направился к выходу. — Ты поправляйся. И, если что, — мужчина замялся, — обращайся, в общем.

Данила открыл глаза, не сразу осознав, где находится. В окно падал холодный лунный свет, бледным пятном выкрадывая у мрака силуэт письменного стола. На столе мигал ноутбук, давно погрузившийся в спящий режим от бездействия. Часы показывали три часа ночи. «Это произойдет сегодня», — подумал Данила и одним резким движением вскочил с постели. Всё равно уже не уснуть. Наспех одевшись, парень прошмыгнул в ванную. Умылся ледяной водой, проклиная бережливость Воронова, который вечно на ночь отключал бойлер, и вышел во двор. Холодный ноябрьский воздух тут же заставил Данилу поёжиться. Обняв себя руками, он быстро прошмыгнул через знакомую калитку, ведущую к озеру. Осень выдалась зябкая, и деревья, уже давно обронившие листву, легко пропускали лунный свет сквозь свои кривые сучья. Тропинка, ведущая к воде, была хорошо различима, и уже спустя минуту Данила стоял у края моста. Того самого, что послужил ему однажды командой к самоубийству. Данила окинул взглядом ещё не скованное льдом озеро. Легкий пар, поднимавшийся от водной глади, слегка укутывал новенький мостик. Всё лето они с Вороновым мастерили это чудо архитектуры. Устанавливали и крепили на цепях понтоны, натягивали от берега к берегу толстые канаты и устилали на лаги струганные доски. Мост получился грубым и неказистым, зато устойчивым и широким, на нём можно было легко разминуться двум велосипедистам. Работа заняла практически всё лето, учитывая, что работать приходилось исключительно в выходные. Вчера они с Сергеем докрасили последние метры моста и бережно установили табличку с надписью «Окрашено!» и датой окончательного запуска сооружения в эксплуатацию. Дата была выбрана не случайно. Оба ждали её с неописуемым трепетом, а потому трудились без устали и почти не ругались. Данила научился избегать острых углов в общении с Вороновым, стараясь уступать ему в спорных моментах, а Сергей научился прислушиваться к мнению этого «рукожоба, которого ему Бог послал в помощнички». Данила улыбнулся, вспомнив, сколько раз Воронов называл его именно этим новомодным, но при этом таким ёмким словом — «рукожоб». Многие вещи парень действительно делал впервые и потому не мог похвастать правильным анатомическим расположением рук, на что постоянно обращал своё внимание Сергей. Но, тем не менее, работу они закончили вовремя. И сегодня был тот самый день, когда этот мост официально предстанет на суд первому пешеходу. Именно сегодня Света выходила на свободу.

Данила ещё раз осмотрел их с Вороновым детище и побрел обратно в дом. Не в силах больше терпеть этот холодильник, он на цыпочках прошмыгнул мимо комнаты Сергея и выкрутил ручку газа на полную. Бойлер задумался секунд на пять и начал набирать обороты, натужно покрякивая, качая горячую воду по трубам. Спустя десять минут в доме уже стало заметно теплее.

Данила сидел на кухне и задумчиво пялился в кружку с горячим чаем. Последний год стал переломным в его жизни. После ранения и больницы был суд, на котором всем членам банды, в зависимости от их роли, дали от трех до пяти лет. Главарю впаяли пятнадцать лет строгого режима с конфискацией. Причем, судя по словам полковника Голицына, сладкими они ему не покажутся, поскольку попадет он в компанию людей, у которых брал деньги на свой гениальный проект. Далеко не факт, что он вообще когда-либо выйдет на свободу.

Свете же дали год. Учли её мотивы и активное сотрудничество со следствием. Также

учли, что от её рук, по сути, погиб лишь один человек, которого тогда не смог спасти Данила. Причем не спас он его при активном содействии помощников главаря. Тех самых, что, перевоплотившись в немощных старичков, ловко скрылись во время штурма. Их, кстати, так и не нашли, они как в воду канули. Да и не мудрено, с такими-то талантами.

Данила сидел и молча представлял, какой будет их встреча, как Света отреагирует на его появление. Ни Воронову, ни ему до самого освобождения она не позволяла себя навещать. Она не выходила на свидания и никому не писала. Благодаря своим бывшим связям в органах, Воронову удалось наладить контакт с одним из надзирателей в её колонии. И та, чисто за символическую плату, передавала Сергею всю интересующую его информацию о племяннице. Здорова ли, как чувствует себя, не нуждается ли в чём – всё Сергею было известно, а через него обо всем знал и Данила. Сам же Щеглов не ленился и исправно писал Свете письма. В них он никогда не поднимал тему чувств, лишь однажды дал себе слабину и обмолвился, что ему очень не хватает их теплых вечерних бесед. В основном же он просто рассказывал о себе. О том, как после суда ему поступило предложение работать в службе охраны московского метрополитена. Он с гордостью рассказывал о своих успехах в предотвращении несчастных случаев в метро, рассказывал о том, как сильно изменился характер его предчувствия и что нового он смог открыть в себе. Поведал, что больше не испытывает этих мучительных панических атак, сопровождающих каждый потенциальный суицид, что теперь это чувство стало сродни обычному знанию. Словно кто сообщение присылает прямо ему в голову. Просто и лаконично: сегодня будет попытка суицида. Тогда Данила вызывал всех своих подчиненных и рассредоточивал их по всей подземке, согласно лично им придуманной схеме. Он не без гордости сообщал Свете, что за прошедший год ни одного случая суицида так и не случилось. сетовал на то, что открыли линию Московского Центрального Кольца, и что теперь работы прибавилось на треть. И просто писал о том, что видел и чувствовал, развивая свои новые способности. О самих способностях он умалчивал намеренно, боясь раскрывать все карты до встречи с ней. Боялся, что без каких-либо особенностей он не будет интересен Свете, и поэтому приберегал их до момента встречи.

Данила не переживал из-за того, что не получал от Светы писем. Он знал, что с ней всё в порядке. И не только благодаря сведениям, что передавал ему Воронов. Света не просто вылечила его – она подарила ему новую жизнь. Открыла в нём способности, о которых раньше Данила и не мечтал. Теперь он чувствовал её на расстоянии. Знал, когда ей грустно, знал, когда весело. Знал, что она чувствует и как работает над собой. Он понимал её. И потому не настаивал в своих письмах на том, чтобы она отвечала ему. Он понял, что этот год она решила посвятить искуплению. Многого изменилось в её мироощущении после встречи с Данилой, и это время ей было нужно, чтобы научиться жить с тем грузом ответственности, который она добровольно на себя взвалила, решив спасти его. Данила понимал, на какую жертву она пошла ради него. И эта жертва позволила ему самому осознать, какое место ему суждено занять в этой жизни. Теперь свои способности он воспринимал не как наказание, а как дар, ответственный и бесценный.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net